

Филология
и Лингвистика

международный научный журнал

sol 太阳 suno
ήλιος diell xemx
słońce sunce सूरज
sun eguzkia
güneş saule
sonne күн
soleil sole ne ghrian
slunce soare slnka
quyosh aurinko
araw qorraxdu 太陽 päike ra

16+

ISSN 2412-4028

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 2 (06) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Члены редакционной коллегии:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук*

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Руководитель редакционного отдела:

Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы:

Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 10.07.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Эгамбердиева Г.М.
К вопросу о взаимоотношении жанров сказки и дастана 1

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Садокова А.Р.
Анракуан Сакудэн (1554–1642) и становление жанра японского устного рассказа ракуго 4

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Vu Thanh Ha
Non-epic inspiration and types of characters in some Vietnamese novels in "Doi Moi" period 7
- Гаджиева Н.З.
К вопросу о переводе рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника» 10
- Королева Е.В.
Анализ лингво-культурологического кода как путь к пониманию художественного текста (на материале стихотворения В. Ф. Ходасевича «Перед зеркалом») 15
- Нажмиддинов Т.Х.
Творчество Бальзака 20

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алексеев Ф.Г.
Астраханские татары-булгаринцы и их язык 23
- Алиева Э.А.
Типы и функции эллиптических конструкций в художественном очерке С. Кржижановского «Салыр-Гюль» 25
- Harutyunyan L.
Peculiarities of economic events covering news 29
- Astafyeva Y.V., Mikhailova T.V.
Development of Classical Crossover and major themes in classical crossover music texts 31
- Ахмади М., Алияри Ш.М., Хассанзаде М.
Значения предлога «на» в предложном падеже и их персидские корреляты 34
- Бартков Б.И., Чвилева В.Ю.
Циркумфиксация существительных в современном русском языке (количественный подход) 38
- Винникова О.М.
Методы концептуальной лингвистики как средства обучения иностранному языку 44

Ганиходжаева М.Н. Слово о категории падежей в немецком и узбекском языках	46
Ибрагимова Д.Т. Эволюция «странствующих» сюжетов (сравнительный и структурный анализ древнегерманского героического эпоса)	48
Воробец Т.А., Лобкова Е.В. Особенности номинации чайной продукции российских и британских компаний (на материале названий марок и брендов компаний «Орими Трэйд», «Май», «Ахмад», «Твайнингс»)	51
Садчикова Я.В., Василенко А.П. Употребление сленговой лексики в курсантской среде.	57
Тян Н.В. Индоевропейское языкознание сегодня	60
Федченко О.Д. Новый подход к лингвистическому анализу гидронимов Центральной России.	62
Филимонова Е.Б. Варианты ударения в современном русском языке.	64
Цой А.П. Прецедентный феномен как объект оценки в аксиологических механизмах языковой игры в пьесах Л. С. Петрушевской	66
МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Борисенко К.Г. Стилистические приемы как средство усиления прагматического эффекта текста (на материале предвыборных выступлений Барака Обамы)	70
Холжигитова Д.Б. Социокультурное и межкультурное измерение языкового обучения и преподавания. . . .	73
ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Анорбоева М.С. Morphological characteristics of numerals in English, Russian and Uzbek languages	75
Зулфикорова А.Б. Проблемы использования эквивалентов при переводе текстов.	76
Паршина Т.В. О стандартах, используемых при переводе научно-технической литературы и документации	77
Тоштемиров Э.Н., Абдужабборова Ш.А. Phraseologisms expressing intellectual abilities of the man in English, Russian and Uzbek languages.	80
Туланбаева Ш.Ш., Исмоилова Б.В. Some reflections on the phraseological synonyms in English	81
Тургунова Э.Э., Халимова М.М. Problems of grammatical and conceptual meaning in the structure of language	83
Шамуратова Г.Ю. О проблемах перевода эвфемизмов с немецкого языка на узбекский язык.	84

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

К вопросу о взаимоотношении жанров сказки и дастана

Эгамбердиева Гузал Мадияровна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана (г. Ташкент)

Этапы развития фольклорных жанров, представляя собой весьма сложный процесс, непосредственно связаны с общественным прогрессом, с уровнем развития человеческого мышления, его обновления.

Современное состояние сказок и дастанов, являющихся наиболее крупными жанрами народного творчества, представляет собой продукт довольно большого исторического отрезка времени. Этапы формирования данных двух жанров обладают достаточно древней историей. Кстати, говоря об этих двух жанрах, следует особо остановиться на мифологии, явившейся основным источником для эпических фольклорных произведений, так как мотивы, связанные с мифологией, довольно часто наблюдаются и в сказках, и в дастанах. В некоторых случаях достаточно сложно бывает определить грань между мифом и сказкой. По этой причине, «... сказка и миф иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называются сказками» [6, с.27]. Данное сходство между сказкой и мифом объясняется определенной близостью в принципах отображения ими событий и явлений материального мира.

Таким образом, «... миф — это не просто рассказанная история или повествование, имеющее аллегорическое, символическое и т.п. значения; миф переживается архаическим сознанием в качестве своего рода устного «священного писания» как некая действительность, влияющая на судьбу мира и людей» [4, с.17].

Известно, что такие свойственные мифам черты, как способ изображения, фантастика, сверхъестественность ситуаций, находят свое проявление и в сказках. «Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдаётся за действительность» [7, с.80]. Следовательно, мифы и сказки имеют определенное сходство между собой. «Сказочная фантастика развилась из мифологического мышления древних народов». [3, с.380]. Однако, не каждый миф является сказкой. Миф может войти в структуру сказки или полностью превратиться в сказку. Это весьма сложный процесс. «Сказка возникает в недрах новых общественно-экономических отношений, в основном, в форме отрицания многих сторон мифа» [1, с.150]. В любой сказке можно

найти какой-либо мифологический мотив или эпизод. Миф, в свою очередь, часто встречается и в структуре дастанов. Иногда они непосредственно переходят в структуру дастана, а в некоторых случаях посредником служит сказка.

Насколько миф и сказка считаются древними жанрами, настолько и дастан обладает древностью своего происхождения. По определению отдельных исследователей, «героический эпос развивается как непосредственное продолжение традиций архаического повествовательного фольклора доклассового общества, первоначально на основе взаимодействия героической песни-сказки и первобытного мифологического эпоса о первопредках — культурных героях» [5, с.62]. Таким образом, жанр дастана также начал свое формирование гораздо раньше, до появления классового общества. Разумеется, первоначальные жанры дастанов были довольно далеки от свойств, характерных для мифов и сказок. Первоначально их исполняли в форме историко-героических песен. Мотивы и образы, характерные для мифов и сказок, вошли в их структуру позднее. По определению В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова, «... мотивы, присущие сказкам, появились в сюжетах таких дастанов позднее, когда основная фабула их уже сформировалась, наиболее близкая к истине» [3, с.60]. Данные суждения исследователей верны, в основном, по отношению к любовно-романическим дастанам. Поскольку, хотя в героическом эпосе и наблюдаются мотивы и образы, свойственные мифологии и сказкам, они, в основном, сохранили качества, характерные героическому эпосу.

По мнению Г. Джалалова, автора целого ряда исследований о взаимоотношении дастана и сказки, «... сказочная фантастика служит вспомогательным целям — для дополнения изображения героизма, раскрытия некоторых сторон характера героев, а сказочная сюжетика в композиции дастана находится на втором плане» [2, с.155].

Придерживаясь данного суждения Г. Джалалова, следует отметить то обстоятельство, что в таких дастанах, как «Хурилико и Хамро», «Шахрияр», «Ройи Чин», получивших широкое распространение в Хорезме, сюжеты, характерные для сказок, даются, в основном, на переднем плане.

Таким образом, если мифы сыграли роль своеобразного источника для развития жанра сказки, то немаловажное значение для развития жанра дастана имели сказки.

В вопросе взаимовлияния данных двух жанров, сходствах, имеющих место в сюжете, мотивах и образах, важное значение приобретают наблюдения ученого Б. Саримсакова. По его мнению, «... такие жанры, как легенда, предание, сказка, на основе условия, требования, необходимости обогащаются посредством очень многих творческих актов и могут трансформироваться в структуру дастана» [10, с.101]. В свою очередь, «... дастан или сказка не могут обратиться в легенду или предание» [10, с.101]. По мнению ученого, «характерный для дастана принцип историзма не может соответствовать свойственным для легенды и преданию стандартам историзма» [10, с.101].

Вышеизложенное охватывает одну сторону вопроса, с другой стороны, в ходе общественного прогресса повышается и уровень сознания людей. В соответствии с этим, сюжеты, проявляющиеся в отдельных жанрах, устаревают и выходят за рамки художественного мышления народа. В этой связи, некоторые жанры отмирают, а остальные продолжают свое существование. То обстоятельство, что со временем мифы и сказки уступили свое место жанру дастана, может служить наглядным подтверждением данному суждению. В настоящее время сказка используется достаточно редко, а дастаны в определенной мере приобрели популярность.

Следовательно, взаимоотношение сказки и дастана, представляя собой весьма сложный процесс, вобравший в себя достаточно широкий исторический отрезок времени.

Если обратиться к вопросу взаимоотношения сказки и дастана, то можно убедиться в наличии различных проявлений принципов взаимосвязи данных двух жанров.

Обычно в фольклористике понятие, связанное с эволюционными изменениями жанров, мотивов или образов, определяется посредством термина «трансформация». Профессор Б. Саримсаков, используя термины «трансформация» и «диффузия», показывает трансформацию в качестве широкого понятия, а диффузию определяет в виде одного из активно действующих закономерностей для проявления той или иной формы трансформации [10, с.100].

Во взаимоотношениях сказки и дастана можно наблюдать многие случаи проявления трансформации и диффузии.

В результате межжанровой диффузии достаточно естественным представляется то обстоятельство, что в структуру дастанов проникают отдельные мотивы, образы, эпизоды, связанные с различными ситуациями. В ходе данного процесса в структуре дастана могут занять свое место эпизоды, связанные не только со сказками, но и мифами. Однако полная переработка сказки в качестве дастана представляет собой довольно сложное и достаточно редкое явление.

В то же время имеются немало дастанов, созданных на основе конкретной сказки. Как пишет фольклорист Б. Саримсаков, в основе дастана «Орзигул» из репертуара Ислама-шаира лежит волшебство-фантастическая сказка [9, с. 36]. Соответствующее сюжету данного дастана движение событий можно наблюдать в дастане, известном в Хорезме под названием «Маликаи Дилором», а также в дастане «Хурилико и Хамро», исследованием которого занимались ученые О. Мирбадалова и Г. Веселков. Они утверждают, что время формирования этого дастана XVI–XVIII века.

Обычно в научных источниках сюжет определяется в форме взаимосвязанных и развивающихся реальных событий, составляющих непосредственную канву художественного произведения [11, с. 113]. Сюжет, в свою очередь, состоит из ряда структурных элементов. Несмотря на то обстоятельство, что сказка и дастан являются эпическими жанрами, с точки зрения своего объема они далеко не равнозначны. В дастане сильно проявляются монументальность, широта изображения, и тот факт, что при исполнении главной движущей силой является профессионализм, определяет во многих отношениях его превосходство над сказкой.

В этом можно наглядно убедиться, если сопоставить сюжетную линию из дастана «Хурилико и Хамро» с сюжетом, явившейся для него основой, сказки «Булбулигуё». Характерно то, что и в дастане «Хурилико и Хамро» и в дастане «Шахрияр» в качестве основного мотива фигурирует вопрос поиска сказочной булбулигуё (жар) птицы.

Говоря о сюжете сказок и дастанов следует отметить, что немаловажное значение имеет мотив. Поскольку, «...мотив образует сюжет, он является элементом сюжетной системы» [8, с.143].

Возникновение дастанов с сюжетом сказочного типа представляет собой вполне закономерное явление. Во-первых, данный сюжет, являясь довольно популярным, должен обладать духовно-просветительской ценностью.

Во-вторых, произведение должно попасть в руки талантливой бахши, способной переработать данный сюжет в форму дастана. Второй фактор представляет собой главный аспект вопроса. Бахши, для переработки сказочного сюжета в дастан, должен обладать сильной импровизацией, точнее, должен быть творческой личностью. Далеко не каждый бахши способен справиться с данной работой.

В-третьих, появление некоторых дастанов на основе сказочных сюжетов неразрывно связано с творчеством поэтов (писцов), достаточно грамотных и хорошо разбирающихся в классической литературе, деятельность которых заключалась в переписывании рукописных дастанов, имевших распространение в Хорезме. Например, стиль дастана «Шахрияр», отдельные газели и строфы в его структуре свидетельствуют о деятельности профессионального творца.

Следовательно, принципы переработки сказочных сюжетов в качестве дастана вбирают в себя различные процессы.

Литература:

1. Акрамов В. Г. Мифологиянинг айрим эпик жанрлар билан узаро муносабати // Узбек фольклорининг эпик жанрлари, Т., 1981, с. 150.
2. Джалалов Г. Узбекский народный героический эпос, Т., 1980, с.155.
3. Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос, М., 1947, с. 80.
4. Малиновский Б. Мифология // Мифы народов мира, энциклопедия, т. 1, 1987, с. 17.
5. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа, М., 1986, с. 62.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки, Л.,1986, с.27.
7. Пропп В. Я. Фольклор и действительность, М., 1976, с.80.
8. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору, М., 1975, с. 143.
9. Саримсаков Б. «Орзигул» достони юзасидан бир неча кайдлар // Ислом шоир ва унинг халк поэзиясида тутган урни, Т., 1978, с.36.
10. Саримсаков Б. Эпик жанрлар диффузияси // Узбек фольклорининг эпик жанрлари, Т., 1981, с. 101.
11. Хотамов Н. Т. Адабиётшуносликдан кискача русча-узбекча терминологик лугат, Т., 1969, с. 113.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Анракуан Сакудэн (1554–1642) и становление жанра японского устного рассказа ракуго

Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Термином *ракуго* (букв. «упавшее слово») называется один из жанров народной массовой культуры эпохи Эдо (1603–1868), эпохи, когда смех уже не понимался как исключительно ритуальное явление, а воспринимался как возможность просто развлечься. В понятие *ракуго* входило публичное рассказывание забавных историй, цель которых была рассмешить слушателей. Смеховой эффект достигался не только благодаря мастерству исполнителя и изначальной оригинальности сюжета, но и благодаря концовке — будь то последняя фраза или слово. Концовка — всегда неожиданная, делающая любое незатейливое повествование смешным, называлась *оти*, то есть «падение». Именно в *оти* была заключена «соль» рассказа, и мастерство рассказчика определялось тем, насколько удачно он мог подать концовку смешной истории.

Первоначально *ракуго* исполнялись только устно. Рассказчиков называли *ханасика* («рассказчик»), хотя имелись в виду именно исполнители смешных историй. Сами же рассказы в начале XVII в. еще не получили названия *ракуго*, а были известны в основном как *ханаси*, («рассказы», «истории»), однако были и другие термины.

Откуда же черпали свои бесконечные смешные истории японские рассказчики? Ведь истории должны были быть чрезвычайно занимательны, поскольку у исполнителя в отличие от театральных актеров, на сцене не было помощников, а реквизит был всегда очень скромн — веер или полотенце. Его оружием всегда были лишь голос, мимика и жесты. Порой рассказ занимал всего несколько минут, но надо было прожить его со своими героями так, чтобы слушатель не только погрузился в атмосферу эдоской жизни, но и от души рассмеялся.

Многие смешные истории, популярные в эпоху Эдо, были созданы еще в самом начале XVII в. Принято считать, что первыми исполнителями смешных историй были *отогисю* — особые рассказчики при дворе сёгунов — военных правителей Японии. В начале XVII в. появились и первые книги смешных рассказов, от которых ведется история жанра.

Вообще роль книги в развитии *ракуго* была чрезвычайно велика. Именно благодаря книгоизданию сегодня мы имеем возможность проследить историю развития этого удивительного жанра — ведь смешные истории,

которые первоначально, до того как попали в сборники, исполнялись исключительно устно, и могли быть утрачены навсегда. Однако, к счастью, этого не произошло. Более того, в период Эдо, уже в самом начале XVII в. стала формироваться особая область городской эдоской литературы — *ханасибон* («книги рассказов»). Большой словарь по древней японской литературе дает следующее определение *ханасибон*: «Одна из форм [публикации] средневековых рассказов. Область литературы Эдо. Собрания, включающие короткие смешные рассказы, известные как *ханаси*, *карукутибанаси*, *отибанаси*» [3, т. 5, с. 98]. История издания сборников смешных рассказов стала прямым отражением развития жанра *ракуго*. Она сохранила имена самых известных исполнителей, зафиксировала качественные перемены в жизни устного смешного рассказа.

Принято считать, что в истории *ханасибон* можно выделить четыре периода, отразивших принципиальные изменения, которые происходили в жанре *ракуго* [3, т. 5, с. 98]. Первый период, обозначаемый как «начальный», приходится на 1615–1673 гг. Именно в это время рассказы, услышанные от *отогисю*, впервые фиксируются письменно и тем самым дают начало *ханасибон* как явлению японской литературы. В этот же период создаются первые собрания смешных рассказов, в которых юмор еще не является основной целью издания, а соседствует с буддийской дидактикой. Однако многие из появившихся в «начальный» период собрания будут тиражироваться и столетия спустя.

Второй период развития *ракуго* и литературы *ханасибон* в японской науке принято называть «периодом утверждения». И это действительно так. Его особенность заключается в том, что именно в период 1673–1772 гг. *ракуго*, а значит и книги *ханасибон* прочно овладевают умами и помыслами горожан. Интерес к *ракуго* в это время сравним лишь с интересом к поэзии трехстиший — *хайку*, в имена исполнителей *ракуго* также популярны, как имена актеров театра Кабуки. Кстати, именно в это время формируется цех профессиональных рассказчиков, которые начинают издавать свои собственные собрания, а также появляется особый жанр юмористического рассказа *карукутибанаси*. В этот же период огромной популярностью пользуются и другие комедийные жанры,

например, театральные фарсы — *кёгэн*. История развития японской городской смеховой культуры движется к своему пику, который приходится на третий период.

Третий период по праву называют «периодом расцвета» — блестящие сборники, великие имена. Он приходится на 1772—1804 гг. Непродолжительный по времени, этот период ознаменован глобальными изменениями внутри жанра *ракуго*: в его недрах рождается жанр *кобанаси* (букв. «маленький рассказ»), вобравший в себя «соль» смешного рассказа.

И, наконец, четвертый период — это 1804—1868 гг. Его называют «периодом упадка». Однако с этим трудно согласиться. Да, конечно, XIX век привнес в японскую литературу новые темы, более созвучные потребностям городского сословия, но смешной рассказ не умер. И даже более того — он вышел на подмостки сцены, собирая большие аудитории. На небосклоне *ракуго* вспыхнули великие имена рассказчиков Нового времени, и их слава ничуть не уступала славе предшественников. Но если только самую малость...

Революция Мэйдзи (1868) перевернула жизнь японского общества: новые имена, новые проблемы, новые взгляды... На волне больших перемен потерялись многие жанры японской средневековой литературы. Японская культура была открыта новым ветрам. Но удивительное дело: то, что по-настоящему было близко душе и сердцу, нигде не потерялось. И даже теперь, спустя еще более 100 лет, можно с радостью констатировать, что жанр *ракуго* — жив. Смешные рассказы звучат по телевидению и радио, диски с записями выступлений рассказчиков можно купить без труда, об исполнителях (часто очень молодых людях) пишут центральные газеты. В дни Новогодних праздников, когда *ракуго* по-прежнему особенно в почете (ведь надо войти в Новый год с улыбкой и смехом, тогда и год будет удачный!), даже на станции электрички можно натолкнуться на объявление о представлении *ракуго* с участием известного исполнителя...

Если же вернуться к началу, то станет очевидна роль первых изданий начала XVII века для истории становления жанра смешного рассказа в японской литературной традиции. Но среди этих книг одна занимает особое место. У этой книги, как и у ее создателя, поистине великая судьба.

Но чтобы понять и прочувствовать это, надо отправиться в древний город Киото и подняться по ступеням буддийского храма Сэйгандзи — место рождения жанра смешных рассказов. Здесь жил и творил великий Анракуан Сакудэн — основоположник японского смешного рассказа *ракуго*.

Память о Мастере до сих пор хранит древний Сэйгандзи — ведь в храме покоится душа Сакудэна, а на храмовом кладбище — его телесная могила. Именно поэтому в Сэйгандзи приходят люди просить удачи в творчестве — благодаря Сакудэну храм считается покровителем творческих натур. Под сводами храма собираются почитатели *ракуго*, и звучат смешные истории, а в храмовом киоске наряду с амулетами, четками и буддийской литературой продают переведенное на современный японский язык главное творение Сакудэна — его

сборник смешных рассказов «Сэйсуйсё» — «Смех, пробуждающий ото сна».

Анракуан Сакудэн (1554—1642) был 55-м настоятелем храма Сэйгандзи. В историю японской культуры он вошел как известный мастер чайной церемонии, литератор, первый исполнитель смешных рассказов. Он прожил долгую жизнь, основным девизом которой было, конечно, подвижничество. Иначе, как успел бы он сделать столько, сколько он успел сделать для японской культуры?

Сакудэн родился в 1554 г. в земле Мино (совр. преф. Гифу). Его жизненный путь был определен еще тогда, когда мальчик был совсем маленьким: в младенческом возрасте его постригли в монахи в храме Дзёондзи и дали монашеское имя Сакудэн. Известно, что в возрасте 11 лет он впервые приехал в Киото и в храме Дзэнриндзи начал постигать Учение Будды. При этом Сакудэн не только сам многому научиться, но и стал прекрасным проповедником. В возрасте 25 лет он отправился в долгий путь по Японии, в путь странствующего монаха — проповедника и созидателя. Его стараниями были построены или восстановлены многие буддийские храмы, названия которых сохранились в истории: это храмы Дзэнсэйдзи и Сэйходзи в земле Бинго (совр. преф. Хиросима), храмы Гокуракудзи, Курасики Сэйгандзи и Ходзэндзи в земле Битю (совр. преф. Окаяма) и некоторые другие.

Более десяти лет своей жизни Сакудэн провел, строя и восстанавливая храмы, пока, наконец, примерно в 1593 г. не был назначен 13-м настоятелем храма Сэйходзи недалеко от г. Осака. Сакудэну было тогда 39 лет. Однако через несколько лет судьба сделала удивительный виток: Сакудэн в возрасте 43 лет как бы вернулся к своим истокам — он стал 25-м настоятелем храма Дзёондзи в земле Мино, того самого, в котором в детском возрасте стал буддийским монахом.

К 43 годам Сакудэн был известен и уважаем. Он многого достиг. К середине жизни он сделал столько, сколько было не под силу многим и за целую жизнь. Мог ли он тогда предположить, что не менее значительное только еще ждет его впереди? И это значительное будет связано с храмом Сэйгандзи в Киото.

Сакудэну было уже около 60-ти лет, когда его назначили настоятелем храма Сэйгандзи. Десять лет жизни он отдал этому храму и в возрасте 70-ти лет отошел от дел. На территории храма он построил себе павильон, известный как Тикуринин («Павильон в бамбуковой роще»), около которого был небольшой сад и чайный домик. С этого времени его стали называть Анракуан Сакудэн, то есть «Сакудэн из тихой хижины спокойной радости». А он и в самом деле вел неторопливый образ жизни: совершенствовался в чайной церемонии, слагал шуточные стихи — *кёка*, любовался цветущими камелиями (говорят, он очень любил эти цветы), всегда был рад гостям — прихожанам храма и друзьям — а среди его друзей были самые образованные люди Киото, и, конечно, творил. Именно в «Павильоне в бамбуковой роще» примерно в 1628 г. Сакудэн завершил свое главное творение — книгу «Сэйсуйсё» [4, с. 26—27].

Это была первая в Японии книга исключительно смешных рассказов, она вошла в сокровищницу японской

литературы, а многие помещенные в нее истории сегодня почитаются классическими. Книга была объемна и включала 8 свитков. Настоятель Сакудэн, который с детства интересовался «смешными интересными» историями, составил этот сборник с определенной целью: книга предназначалась для бесед на досуге в чайной комнате. Понятно, что, будучи связанной со столь высоко эстетичной областью японской культуры как чайная церемония, и к тому же составленная буддийским монахом, эта книга по содержанию значительно отличалась от своих довольно фривольных предшественников. А нее было включено много рассказов о самураях, приводились забавные случаи из жизни известных поэтов. Общеизвестно, что набор текстов был глубоко продуман, рассказы были чрезвычайно разнообразны по сюжету и действительно очень смешные [2, т. 10, с. 510].

Как показала дальнейшая история устного смешного рассказа в Японии, творение Сакудэна оказало огромное влияние на его развитие. Рассказы, собранные настоятелем Сакудэном, на многие века пережили своего создателя. Они украшали выступления великих рассказчиков других эпох и даже включались в их именные антологии. Они звучат под сводами храма Сэйгандзи и в наши дни.

Вечером во второе воскресенье каждого месяца в храме Сэйгандзи собираются почитатели жанра смешного рассказа, члены клуба «Пи-тику курабу», и тогда вновь и вновь звучат рассказы *ракуго* и смешные истории, написанные и собранные Сакудэном, про которые

он так писал: «Хочу оставить их последующим поколениям». Члены клуба убеждены, что хотя многие из рассказов Сакудэна до сих пор исполняются современными рассказчиками, пропаганда творчества Сакудэна могла бы быть более многогранной [1, с. 28]. Вероятно, они правы, хотя и не скажешь, что Мастер предан забвению. Храм гордится тем, что связан с жизнью столь замечательного человека. «И сегодня, и много лет назад в этом храме собирались люди, близкие ему по духу. Мы хотим стать наследниками народности великого Сакудэна», — сказал в интервью газете «Кёто симбун» нынешний настоятель храма Сэйгандзи [1, с. 28].

Настоятель Сакудэн незримо присутствует повсюду на территории храма. В основном зале вывешен его огромный портрет, с которого смотрит лукавое, одухотворенное лицо немолодого человека. Художник запечатлен Сакудэна в тот самый момент, когда Мастер выступал перед слушателями — по всему видно, что рассказывает он что-то смешное. В руках у Сакудэна веер — обязательный атрибут любого исполнителя *ракуго*. «Холмом веера» (*огицука*) названо и то место, где покоится дух Сакудэна. Белый памятник украшает изображение веера. Веер — атрибут Сакудэна, а с еще более давнего времени, с эпохи Хэйан (IX—XI вв.), атрибут всех образованных людей, особенно тех, кто имел отношение к литературе и искусству. «Холм веера» — это то место в храме Сэйгандзи, где можно помянуть Сакудэна, попросить богов быть благосклонным к собственной творческой карьере.

Литература:

1. Анракуан Сакудэн. Фурю айсита ракуго-но со (Анракуан Сакудэн — любивший изящное родоначальник ракуго) // «Кёто симбун», 02.06.2000.
2. Дайнихон хяккадзитэн (Большой японский энциклопедический словарь). Т., 1971.
3. Нихон котэн бунгаку (Японская классическая литература) в 6-и тт. Т., 1983—1985.
4. Окамото Саёко. Сакудэн // Анракуан Сакудэн «Сэйсуйсё» ёри. Сакудэн-сан-но вараи-банаси (Из «Сэйсуйсё» Анракуан Сакудэна. Смешные рассказы Сакудэна). Т., 1996.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Non-epic inspiration and types of characters in some Vietnamese novels in “Doi Moi” period

Vu Thanh Ha, doctor, lecturer
Hong Duc University

Ву Тхань Ха, доктор, преподаватель
Университет Хонг Дук (Вьетнам)

This article studies changes in inspiration when composing some Vietnamese novels after the year 1986. In particular, the article explains how the characters were invented in these novels. The way to choose a type of character in a novel has shown changes in composing thought of novelists in order to portray real life in a particular historical period of Vietnam.

Key words: *inspiration, non-epic, novel, character, innovative period, Vietnamese literature*

The art of inspiration is an internal energy that helps a writer to complete his work. Every type of inspiration will produce a type of work as well as a type of a character. Characters with universal stature are the result of literature works that are written by epic inspiration. The type of novel character is inspired by private life. Representative novels of literature in the innovative period are transformation in composing inspiration.

1. The image of soldier in Vietnamese novels after the year 1986.

1.1. If characters in Vietnamese novels have been mainly of epic stature, representing community, class, and nation before 1986, in the Doi Moi period, they are people of ordinary life, abused serfs, rebellious and destroyed characters, and people with inherent complex characteristics.

“Non-epic” inspiration allows writers to explore deeply the reality of war and soldier from various aspects and multiple levels of value. The soldier is described not only as a community person, but also as an individual person, a value not just of civic ethics. Human being not only exists as political consciousness, but also as an individuality with all its plenty and complexity. Vietnamese novels exploited the exploring penchant about soldier theme in his private life in the period 1986–2000, for example Nguyen Van in the *Ben khong chong* novel of Duong Huong, Dong in *Mua la rung trong vuon* of Ma Van Khang, Hai Hung in *An may di vang* of Chu Lai, etc. War heroes now live in real life as a specific destiny.

Dong is gentle, simple in everything. The retired lieutenant colonel is now a tedious uninterested hopeless person, unworried; indifferent to every event of life. He

has only one fun thing that is a game of *tổ tôm*¹. A hero went back from the battlefield with lieutenant colonel and victories in the battle. He is a pride of his family, but in the non-epic sense of novels in the Doi Moi period Dong is only a private soldier in an ordinary life. The winner in the battlefield becomes a loser affected by battle in usual life. Happiness breaks up; Dong is both a victim and culprit of family tragedy.

Nguyen Van in *Ben khong chong* of Duong Huong ends his life because of love in embitterment and humiliation with a silent death in the river of Dong village. Medals are to bear evidence of merits in the battle that have not redeemed the sin of incest. Who could defend a person against his sin that he has slept with his beloved daughter, the daughter he-Nguyen Van loved as his child.

It is possible to recognize familiar characters in novels of the Doi Moi period. They are soldiers who have gone back after the war, but everyone has a different destiny. There are three types of characters in common. Firstly, those who still retain qualities of a soldier that is they do not change both their style and their feelings and thoughts: wearing military uniforms and implementing a lifestyle as in the war. They could not escape the mission that has become their life, and the battle becomes a real “career”. Secondly, soldiers of the war, but they are not heroes. They are often young, are more or less afraid of bombs. They have changed completely, have become wealthy bosses, have lived a luxury life. They have still memorized the past faintly. Thirdly, heroes in the battle with many wounds both physical and soul. They have become freakish people in the society, are completely strange with a new life, could not integrate and live with the

1 *Tổ tôm* is a draw-and-discard card game played in Vietnam, usually by men.

obsession of war years, always would like to find the lost heroic past, and become the “past beggars”.

What caused the battle heroes to become lost people in the ordinary life? The life has changed; new age began with good and bad things as a river in the flood season. The soldier is not trained to fight with invisible, live and good fight enemies. The battle with fireless guns did not kill their bodies, but killed their souls.

Due to various reasons, there was a time of an abnormal state, when literature in general included novels avoiding tragedy and sadness. This is a right necessary choice for inevitable demands of history. However, when the life has returned to normal flow in all its inherent complexity with pleasure and sadness, happiness and suffering of misfortune fate, unfinished lives, loneliness and weakness, miserable circumstances, unhappy risks, unjustifiable obstacles on each life-step, etc, the appearance of tragedy and sadness in literature could be considered as a spontaneous thing, an appreciate claim, and as a sacred duty, a debt of literature to life.

The aestheticism of post-modern accepts higher demands of readers that results that writers must have genuine works that bring the breath of life, and reflect the nature of human being. Authentic literature is not a trite document with a “one-side look”. It is time for literature to discover compassion in the human soul.

1.2. We do think that in Vietnamese novels in the period 1986–2000 there are some types of characters such as heroes in the postwar, lonely, rebellious, tragic people, new bosses, powerless before reality. It is proven by such examples as in *An may di vang* of Chu Lai, *Mua la rung trong vuon* and *Dam cuoi khong co giay gia thu* of Ma Van Khang, *Manh dat lam nguoi nhieu ma* of Nguyen Khac Truong, *Than phan cua tinh yeu* of Bao Ninh, *Dan than* of Xuan Cang, *The gioi khong co dan ba* of Bui Anh Tan, *Ben khong chong* of Duong Huong, *Co hoi cua chua* of Nguyen Viet Ha, *Tien biet nhung ngay buon* of Trung Trung Dinh, *Cuon gia pha de lai* of Doan Le, *Goc tam toi cuoi cung* of Khuat Quang Thuy.

Postwar soldiers are a type of character that received much preference of writers. They were an important character image in literature in the period 1945–1975. In the years from 1975 to 1985, they were referred to as the anthem continuation about soldiers who created heroic historical pages of the nation. It is not only literature, but there is also all of art types to focus on reflecting, praising, honoring their noble qualities. However, literature works were written during the wartime in order to praise soldiers. It seems that there is lack of some things about soldiers, so we read about them and watch them without familiarity. We only see them in the battle posture; rarely see them injured or dead. They were mentioned briefly. There are only triumphs and victories. The sons and daughters of the country leave in flags and flowers, in the encouraging chants of their relatives and union. They rushed into the battlefield with a win confidence and they won. Due to great victories, people forget scarifies, loss, pain in the body and soul. While in the triumphal hymn these things were not mentioned, Vietnamese novels in the period 1986–2000

have become sincere works that help us to understand them more.

Postwar soldiers are not heroes; they are normal people in the sense of this word. Whether directly or indirectly, they showed us things that we have never seen before. They told us about their heroic past, but in the beautiful past, there was also evil, coward, barbarian, humiliation, ignorance and awakening of personality, dignity, altruism, and humanity. When the soldier returns, how do they live? Who are they in the midst of a life with traps and temptations, between forgetfulness and ungratefulness; between this, cold and harsh “market mechanism”? To answer such questions it takes time and it is important to have a lot of heart. We do think that novels about soldiers in the period 1986–2000 have done this point.

1.3. The novel “*Mot the gioi khong co dan ba*” of Bui Anh Tan has a new type of a character. They are “homosexual”. In real life, everyone can accept them. However, these are characters in the novel. They also have fates, emotional life as ordinary people, but only sex-life is unusual. This is also first time gay issues have been considered in literature. After all, it is a matter of life, but this is a matter of different kinds of people in a society. To pay attention to them more accurately or to their emotional life is to acknowledge the reality of our society, that there is a kind of emotion far different from ordinary people. To accept homosexuals as a part of humanity and community, it has to have certain sympathy. This is a great barrier that is uneasy to overcome in many people’s awareness. People like Hoang, Thanh Trung, Le Vien, Pham Hong Bang, Hai, etc are not anomalous. These people have an abnormal past, but that is not an only reason. When they were born, they were abnormal people in the world. If they encounter with a “favorable condition” from subjective or objective, they would participate in emotional harm.

Sex is a new topic in literature, but referring to it as a theme equalizes with other topics is an innovation of writers in the process of composition. There are many Vietnamese novels in the period 1986–2000 that mentioned the theme of sex spontaneously. The sexual appetite story is a delicate topic, but nowadays it is written by writers very naturally. So readers do not blush to read about papers, which describe sex story. The social life is changing day by day; the country is also changing from time to time in the context of open economy. Everything unwinds as a compressed spring for a long time, so sex is the same.

When reading “*Co hoi cua Chua*” of Nguyen Viet Ha, we feel that when people are materially full, lonely, abandoned they are easy to disengage. Then sex becomes a salvation for many people. The incest is not salvation, but the disengagement and debauchery are. From a drug addict without a career to a genuine intellectual, from a noble prince to a daughter of a plebeian could also be ephemera of the flesh. Love or sex? How can it be clearly separated? People live and love innocently; they have sex together and get pregnant spontaneously, and then they separate naturally as if is a job, such as breathing and life.

After all, society has many changes. Human emotions will also change, that is a natural thing. The economy of

Vietnam is reaching out to horizons. Trains are bringing many dollars, and are also bringing more trash. We could not afford to choose and deny any thing, that like a river which brings fish, sediment, and water for irrigation. But sometimes it also brings floods or forces us to build bridges. Vietnamese typical novels in the period 1986–2000 reflected truly complexity and mixture of life. As Thu Ha says: “The country’s most vibrant years have shifted from a subsidized economy to a market economy, the fate is governed by harsh rules without resistance [1].”

1.4. Studying Vietnamese novel from 1986 to 2000, we do suppose that there haven’t been mentioned a type of character that has discovered by Nam Cao from the early years of the Anti-French War. They are ignorant and powerful. In the *Doi Mat* that was written in 1948, Nam Cao discovered a writer — Hoang who commented on the chairman of a street. That chairman is only a seller who sales heart-porridge, so he only knows how to make soup without other things. He does not know how to be a chairman, why he must be him. In the novel *Ben khong chong* by Duong Huong there is a character who appreciates people to comment. This character is Dot “Dom rang”. “Dot” is Mr. Hach’s son, who always wears only a patchy dress of his father and hangs out on edge of ditches to catch *Rana limnocharis*² that are used to catch *Varunidae*³ [2, p.8]. Then he became a chairman of commune. And he showed himself clearly in his dialogue as below:

“Dot is strict and rotates the paper in his hand, but he still has not recognized yet that he is reading paper while holding in the reverse direction.

One old man said: “Thanks to him for writing paper”.

Chairman-Dot scratches his neck: “Do you sell your house?”

The old man: “No, my calf is going to tow a plough. I would like to ask the commune to sell my buffalo.”

Chairman: “So you are going to sell buffalo?” [2, p.6]

And this chairman thought of a plan to kill reactionaries of Dong village: “No! Mr. Hao must be killed by Mr. Thuoc”. Dot smiles, his eyes narrow, and he whispers to Van’s ears that this is a chance to check Mr. Thuoc’s loyalty to the Party. He is the most beloved adopted child of Mr. Hao from childhood, do you understand? Your duty is to shoot at heads of two your Nguyen brothers [2, p.52].” Was there a kind of character as Dot-chairman in literature in the past as well as in the future or not?

The new chairman gave out a first decision that is to immediately destroy “*Am chung sinh*” — an open platform to worship in the middle of village, to chase Ms. Then because he supposes that this place is superstitious. Astronomic platforms are to worship bureaucrats of village and district, which were also destroyed because this is a manifestation of feudalism. Steel that was made by stone to write name of predecessors who have merits with court and people are lowered to pave the way. The women association in village pagodas is disbanded. He does think that it is necessary to chant and pray early in the day, and they have to labor.

2 *Rana limnocharis* is a species of frog found widely distributed in South Asia

3 *Varunidae* is a family of lizards of the superfamily *Varanoidea*

Particularly, the ancient house was renovated as a drying ground for cooperative, and cleaned all of worship objects in the house to make a place for elderly and children to play. All attributes that are used to pick up someone who has a high social status, such as king palankeen, fan, flags, etc were transformed into firewood. Decrees and books were fired completely because it is the remnant of feudalism and superstition. This is the direction of commune chairman [5, p.45].

And this authority chairman became an associate professor, deputy doctor, vice director and director of a scientific research institute. “He is a bloated person with a full satisfaction on his flesh face and an imposing gait with a frown face when he gets angry with his subordinates and dilates quickly turning into a flower smile when he meets his superiors. He has too many titles, and on his business card he writes a lot of his titles that are nominal and only used to boast. That is a manifestation of no good scientist. In studies of teaching staff, the Institute must always be solemn on a first page. If without this patronage, it would be difficult to adjust and invest pour research money, which everyone knows about and that has become the norm. The level of this director is very questionable. There are many people who asserted that he has to spend a lot of time and money to get a chance for PhD course in the Soviet Union. However, they saw him appearing at the flea markets more than in the school [6, p. 93]. Also this scientist uses the authority of a director to decide, agree or disproportionate on the scientific subjects of other legitimate scientific researchers.

Writers are not only the secretaries of the times, but are also “prophets”. They give out forecasts of social phenomena at least. A type of a character as a social phenomenon has become a problem for economic, scientific, social management of Vietnam over a long period of subsidy regime.

“*Goc tam toi cuoi cung*” novel of Khuyat Quang Thuy is a work with a small volume, but the problem, that writer gave out, is the belief in human kindness. Human being’s soul is a magical world. This is a place in which sun and normal light will never shine. There is only the benevolence of people who have compassion. Mr. Dan used to participate in the Anti-French War. He fled the past to live a peaceful and virtuous life. “He worked for the hospital in ten years with many hard, dirty jobs without salary, but there is nobody to take care of him. His house is like a duck tent, and located in an area in which is a far corner of town, and people still usually dump the rubbish herein [4, p.12].” This is a “*Dia — Leech*” village where the electric light of town could not light up. The “*Xom ngu cu — inhabited village*” is a paradise of people who like Mr. Dan, wanderers, demimondaine, the poor, but there are people who have compassion. A person, who is still carrying a pair of wooden crates to bury new-born children, gave us deep and hearted insights. When he comments on a towing cow that has to obey its master, he said: “It is a cow. It only pulls the cart for you when it ate enough. And human-being works not only for foods but also for his conscience [4, p. 13].” Then, his old friend encouraged him: “Well then! How can it be both happy, successful people and virtuous one [4, p. 15]”. The light of soul is a light resource that has

enough power to penetrate the darkest places of “Heaven on the Earth”. Sometimes, these darkest, most dirty places in society also illuminate the miraculous light of loving kindness. The message that Khuat Quang Thuy would like to send to readers is the belief in the light of compassion. What our society is, if there is no one who knows about how to live for others, sacrifices themselves to be happy. This veteran could do things that people feel horrific. He keeps silence to forgive crime. He forgave his boss — Mr. Thuoc who raped his fiance. However, his forgiveness created a chance for that vermin to climb higher and higher on the ladder of glory.

2. CONCLUSION.

The soldier character in the postwar is an important topic of Vietnamese modern literature. There are many

novels, which are written about soldiers. It is not a slipping on inertia, but is a impulse of writers' conscience, especially those who have participated personally in war, used to witness and live in those glorious days. This is a way to writers go through the life of type of a character that they are interested in. The repercussion of wars is still echoing here. The literature still has many aspects to exploit and will certainly gain many worthy achievements. In a word, the novel has regained its balance on the difficult journey of the literature. Regardless to any angle, Vietnamese novels after 1986 have also pointed out the fact that the country has changed, i. e. people with new emotional states, thoughts, torments have changed their sense of life. This helps us to have a look at life truly and with more humanity.

References:

1. Nguyen Viet Ha. Opportunities of God. Literature Publishing House, 1999.
2. Duong Duong. Non-Husband, Hai Phong Publishing House, 2004.
3. Bui Anh Tan. A World Without Women. Public Security Publishing House, 2004.
4. Khuat Quang Thuy. Last dark corner. Thanh Nien Publishing House, 2004.

К вопросу о переводе рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»

Гаджиева Назиля Зульфугаровна, старший преподаватель
Исламский университет Азад (Иран)

В данной статье приводятся примеры типичных ошибок, совершаемых при переводе произведений Чехова на персидский язык, об изменении структуры чеховского текста, ломки динамики прозы.

Ключевые слова: перевод, динамика, ритм, экспрессия

Нами проанализирован текст рассказа «Смерть чиновника» на персидском языке, взятый из книги для чтения на персидском языке для студентов Азербайджанского государственного университета, подготовленной профессорами Рагимом Султановым и Ахмедом Шафайи, под редакцией Неййар Заман Хатеми и Гасана Махмудова.

Сразу же следует отметить, что переводчик оставляет без внимания особенности чеховского юмора, ломая тем самым динамику произведения.

У Чехова: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». С первого же предложения Чехов настраивает читателя на юмористическую волну. Стихия юмора и своеобразной игривости создается одним из фрагментов предложения, а именно «в один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор». Юмор связан также сопоставлением казенного слова экзекутор с выражением не менее прекрасный. На коннотативном уровне представление об экзекуторе никак не ассоциируется с представлением о чем-либо прекрасном. Также юмористично сопоставление красоты экзекутора с красотой вечера.

В переводе всего этого нет. Нет сопоставления красоты вечера с красотой экзекутора, что крайне важно для коннотации этого предложения. Переводчик

не пишет, что экзекутор был не менее прекрасен, чем вечер. Слово экзекутор дается как мемуру еджрайе едлийе. Во-первых, слово субституируется в переводе описательным выражением, тем самым текст сбивается с темпа, ломается динамика оригинала. Таким образом, в переводе, с одной стороны, отсутствует юмористическое сопоставление красоты вечера и «красоты» экзекутора, с другой стороны, целостная номинация заменяется описательным оборотом. Эти две существенные ошибки охватывают даже не все предложение, а только его часть. Переводчику не удается верно представить главного героя, в отличие от автора оригинала, который двумя штрихами очерчивает его портрет.

Обратим внимание на еще один существенный момент. У Чехова Червяков назван экзекутором. В Словаре С. И. Ожегова слово экзекутор определяется следующим образом: «Экзекутор (устар.) 1. В Царской России: чиновник по хозяйственной части в учреждении. 2. Тот, кто производит экзекуцию» (107,786), а слово экзекуция объясняется как «(книжн. Устар.) Телесное наказание» (107,786).

В переводе дается описательный оборот «чиновник по делам юстиции», что вовсе не является лицом, заведующим хозяйственной частью в учреждении.

Необходимо обратить внимание на то, что Чехов обыгрывает первое и второе значение слова экзекутор, т. е.

намекает на то, что этот человек — специалист по телесным наказаниям. Чехов здесь использует возможности языка, заключающиеся в том, что многозначное слово, несмотря на то, что контекст снимает многозначность, все же может ситуативно актуализировать и нейтрализующееся в контексте значение. Причем это второе значение «производящий телесные наказания» также соотносится с определением «не менее прекрасный». Как видно, перевод лишен всего этого и поэтому ущербен, не говоря уже о том, что экзекутор просто не переведено.

Культурологическая трансформация: у Чехова «во втором ряду кресел», для русского читателя излишне указывать, что это не просто кресла, а кресла в театре. В переводе: дер редифе доввоме театр — «во втором ряду театра». Известно, что в театре различаются партер, галерка, ложа, каждое из этих понятий социально и культурологически символично. Например, слово галерка имеет сниженную коннотацию, существует метонимия галерка в значении людей, которые обычно сидят на галерке. Второй ряд театра — выражение совершенно нейтральное и лишенное каких бы то ни было культурологических коннотаций.

У Чехова: «Он глядел и чувствовал себя на веру блаженства». Быть на веру блаженства в русском языке представляет собой фразеологическую единицу. В действительности, т. е. с точки зрения обычных семантических связей между словами, у блаженства не может быть верха и низа, понятие блаженства и означает верх удовольствия, испытываемого человеком. Фразеологизм как раз на этом преувеличении и строится, этой гиперболизацией и обусловлена его экспрессивность.

В переводе — ез ферте леззето шеф ершра сеййир микерд, что буквально означает «будучи на веру множества наслаждений восторгом, смотрел». При отсутствии адекватного выражения в персидском языке следовало передать посредством эквивалента слова блаженство, как основного носителя информации.

После двух этих предложений у Чехова обрыв, выполняющий ярко выраженную экспрессивную задачу. Ритм прерывается и даже трюеточие служит дополнительным сигналом этого обрыва. У Чехова: «Он глядел и чувствовал себя наверху блаженства. Но вдруг ... В рассказах часто встречается это «но вдруг». В переводе вместо «встречается» дается возникает, появляется — пейда мишавед, что смещает акценты. Это различие основано на очень тонких дифференциальных признаках. Встречается означает обычность того, что встречается. Появляется, возникает подчеркивает внезапность. Но внезапность связана с выражением «но вдруг», а не со словом встречается.

У Чехова: «Авторы правы: жизнь так полна внезапностей». Здесь констатация факта — «Авторы правы». Чехов не уговаривает, он утверждает. В переводе ломается ритмика, утверждение трансформируется в уговор, увещание: энсафен хем хегг ба невисендеган эст, что буквально означает «говоря по совести, истина на стороне писателей».

У Чехова мы видим эмоциональное, почти междо-метное так — «жизнь так полна внезапностей!» Это

эмоциональное восклицание. В переводе нейтральное с эмоциональной точки зрения и увещательное зендеги хегигетен пор эз эттефагате гейре мотареггебе эст, т. е. «жизнь действительно полна событиями, не ожидаемыми». Искажается динамика оригинала и за счет того, что «внезапность» субституируется оборотом «события, не ожидаемые». Следовало просто использовать отглагольное имя или отвлеченное существительное.

У Чехова: «Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось ... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и ... апчхи!!!». В переводе: «сурете Червяков чин бердашт, чешмхайеш эз халете тебии харедж шод ... Чеховское «глаза подкатились» в переводе дается как «глаза его вышли за пределы их естественного состояния», что, естественно, искажает динамику текста и за счет многокомпонентности формы выражения лишает его экспрессии. Снятие экспрессии снижает и коммуникативную эффективность текста, фактически лишая его художественной силы выразительности.

У Чехова «Чихают и мужики, и полицмейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают». В переводе второе предложение, являющееся в оригинале ритмообразующим, вообще отсутствует. Переводчик, видимо, счел его излишним. Тайный советник дается как кармендане алиротбеййе доулет, т. е. государственный чиновник наивысшего титула. Известно, что тайный советник — это один из высших гражданских чинов, но не самый высший. Был еще действительный тайный советник. Кроме того, тайный советник — это название чина, а названия, как известно, не переводятся вообще. В переводе же мы видим его объяснение, а даже не попытку подобрать субститут. Это и понятно, так как в Персии не было тайных советников. Но все равно отличие перевода от комментария заключается в том, что первое является главным, это сам текст, второе является маргиналией, комментарий — это не текст, а то, чем текст снабжается.

Как уже было отмечено, предложение «Все чихают» вообще не переведено, между тем в чеховском тексте оно играет очень важную роль. Оно теснейшим образом связано с предыдущим и завершает его как в ритмико-интонационном отношении, так и в функционально-стилистическом и комическом. В предыдущем предложении в перечислении лиц и должностей, которые могут чихать интонация идет по возрастающей. В следующем «Все чихают» достигается комическая кульминация, и как раз это отсутствует в переводе.

Следующее предложение также ущербно в том отношении, что переводчик не счел нужным перевести все элементы чеховского текста. Но с другой стороны, он произвольно увеличивает текст, нагромождая его ненужными деталями, ломая динамику текста и искажая его художественную структуру. Ведь у Чехова нет ни одного лишнего слова, которое можно было бы убрать. С другой стороны, Чехов очень краток и в этой краткости выразителен. У Чехова: «Червяков нисколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?» Чеховское «утерся платочком» функционально

нагружено, хотя на первый взгляд и кажется очень простым. Утерся означает, что во время чиха, он забрызгал прежде всего себя, т. е. он чихнул от души, мощно. В этом свете еще глубже становится понимание предыдущего предложения, где говорится о том, что все имеют право чихать. Соотнесение слова утерся с уменьшительно-ласкательным платочком также направлено на комический эффект. В переводе наблюдаем совершенно другое: ба дестмале бини ходра пак керд, т. е. буквально «очистил платком свой нос». Совсем другие лексико-семантические средства использует переводчик и создает совсем другой зрительный образ, т. е. он создает образ благопристойности, в то время как у Чехова создается образ комической неблагопристойности. В переводе — человек чихнул и аккуратно вытер свой нос платком. У Чехова — утерся, т. е. все лицо, нос, рот, возможно, еще что-то. Недаром ведь он умудрился еще обрызгать всю лысину сидящего впереди. Чехов дает понять, что это был ЧИХ! Перевод совершенно нейтрализует экспрессию.

Переводчик не переводит чеховское «и как вежливый человек».

У Чехова: «поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?» В переводе конструкция утяжеляется. Чехов дает разговорное выражение «поглядел ... не обеспокоил ли», а не «поглядел, чтобы» или «с тем, чтобы». В переводе: незери бе этрафе ход эндахт та мотмеен бешевед ке етсейи у мозахеме кесе нешоде эст, т. е. посмотрел с тем, чтобы удостовериться.

У Чехова: «И тут ему пришлось сконфузиться». Очень коротко и очень выразительно. Не случайно также писателем использовано заимствованное слово «skonфузиться», а не русское «застыдиться» или «устыдиться». Слово используется в языке рассказчика-автора, но характеризует оно героя, чиновника-мещанина. В переводе тяжелая конструкция с дополнительными элементами, меняющими стиль и экспрессию оригинала: емма инджа хеджалет-о шермсаре герибанешра герефт, т. е. буквально «но здесь стыд схватил его за шиворот», т. е. в переводе использовано более экспрессивное выражение, создающее совсем другой образ, далекий от чеховского «skonфузился».

Следующее предложение: «Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то». В переводе: дер редифе еввел пирмерди джелойе у ба десткеш ахесте сертас ве гердени колофте ходра пак микерд ве ахесте гор-гор минему. И на это раз мы видим, как в переводе смещаются акценты, делается фиксация на то, что совершенно отсутствует в оригинале, ломается динамика чеховского текста, создается иная образность. Так, у Чехова написано «старичок», т. е. нечто маленькое и щупленькое. В переводе вдруг у него оказывается «толстая шея» — гердени колофте. В переводе непонятно почему появляется слово ахесте — «тихо, спокойно, осторожно», тогда как в оригинале совершенно противоположное «старательно», т. е. вовсе не осторожно и не тихо. В оригинале функционально нагружено «бормотал что-то». Ясно, что старичок недоволен,

да и чему тут быть довольным. Но Чехов специально говорит «что-то», как будто он не знает, что может бормотать тот, кого обрызгали чихом. Это художественный прием, писатель не говорит открыто, что есть недовольство. Бормотал что-то, т. е. неизвестно что, хотя всем понятно что. В переводе это недовольство, скрытое с художественной целью в оригинале, выводится на вербальный уровень — гор-гор минемуд, т. е. возмущенно что-то сквозь зубы ... «гор-гор» означает именно возмущение, недовольство.

Статского генерала переводчик дает сертибе кешвари, что означат «бригадный генерал страны» и полностью не соответствует гражданскому титулу статского генерала в дореволюционной России.

Червяков обращается к генералу: «— Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...». Разумеется, русское историко-культурное «ваше-ство» никак невозможно перевести ни на один язык. Это сокращенная форма обращения, принятая в разговорном языке русского дореволюционного речевого этикета. Но переводчик мог бы подобрать субститут, приемлемый на персидском языке, являющийся эквивалентом не русского «ваше-ство», а нейтрального обращения «ваше превосходительство». В переводе использовано выражение хезрете эджел, что означает «ваше величество» или «ваше высочество». А эти обращения, согласно речевому этикету, означают царственных особ.

Далее идет короткий диалог. У Чехова «— Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно... — Ничего, ничего... — Ради бога, извините. Я ведь... я не желал! — Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!». В переводе: мен емден бе шома терешшох не кердем ... Шомара бе хода бе бехшид, хода шахедэст ке майел не будем... Ага, бефермаид бенешинид. Бе гозарид гуш коним. При внешнем подобии в данном фрагменте немало ошибок, сбивающих текст с темпа, оригинальной чеховской динамики. Во-первых, как мы отметили, ушербно субституирование выражения «ваше-ство». Во-вторых, прерывистость текста в оригинале, его недосказанность передают волнение Червякова, что подчеркивают и уточняют. В переводе мы наблюдаем совершенно нейтральное «Ваше величество, я вас обрызгал не намеренно». Затем обычное русское разговорное выражение «Ради бога», означающее нижайшую просьбу, передается напыщенным и далеким от ситуации «Бог свидетель, я не хотел вас обрызгать». В переводе не передается волнение, охватившее Червякова, и в этом заключается главная ошибка переводчика, нейтрализация стиля оказывает на текст убийственное воздействие.

У Чехова далее: «Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал». В переводе: Темаша микерд вели дигер ан леззет-о кейфе сабегра немиборд, что буквально означает «смотрел, однако прошедшего наслаждения блаженством не чувствовал». Здесь самое меньшее совершенно излишне сабегра- «прошедшего, прежнего». Можно было просто сказать, что удовольствия не чувствовал. Текст перевода все время без нужды утяжеляется лишними словами, лишеными информативной ценности, не говоря уже о художественной ценности.

Показательна неточность перевода и следующего предложения. У Чехова читаем: «Его начало помучивать беспокойство». В чем отличие глагола помучивать от глагола мучить? Почему Чехов использовал именно первое, а не второе. Дело в том, что здесь все рассчитано на образное восприятие. Мы видим этого Червякова, который громко чихнул, все вокруг обрызгал, утерся, попросил нижайше прощения, а когда ему сказали «отстань», глупо и растерянно улыбнулся, и вдруг его стало слегка помучивать беспокойство. Помучивать, т. е. не понимая сути происходящего, будучи неспособным верно понять суть того, что случилось, и ошибочности своих действий, он только смутно подозревает, что что-то не то. Поэтому его только слегка помучивает беспокойство.

В переводе совсем другая экспрессия. Здесь читаем: Фоугел аде мостереб ве перишан шоде бу. А это буквально означает, что Червяков испытывал совершенно необычное, чрезвычайное мучение, он был измучен чрезвычайным, необычным страданием и волнением. Помимо того, что переводчик неправильно переводит текст, он создает ложный образ. То есть, если Чехов создает одну образную картину, то переводчик также создает образную картину, но совершенно другую. Он все время усиливает экспрессию и все время уводит читателя от Чехова.

У Чехова все уточния функционально значимы, огромную нагрузку несет разговорное и несуразное «Я ведь... не то, чтобы...». Неверно переведен и ответ Брижжалова, здесь совершенно переставлены акценты. Генерал в переводе говорит: Мен моддетист феремуш кердем эмма хенуз шома велкон-е моамиле нисти, что буквально означает «я уже некоторое время как забыл, а до сих пор вы не хотите отстать». Это очень резко. У Чехова обычное человеческое «ах, полноте», что означает «все в порядке, хватит беспокоиться, ничего такого и не было, все прошло». Генерал говорит: «Я уж забыл, а вы все о том же!» В переводе «Я некоторое время как забыл, но сейчас вы опять ко мне пристааете и не можете отстать». У Чехова генерал говорит, что это пустяк, о котором он тут же забыл. В переводе генерал говорит, что он некоторое время как забыл, что означает, что никак не мог забыть, но вот с большим трудом как некоторое время забыл, а тут вы опять пристааете и опять напоминаете. Переводчик совершенно неверно расставил акценты и рассказывает совсем другую историю. У Чехова: «Я уж забыл, а вы все о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой» Этот очень важный момент, рисующий картину недовольства генерала, переводчик по неизвестной причине вообще не переводит. В тексте перевода отсутствует «сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой».

Далее у Чехова: «Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала». В переводе: Червяков ба негах мемлов эз бедгомани бе чохре-йе сертиб негерист ве баход эндишид: «мигуьед феремуш кердем, эмма тезвир-о бед джинси эз чешмхайеш мибаред. Перевод и на этот раз оказывается неверным по той причине, что переводчик приписывает тексту то, чего в нем просто нет. У Чехова Червяков думает, что в глазах генерала есть ехидство.

В переводе же он видит в глазах генерала фальшь, подлость, низость, что совершенно неверно. Ехидство предполагает наслаждение мучениями, как это показалось Червякову, т. е. он подумал, что генерал над ним сознательно издевается. Совсем о других чувствах говорится в переводе, совершенно непонятно, причем здесь низость, подлость, неблагородство. Понятно, что чеховский текст прочитывается переводчиком неверно.

У Чехова далее: «Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве». Слово невежество сегодня означает «глубокое незнание в какой-либо области или во всем». Червяков же имеет в виду свою бестактность. В переводе речь идет не о неловком поступке, не о бестактности, а о глупом поступке: Червяков дер мораджеет бе хане рефтаре эхмаганейе ходра берайе зенеш териф керд. То есть, придя домой, он рассказал жене о своем дурацком поступке, или поведении, или обращении. Отягощены и следующие предложения. Например, у Чехова: «Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась». Слово легкомысленно переводится очень сложным оборотом и с уточнениями. Переводчик пишет: Зенеш бе незери у мозура серсери телеggi керд ве берайи ан ехемиййети гаэль нешод, т. е. «жена, по его мнению, проявила дурацкое или глупое отношение к вопросу и не придала ему должного значения». Помимо тяжести конструкции, она явно тавтологична.

Переводчик совершенно не чувствует ритма прозы Чехова, создаваемого короткими, стилистически насыщенными, простонародными выражениями. Без всякой надобности он повторяет дважды одну и ту же мысль, как бы специально стремясь исказить язык и стиль Чехова. Возможно, он это делает для того, чтобы приблизить язык и стиль произведения к персидскому читателю. Возможно, нормы персидского языка предполагают повторение одного и того же дважды. Может быть, по мнению переводчика, в этом состоит одна из особенностей восточных языков. Однако, на наш взгляд, это совершенно неприемлемо. Даже если бы подобная повторяемость имела функциональную нагрузку с точки зрения персидского языка и персидской культуры, все равно переводчик не должен был ломать ритм чеховской прозы. Напротив, он должен был стремиться максимально сохранить структуру и стилистику текста оригинала. Смысл перевода большого писателя заключается вовсе не в том, чтобы по-своему рассказать историю, рассказанную им. Интересно, как перевели бы на персидский и другие восточные языки Хемингуэя с его короткими, телеграфными предложениями.

Далее у Чехова: «— То-то вот и есть! Я извинялся, да он, как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать» В переводе: Мен мезерет хастеем, вели терзе рефтаре у хейретавер буд. Хетта йек келмейе херфе хесаби хем незед. Эзин гозеште, моге хем берайе сохбете мосаед небуд. Переводчик никак не компенсирует чисто русское «то-то вот и есть», это не переводится. Следует нейтральное «я просил прощения». Не передается стилистическая аура и следующего

«да он как-то странно...». У Чехова вообще отсутствует глагол, но всем ясно, что «странно». В переводе нейтральное «но манера обращения его была удивительной».

Следующее предложение: «Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова» В переводе: «Пес эз берресийе шекаййете ченднефер сертиб негаху бесуйе Червяков эндахт». Переводчик допускает здесь, казалось бы, незначительное изменение, несущественный, на первый взгляд, отход от чеховского текста, на самом деле он существенным образом меняет изображаемую картину. У Чехова «поднял глаза», у переводчика — «бросил взгляд». Чехов создает картину, где генерал, занятый бумагами и смотрящий на них, вдруг неожиданно, подняв голову, видит Червякова. В переводе совсем другая картина, совсем другие образы. Здесь не подчеркивается на образном уровне занятость генерала этим рабочим утром, его хлопотность и суетливость. Именно этим обусловлено и его дальнейшее торопливое «Какие пустяки» и тут же обращение к другому посетителю, когда Червяков приступает к нему со своими извинениями. В следующем предложении есть очень существенные в коннотативном отношении единицы, которые неверно переданы переводчиком. У Чехова: «— Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...». Вовсе не случайно Чехов, на протяжении всего текста называвший чиновника по фамилии, вдруг опять вспомнил, что он экзекутор и так назвал его. Как отмечалось выше, Чехов обыгрывает название должности Червякова, актуализируя второе значение этого слова, т. е. «исполнитель телесных наказаний». Писатель подчеркивает, что «экзекутор» доставляет страдания генералу своей тупостью и упорством. Переводчик, естественно, не может найти в персидском языке аналог русскому слову экзекутор с такими двумя значениями, допускающими игру слов в тексте. Но именно здесь следовало в силу отсутствия аналога отойти от чеховского текста и дать просто фамилию. Но как раз здесь переводчик, многократно своевольно обходившийся с текстом Чехова, то прибавлявший слова, то, напротив, не переводивший чеховский текст, вдруг решает следовать ему и вновь дает это тяжелое и неверное выражение мемуре эджрайе эдлийе — «Мемуре эджрайе эдлийе балехни ке баан гозареш дехенд ченин эзар дашт: «Хезрете эджел, эгер хатеретан башед дер театр мен этсе кердем. Бе шома терешшох шод... Бебех...», т. е. чиновник, исполняющий дела юстиции, таким образом как будто делал доклад... У Чехова просто «начал докладывать» без всяких сравнений типа «как будто» и т. д. Ответ генерала у Чехова также прост и естественен, он отражает обычное бытовое раздражение человека, которому изрядно надоели: «Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю». В переводе: «Че херфрайи! Ходамиданед ке шома чегедр деривари мигуид!» Во-первых, в переводе отсутствует «Вам что угодно?», т. е. обращение к другому просителю, что опять-таки искажает смысл оригинала. Дело в том, что генерал возмущен надоедливостью Червякова, его короткие фразы выражают

информацию, предназначенную Червякову («Какие пустяки», т. е. не беспокойся, все в порядке, не стоило беспокоиться), междометное восклицание, выражающее его чувства («Бог знает что!») и моментальное обращение к другому лицу, поскольку он не желает фиксировать внимание на Червякове («Вам что угодно?»).

Переводчик сразу же ломает динамику чеховского текста, не переводя третий важнейший конституент рассмотренного трехчленного выражения, трехчленной семантико-стилистической конструкции. Такое своевольное обращение с чеховским текстом недопустимо. Первые два компонента синтагмы переведены неверно. Чехов пишет «Какие пустяки!», переводчик дает «Что за слова!», что совершенно неверно и семантически и стилистически. В переводе получается, что генерал обвиняет чиновника в недопустимости используемых им выражений. На самом же деле, как мы отметили выше, генерал хочет сказать, что не стоит беспокоиться, Червяков беспокоится по пустяковому поводу.

Выражение Бог знает что является фразеологизмом, свидетельствующим о раздражении генерала. Оно синонимично выражению Ну сколько же можно! И носит междометный характер. В переводе — «Бог знает, какие глупости вы говорите».

Далее у Чехова: «Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...». В переводе: «Дер халике ренг эз сурете Червяков периде буд баход фекар микерд: «Немихахед сохбет конед. Мелум мишевед оугатеш телхес. Хейр, инкар немибайезд бешевед ве немитавен интоур бехале ходеш гозашт. Мен бе у хахем фехманд». Сразу же видно, что текст перевода в два раза больше оригинального текста. Одно слово Чехова «бледнея» дается в переводе большим оборотом «краска улетела (слетела) с лица Червякова». Простое выражение «Сердится, значит» переводится как «Выясняется, что у него нет настроения». И далее «Этого не должно произойти», «Это нельзя пускать на самотек (я этого так не оставлю)». Обычная для этого перевода ошибка наблюдается и здесь, текст перевода в информационном отношении избыточен.

Слово фанфарон, естественно, не находит буквального соответствия в персидском переводе. Однако переводчик обязан был подобрать семантически эквивалентное слово. Он же опять смещает акценты и меняет смысл. В переводе дано выражение «Адаме пор эфаде», т. е. высокопарный человек. О какой высокопарности может идти речь в этой ситуации. Червяков думает о генерале, что тот надменный человек, высокомерный, не желающий снизойти до мелкого чиновника. Поэтому он и называет его фанфароном.

Далее у Чехова: «Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять». В переводе: «Ин эфкар Червяковра дер мораджеет бе мензил беход мешгул керде буд, что буквально означает «по дороге домой эти мысли занимали Червякова». — Дер мензел хем хер че сейкерд нетеванест кагазера ке михаст берайе сертиб техийе конед бе хем бе бафед. То есть «Как он ни старался дома сплести письмо

генералу, ему это не удалось». — Белехере меджбур шод ходеш пише сертиб беревед — «Наконец он вынужден был сам пойти к генералу».

Как будто верно переведенный текст, однако мы наблюдаем совершенно иной ритм прозы. У Чехова повтор и трансформация одного и того же слова создает совершенно особый ритм и динамику надвигающейся «трагедии»: Думал, идя домой, дома — думал, думал, не выдумал. Переводчик опять сбивает текст с ритма, он его замедляет и на звуковом уровне и на семантическом. Причиной этого является увеличение числа слов в тексте, закручивание смысла. «Эти мысли его занимали» вместо чеховского «думал», «Сколько бы он ни старался сплести письмо генералу» вместо чеховского «думал, думал».

Однотипные неточности повторяются и в передаче концовки рассказа. Если попытаться суммировать сказанное и подвести итог проведенному анализу, то необходимо отметить следующее. Самым существенным недостатком перевода является ломка чеховского ритма. Переводчик как бы с самого начала и до конца отказывается от ритма чеховской прозы. Однако текст перевода от этого только проигрывает. Все время своевольно переводчик то не переводит фрагменты текста, то добавляет от себя. Все это искажает и динамику рассказа, сбивает повествование с темпа.

Переводчик искажает стиль рассказа. У Чехова на протяжении всего рассказа используется разговорный стиль повествования, а также очень часто встречаются

элементы просторечия. Напротив, в переводе чеховское просторечие заменяется книжным стилем, совершенно неподходящим для данного рассказа.

У Чехова начисто отсутствует патетика, пафос. Напротив, часто стиль повествования является ироничным. Переводчик использует пафос, что совершенно меняет представление о рассказе.

У Чехова используются художественные средства выразительности, он рисует своих персонажей в разных ситуациях. Переводчик снимает это чеховское живописание, мы не видим героев в ситуации.

Переводчиком не прочитан культурный фон, поэтому неверно даны названия титулов и званий.

Чехов очень часто обыгрывает слова, актуализируя потенциальные семы, используя многозначность. Все это отсутствует в переводе.

Разумеется, содержание чеховского рассказа передано на персидском языке, но в самых общих чертах. Если считать фоновую информацию и характер коннотации определяющим для художественной литературы, то перевод оставляет желать много лучшего. Если, переводя текст большого писателя, необходимо создавать представление об особенностях его языка и стиля, то приходится признать, что переводчику это не удалось. Персидский текст полностью соответствует персидским художественным традициям и не создает впечатления о своеобразии Чехова, об особенностях его мастерства.

Литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990, 917 с..
2. Экспрессивность текста и перевод. Сборник статей. Казань: Изд-во КГУ, 1991, 126 с.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983, 303 с.

Анализ лингво-культурологического кода как путь к пониманию художественного текста (на материале стихотворения В. Ф. Ходасевича «Перед зеркалом»)

Королева Елена Витальевна, аспирант, старший лаборант
Московский педагогический государственный университет

К числу задач, стоящих перед исследователем художественного текста, принадлежит поиск оптимальных алгоритмов анализа литературного произведения, позволяющих выявить черты идиостиля его автора. Решить эту проблему можно разнообразными способами: в распоряжении современного исследователя находятся как литературоведческие, так и лингвистические методы интерпретации художественного текста. В данной статье рассматривается, как с этой целью может быть использован лингвопоэтический анализ художественного текста, одной из разновидностей которого является исследование лингво-культурологических кодов, используемых автором художественного произведения.

Сторонниками данного подхода являются такие исследователи, как П. Е. Суворова [18], Т. В. Болдырева [3], А. Р. Габдуллина [7], Т. В. Мельникова [12], Т. А. Данилова [10]. Под этим углом зрения рассматривался язык отечественных и зарубежных авторов: Л. Н. Андреева [3], Д. Андреева [12], М. И. Цветаевой [10]; американских драматургов первой половины и середины XX в. (Л. Митчелл, Ю. О'Нила, А. Томаса, Т. Уайлдера, Т. Уильямса, Ю. Уолтера, К. Фитча, Р. Фроста, Л. Хеллман, Э. Шелдона) [7]. Для обозначения вышеуказанного феномена они используют разные термины: *культурный код*, *код культуры*, *код искусства*, обозначая с их помощью языковые единицы, включающие

в свою семантику культурную составляющую. Подобное разнообразие требует уточнения термина, который в дальнейшем мы будем использовать для лингвопоэтического анализа.

Учитывая языковую природу рассматриваемого явления, мы предлагаем называть его *лингво-культурологическим кодом*, который понимается нами как система «культурно-языковых феноменов и связей между ними, определяющих художественную картину мира конкретного автора» [9, с. 56]. В написании данного термина на сегодняшний день существуют различия: в научной литературе встречаются варианты *лингво-культурологический* и *лингво-культурологический*. Согласно Д. Э. Розенталю, «пишутся слитно сложные прилагательные, образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому <...>» [16, с. 61]. «Пишутся через дефис сложные прилагательные, образованные из двух и более основ, обозначающих равноправные понятия; между частями таких прилагательных в их начальной форме можно вставить сочинительный союз *и* или *но*: *торгово-промышленный капитал* (ср. *торговый* и *промышленный*)» [16, с. 64]. Мы считаем, что написание *лингво-культурологический* более корректно, чем *лингвокультурологический*: поскольку подчеркивает *равноправие* лингвистической и культурологической составляющих в знаковой системе, используемой писателем при создании художественных произведений.

Лингво-культурологический код не существует в готовом виде, он создается автором текста для воплощения в жизнь художественного замысла и потому создает трудности при декодировании. Цель нашей статьи — реконструировать процесс дешифровки лингво-культурологического кода произведения и показать, как он может быть использован при интерпретации художественного текста. В качестве объекта наблюдения мы выбрали стихотворение В. Ф. Ходасевича (1886–1939) «Перед зеркалом» (1924, сборник «Европейская ночь»). На данный момент мы не обнаружили исследований, посвященных изучению языковых особенностей рассматриваемого сборника. Стихотворение, выбранное нами для анализа, также не становилось предметом лингвопоэтического анализа, что обусловило новизну нашей работы.

Актуальность наших наблюдений определяется поликодовостью языка художественных произведений. Лингво-культурологический код может носить *национально-специфический характер* и может быть *индивидуально-авторским*. Например, в татарской и армянской литературах обнаруживается специфика понимания образа птицы как элемента *зооморфного кода*. «В татарском фольклоре принято считать, что принципиальных различий между человеком и птицей не существует, именно поэтому птица легко превращается в человека, точно так же и человек без особого труда становится птицей <...>» [8, с. 32]. «Образ журавля, посланника родины, священен в Армении» [1]. В русской культуре «журавли наравне с аистами и соловьями считаются «божьими птицами», их символика связана с солнцем» [17]. Если подобные единицы встречаются

в изучаемом художественном тексте, они могут быть неверно интерпретированы читателем, не обладающим знаниями о культурной специфике образов, в данном примере — образов птицы.

Как мы уже сказали, лингво-культурологический код может иметь индивидуально-авторский характер: например, в стихотворении «Берлинское» (1922, сборник «Европейская ночь») для характеристики берлинской улицы используется образ подводного мира (элемент *зооморфного кода*):

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб [19, с. 164].

И тогда обычная берлинская улица предстает перед читателем в другом свете: таинственном и зловещем — ведь подводный мир в нашем представлении связан с темными, хтоническими силами. Расшифровывая данный лингво-культурологический код, мы угадываем скрытый смысл стихотворения: лирический герой предсказывает апокалиптические, страшные события.

Анализ лингво-культурологического кода мы предлагаем производить по следующему плану:

1. Выявление дискурсивного типа лингво-культурологического кода. Под *дискурсом* вслед за Т. А. ван Дейком, который разграничивает дискурс в широком и узком смыслах, мы понимаем «*дискурс в широком смысле* (как комплексное коммуникативное событие). Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры — обыденный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты» [11].

Типологию использованных поэтом дискурсивных разновидностей лингво-культурологического кода помогает определить знакомство с литературно-критическими статьями и с наблюдениями современников, которые свидетельствуют о том, что цикл стихотворений «Европейская ночь» создавался В. Ф. Ходасевичем в период эмиграции (1920-е гг.), когда поэт жил в Берлине, Сорренто, Париже, и потому можно предположить, что используемый в нем код отличается от того, что обнаруживался в предшествующем творчестве. Как отмечают составители собрания сочинений В. Ф. Ходасевича в восьми томах Дж. Малмстад и Р. Хьюз, «там [в Берлине] он [В. Ф. Ходасевич] писал стихи. Наполненные кошмарными образами, подобными тем, что смотрят на нас с картин и рисунков немецкого художника Жоржа Гроса. Это стихотворения «An Mariechen», «С берлинской улицы», «Берлинское», «Нет, не найду сегодня пищи я...» и «Дачное»; все они были написаны в 1922–1923 гг.» [19, с. 20].

В стихотворениях В. Ф. Ходасевича 1920-х гг. — периода эмиграции — на первый план выходят *мифологический* («Интриги бирж, потуги наций...» (1924)); *библейский* («Джон Боттом» (1926)); *мистический* («Берлинское» (1922)); *символистский* («Петербург»

(1923)); *романтический* («Перед зеркалом» (1924)); *бытийный, т. е. философский* («Встаю расслабленный с постели...» (1923)) *дискурсивные* разновидности лингво-культурологических кодов, что не исключает использования их *обыденной* модификации («Дачное» (1923–1924)). Выявление вышеупомянутых видов кода достигается путем анализа наиболее типичных языковых образов, углубленное рассмотрение которых происходит на следующем этапе.

2. Вторым этапом наблюдений является определение и характеристика языковых средств выражения лингво-культурологического кода (неологизмы, созданные автором; отсылки к текстам других поэтов и писателей; средства художественной выразительности) с учетом языковых образов, моделей переноса и фоновых сем. К примеру, в рассматриваемом сборнике широко представлены *интертекстуальные вкрапления*: строка «И всезнающего, как змея» [19, с. 179] отсылает читателя к стихотворению А. С. Пушкина «Пророк» — (ср. «и жало мудрой змеи // В уста замершие мои вложил...» [15, с. 385]), что позволяет, с одной стороны, сделать вывод о религиозно-дискурсивной природе лингво-культурологического кода, используемого в сборнике, а с другой, — предположить, что именно в этом ключе следует толковать элемент *зооморфного кода*, встретившегося в цитате.

3. Создание структурно-содержательной типологии лингво-культурологических кодов в идиостиле автора является задачей следующего этапа анализа. При наличии в идиостиле писателя нескольких кодов целесообразно рассмотреть их *взаимодействие*. Так, в рассматриваемом сборнике наряду с *зооморфным*, используется *антропоморфный код*, как, например, в строках: «Многоочитые трамваи // Плывут между подводных лип» («Берлинское» (1922)) [19, с. 164], где при создании авторского неологизма использована метафорическая модель: «окна трамвая — очи».

Кроме них в стихотворениях рассматриваемого периода проявляются такие *предметно-тематические* разновидности лингво-культурологических кодов, как *локальный* («У моря» (1922–1923)); *темпоральный* («Окна во двор» (1924)); *цветовой* («Соррентинские фотографии» (1925–1926)); *вещный* («Берлинское» (1922)); *этнонимический* («Соррентинские фотографии» (1925–1926)); *искусства* («Баллада» («Мне невозможно быть собой...» (1925)); *кинематографический* («Баллада» («Мне невозможно быть собой...» (1925)). Столь разные в тематическом плане виды кодов говорят о том, что поэта волновало множество проблем и идей.

Рассмотрим, как перечисленные разновидности лингво-культурологических кодов структурируют текст стихотворения «Перед зеркалом» (1924), написанного в Париже, и какие мысли передает с их помощью автор. Начнем с того, что в этом стихотворении вступают во взаимодействие такие дискурсивные варианты кодов, как *обыденный, реалистический, романтический и символистский*. О присутствии в стихотворении *обыденного кода* свидетельствует ряд лексем и словосочетаний, в том числе предикативных: «в Останкине»,

«летом», «мама любила», «на дачных балах», «мальчишкой вкладывал прыть». Строки «Разве мальчик, в Останкине летом // Танцевавший на дачных балах» [19, с. 179] имеют автобиографическое происхождение. Сам поэт в очерке «Черепанов» писал: «... С самого раннего детства балет был моей страстью. Подумывали отдать меня в театральное училище, но по болезни я очутился гимназистом, отчего первое время немало страдал. Утешение находил я в том, что сделался усерднейшим посетителем дачных танцулек и всевозможных балов...» [20, с. 407].

Реалистический вариант лингво-культурологического кода выражен лексемами «желто-серого», «полуседого», «парижский чердак». Последним словосочетанием В. Ф. Ходасевич намекает на квартиру, в которой он жил в эмиграции после переезда в Париж. Отметим, что *реалистический код* связан со стилем критического реализма, характеризующегося особым типом образности, а *обыденный* — с разговорным стилем, в том числе и в тематическом плане.

Романтический вариант кода передан в стихотворении с помощью словосочетания «вон тот», используемого для характеристики зеркального отражения лирического героя. Его дуализм свидетельствует о *двоемирии* [16] как основе художественной картины мира В. Ф. Ходасевича: смотрясь в зеркало, герой стихотворения видит ряд отражений, в которых поочередно предстает ребенком и человеком среднего возраста: злым, желчным, жестким и замкнутым. Как следствие, друг другу противопоставлены «дневной» и «ночной» облик героя: «мальчик в Останкине летом // Танцевавший на дачных балах» [19, с. 179] диаметрально противоположен человеку, внушающему окружающим «отвращение, злобу и страх» [19, с. 179].

Символистский вариант кода представлен лексемой «зеркало», словарное значение которой «1. Предмет со стеклянной или металлической поверхностью, предназначенный для отображения того, что находится перед ним. *Напольное, стенное, настольное, ручное* з. 2. *перен.* Спокойная гладкая поверхность вод. *Тихое з. пруда*. 3. Поверхность, площадь (реки, водоема, грунтовых вод) (спец.)» [13, с. 229] под влиянием контекста существенно расширяется и усложняется. Оставаясь элементом *вещного кода*, данная лексема интерпретируется разными дискурсивными способами и организует все остальные эстетические средства (интертекстуальные вкрапления, тропеические употребления) и является основополагающим принципом организации художественной картины мира поэта, в центре которой находится образ лирического героя.

Таким образом, *зеркало*, «говорящее правду стекло» [19, с. 180], в *обыденном дискурсе* представлено как окно в беззаботное прошлое на родине, куда нет возврата; в *реалистическом* — как критическое восприятие своего зеркального отражения; в *романтическом* — как столкновение с двойником; в *символистском* — как отражение всего жизненного пути поэта и путешествия по кругам ада («... на середине // Рокового земного пути» [19, с. 179]), является фокусом взаимодействия

всех дискурсивных разновидностей кода, использованных в стихотворении. Именно под этим углом зрения следует воспринимать элементы *цветового, зооморфного и акционального кодов*, использованные В. Ф. Ходасевичем при создании стихотворения.

Цветовой код выражен лексемами «желто-серый» и «полуседой», подчеркивающими неприглядную сущность лирического героя, что достигается посредством негативной оценки, содержащейся в значениях прилагательных «желтый» и «серый».

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова лексема «серый» определяется следующим образом: «1. Цвета пепла, дыма, асфальта, мыши; средний между черным и белым. *С-ая полоса дождя*. 2. *Разг.* Бледный, с оттенком такого цвета (о коже лица и о человеке с таким лицом). *С-ое землистое лицо*. 3. Пасмурный, тусклый. *С. день*. 4. Ничем не примечательный; бесцветный, безликий. *С-ое существование*. 5. *Разг.* Необразованный, малокультурный. *С-ая публика*» [4, с. 1180]. Прилагательное «полуседой» использовано поэтом как окказиональный синоним прилагательного «серый».

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова приводятся такие значения прилагательного «желтый», как «2. Продажный, соглашательский; низкопробный. *Ж-ая пресса, печать*» [13, с. 302] и «имеющий нездоровый цвет лица, тела (о человеке)» [13, с. 302], а также следующие выражения: «Желтый билет. В России до 1917 г.: паспорт на желтом бланке, выдававшийся проституткам. Желтая вода. *Разг.* = Глаукома. Желтый дом. *Разг.* Больница для душевнобольных. Желтая лихорадка. Острая инфекционная болезнь, распространенная в тропических странах, сопровождаемая пожелтением кожных покровов» [13, с. 302]. Кроме того, «в христианской религии <...>. Желтый цвет — знак *предательства* Иуды <...>» [6, с. 34] и «ассоциируется с желтизной кожи и увядающим осенним листом, что делает его мрачным символом *болезни и смерти*» [6, с. 34].

Негативной оценкой характеризуется и прилагательное «желторотый», использованное в переносном значении, которое толкуется с опорой на *зооморфный код*, служащий основой метафорического обозначения молодого человека: в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова «желторотый» имеет два значения: «1. С желтым клювом, с желтизной около клюва (о птенцах). 2. Молодой, неопытный, наивный (о человеке)» [4, с. 302]. В стихотворении присутствуют и другие элементы *зооморфного кода*, трудность интерпретации которых обусловлена тем, что для правильного понимания необходимо учесть их интертекстуальный характер. Строка «и всезнающего, как змея» [19, с. 179], как мы уже говорили, по всей вероятности, отсылает читателя к стихотворению А. С. Пушкина⁴ «Пророк» (ср.

«и жало мудрая змея // В уста замершие мои вложил...» [15, с. 385]), что свидетельствует о присутствии в тексте стихотворения *библейского дискурса*. В нем образ змеи обладает двойственностью: Г. Бидерманн пишет, что «в Библии она [змея] служит олицетворением сатаны (сцена в раю), в то же время жезл, превращающийся в змею и обратно, помогает Моисею отправиться в пустыню» [2, с. 96]. Таким образом, поэт передает двойственную сущность лирического героя, который, с одной стороны, обладает мудростью, а с другой, — коварен и злобен. («Желторотым внушает поэтам // Отвращение, злобу и страх» [19, с. 179]).

Аллюзии из произведений А. С. Пушкина осложняются в стихотворении В. Ф. Ходасевича отсылкой к «Божественной комедии» Д. Алигьери, на что указывают эпитафия «*Nel mezzo del cammin di nostra vita*» («На середине пути нашей жизни»), а также образы пантеры и Вергилия⁵.

Образ пантеры обладает множеством символических значений, которые нередко противопоставляются друг другу. Так, с одной стороны, он олицетворяет собой порок сладострастия⁶, а с другой — имеет положительную окраску: «В тексте раннехристианского «Физиологуса» утверждается, что этот зверь «из всех зверей наиболее дружелюбен, являясь лишь врагом *змеи*... От его голоса исходит благоухание, и звери следуют за этим благоуханием его голоса и подходят к нему совсем близко». Подобно этому, говорится, Иисус Христос возвестил громким голосом благо миру, «и он стал для нас совершенным благоуханием, для тех, кто вблизи и вдали». Его одеяние, «пестрое как одеяние леопарда», украшают девственность, чистота, милосердие, вера, *добродетель*, согласие, мир, великодушие и он — враг отверженного змея» [2, с. 198]. Как мы уже отметили, враг пантеры — змея. «Что скрыто за противостоянием пантеры и змея? На мой взгляд, пантера и змей — два полюса единой картины космоса и символизируют, соответственно, расцвет и распад в природе <...>. В сакральной зоологии союз (или вечная война) этих фигур воплощает тайну жизни, оборотной стороной которой является смерть» [14].

Таким образом, мы можем сказать, что образ пантеры нужен В. Ф. Ходасевичу, для того чтобы подчеркнуть двойственность души лирического героя, характер которого содержит приземленное и возвышенное, положительные и отрицательные черты.

Упоминание имени Вергилия⁷ использовано автором стихотворения как маркер *религиозного и мистического* прочтения ситуации, в которой оказался герой. В комплексе с эпитафией имя собственное, использо-

4 На творчество А. С. Пушкина как на источник интертекстуальных вкраплений указывает и образ зеркала, использованный поэтом в «Сказке о мертвой царевне» («Свойство зеркальце имело: // Говорить оно умело» [15, 635]). О том, что выявленная аллюзия является намеренной, свидетельствуют и другие указания на идиостиль А. С. Пушкина.

5 «В образности двух последних строф [«И своих же следов не найти. // Да, меня не пантера прыжками...»] отражается «Ад» дантовской «Комедии»: *пустыня* («*gran deserto*», I, 64); *пантера* («*lonza*», I, 32; у Лозинского «рысь», в других русских переводах «леопард»)» [19, с. 495].

6 «Пантера, левь и волчица, заграждающие путь к солнечному холму, изображают собою три главенствующие порока, считавшиеся тогда преобладающими в мире, а именно: сладострастие, гордость и алчность» [5, с. 46].

7 Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70 г. до н. э. — 19 г. н. э.) — древнеримский поэт. Автор «Буколик», «Георгик», «Энеиды». В «Божественной комедии» Д. Алигьери Вергилий — проводник лирического героя по Аду и Чистилищу.

ванное в переносном значении, свидетельствует о том, что лирический герой запутался, заблудился на своем жизненном пути, оказался в тупике (загнан «на парижский чердак») и остался без проводника («Виргилия»), который помог бы ему выбраться из сложившейся ситуации.

Дуализм, присущий герою стихотворения, подчеркивается посредством *акционального кода*, представленного противопоставленными в рамках контекста глаголами и устойчивыми выражениями: *танцевать — внушать отвращение, злобу и страх; молчать — шутить*. В «Большом толковом словаре русского языка» глагол «танцевать» имеет значения: «1. Исполнять какой-либо танец. 2. Выступать в балете, быть артистом балета. 3. Не стоять на месте, переступать с ноги на ногу или подпрыгивать» [4, с. 1306]. Представляется, что в тексте использовано не только первичное словарное, но и ряд авторских значений: жить легко, не быть обремененным заботами, воспринимать бытие как праздник, быть легкомысленным, веселым, легким на подъем, находиться в безотчетном творческом поиске.

Его окказиональным антонимом служит устойчивое выражение «внушать отвращение (злобу, страх)». Второй из компонентов в стандартизованном языке проявляет вариативность, но в стихотворении В. Ф. Ходасевича используются все три возможных элемента. Рассматриваемый фразеологизм принадлежит к числу фразеологических сочетаний, поэтому его семантика частично выводится из значений составляющих слов. В «Большом толковом словаре русского языка» «внушать» — «1. Воздействуя на волю, сознание, заставить усвоить что-л. *В уважение к старшим*. 2. Вызвать, возбудить в ком-л. какие-л. чувства. *В. страх*» [4, с. 138]. Своим поведением лирический герой подавляет творческое начало в молодых поэтах, возбуждая в них «отвращение» — «2. Крайне неприятное чувство, вызываемое кем-, чем-л. *Нескрываемое о*». [4, с. 741], «злобу» — «чувство злости, недоброжелательности, враждебности по отношению к кому-л. 3. *душит кого-л.*». [4, с. 365], «страх» — «1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь. *Дрожать от страха*. 2. *обычно мн.*: страхи. *Разг.* То, что вызывает боязнь, тревогу, оцепенение. *Рассказывать разные страхи*» [4, с. 1277]. Лексемы «отвращение», «злоба» и «страх» объединяет общая семантика — «деструктивное воздействие на личность, уничтожающее ее».

Негативная характеристика лирического героя усиливается с помощью многозначного глагола «молчать», использованного в прямом значении: «ничего не говорить, не издавать звуков голосом (о человеке, животном).

М. на уроке» [4, с. 554]. В то же время в тексте актуализируется его переносная семантика: «2. **Не производить, не издавать никаких звуков** (выделено мной — Е. К.) (об устройствах, музыкальных инструментах и т. п.; **не действовать, не работать**. *Колокол на башне молчал*. 3. *Книжн.* **Быть исполненным тишины, безмолвным**. *Лес молчит*» [4, с. 554]. Оба этих значения содержат фоновые семы «смерть, гибель».

Глаголу «молчать» противопоставлен глагол «шутить», употребленный диффузно, т. е. сразу в нескольких значениях: «1. Говорить, поступать смешно, забавно; делать что-л. ради потехи. *Остроумно ш.* 2. над кем-чем. Насмехаться, подшучивать, смеяться над кем-, чем-л. 3. *над наивным человеком*. 3. Говорить, делать что-л. не всерьез, ради шутки. *Завтра я уезжаю. — Ты шутишь?* 4. (чем, с чем). Относиться к чему-л. несерьезно, без должного внимания, пренебрегать чем-л. 3. *своим здоровьем*» [4, с. 1508].

Мы думаем, что глаголы «молчать» и «шутить», в свою очередь, противопоставлены лексемам «споры» и «разговоры». Спор — «1. Словесное состязание при обсуждении чего-л., в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту. *Начать, затеять* (разг.), *вести с*». [4, с. 1251]. Разговор — «1. Словесный обмен мнениями, беседа. *Деловой, праздный р*». [4, с. 1065]. Молчание и шутки — реакция героя на слова других людей, подчас проникнутые драматизмом («трагические разговоры»), это нежелание участвовать в жизни окружающих, проникаться их интересами.

Мы вновь убеждаемся в том, что лирический герой с течением времени резко изменился: милый, беззаботный ребенок, «танцевавший на дачных балах», стал отталкивающим, «внушающим отвращение, злобу и страх» взрослым. В. Ф. Ходасевич показывает, что его герой перестал действовать, иными словами — жить. Реальную жизнь он подменяет ложной, проявляющейся в конфликте с окружающим миром, приобретающей характер насмешки над ним. Лирический герой словно застыл в своем новом состоянии и тяготеет им.

Анализ лингво-культурологических кодов позволяет полнее и глубже интерпретировать художественный текст и, как результат, лучше понять закономерности организации картины мира автора — важной составляющей его идиостиля. Данные цели достигаются за счет того, что особое внимание уделяется не только языковой, но и культурной специфике содержания текста: для того чтобы «декодировать» текст, следует знать, в какое время создавалось стихотворение; где жил автор; владеть информацией о событиях, предшествовавших написанию произведения и т. п.

Литература:

1. Суворова П. Е. Культурный код в стихотворном тексте: монография. Тольятти: Издательство ПВГУС, 2010. 216 с.
2. Болдырева Т. В. Типология культурных кодов в драматургии Л. Н. Андреева: дисс. канд. филол. наук. Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2008. 186 с.
3. Габдуллина А. Р. Отражение семиотических кодов театральной коммуникации в авторской ремарке (на материале американской драматургии первой половины XX века): дисс. канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 2009. 211 с.

4. Мельникова Т. В. Система кодов искусства в поэзии Даниила Андреева: дисс. канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2011. 185 с.
5. Данилова Т. А. Книжный код в творчестве Марины Цветаевой: дисс. филол. наук. Самара, 2007. 198 с.
6. Грязнова А. Т. Неявные смыслы «транспортного кода» в поэзии В. Ходасевича // Русский язык в школе. 2014. № 12. С. 56–63.
7. Розенталь Д. Э. Русский язык. Справочник-практикум: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? / Д. Э. Розенталь. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2009. 1008 с.
8. Литература. Программы общеобразовательных учреждений. 5–11 классы (базовый уровень). 10–11 классы (профильный уровень) / Под ред. В. Я. Коровиной. 11-е изд. М.: Просвещение, 2009. 110 с.
9. Габидуллина Ф. И., Хабибуллина, Л. И. Образ птицы в татарской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 32–34.
10. Армянская средневековая лирика / Вступ. статья, сост. и примеч. Л. М. Мкртчяна. Л.: Советский писатель, 1972. 392 с. <http://www.rgo-sib.ru/book/verse/6.htm>
11. Рошаль В. М. Энциклопедия символов. М.: АСТ, Сова, Харвест; СПб., 2008. 170 с. <http://www.twirpx.com/file/525323>
12. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса / Пер. с англ. А. Дерябина <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
13. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступ. статья Дж. Малмстада. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. Полное собрание стихотворений. 648 с.
14. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. 735 с.
15. Черепанов // Ходасевич В. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и коммент. Т. Н. Полетаевой. М.: Художественная литература, 2009. 512 с. (Серия литературных мемуаров).
16. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред и предисл. Свенцицкой И. С. М.: Республика, 1996. 335 с.
17. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
19. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. М.: Вече, 2006. 528 с.
20. Ватсон М. В. Данте. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. 2-е изд. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1902. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова). 72 с. <http://presidentlibrary.kz/?p=2974&lang=ru>
21. Пантера <http://www.symbolarium.ru/index.php/Пантера>

Творчество Бальзака

Нажмиддинов Толиб Холмирзаевич, преподаватель
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Онорé де Бальзак — французский писатель, один из основоположников реализма в европейской литературе. Крупнейшее произведение Бальзака — серия романов и повестей «Человеческая комедия», рисующая картину жизни современного писателю французского общества. Творчество Бальзака пользовалось большой популярностью в Европе и ещё при жизни принесло ему репутацию одного из величайших прозаиков XIX века. Произведения Бальзака повлияли на творчество таких крупных писателей, как Чарльз Диккенс, Фёдор Достоевский, Эмиль Золя, Уильям Фолкнер и других.

Ключевые слова: Революция, дворяне, Вандом, этюды, крестьянин, несовершенства

В творчестве Бальзака критический реализм поднимается на свой наивысший уровень. В его творчестве отражен вымирающий класс аристократизма, его характер, паразитизм и его жажда к деньгам и богатству. Бальзак родился в городе Тур 20 мая 1799 года. Его отец, вначале бывший простым крестьянином, разбогател торговлей и покупкой дворянских земель, которые были конфискованы в годы Первой Французской Буржуазной Революции (1789–1794).

В 1806 году Бальзак поступает в колледж Вандом. Его не интересовали школы церковного стиля и он постепенно начинает читать произведения таких просветителей, как Дидро, Руссо и др.

Родители Бальзака требуют от него, чтобы он стал юристом, поэтому, несмотря на свои пристрастия к литературе, ребенок был вынужден слушаться своих родителей. В 1814 году после переезда в Париж, Бальзак поступает в Университет юриспруденции и оканчивает

его в 1819 году. Родители Бальзака относились к профессии писателей очень отрицательно, но Бальзак занимался литературой. Он пишет свою лирическую трагедию «Кромвель», однако произведение терпит неудачу. Несмотря на это, Бальзак еще сильнее привязывается к литературному процессу.

Он не сразу достигает славы, теперь Бальзак начинает издавать произведения классиков (таких как Мольер, Лафонтен), создает типографию, занимается продажей бумаги, но эти его дела не помогли ему разбогатеть, а наоборот, умножили его долги. Теперь Бальзак, бросив все эти занятия, начинает писать много произведений. Его книги начинают привлекать все больше и больше читателей, издатели разбогатели от продажи его произведений, но Бальзак до конца своей жизни не смог избавиться от своих долгов, да и в личной жизни тоже он не был счастлив. Его брак с польской графиней Эвелиной Ганской в 1850 была неудачной. Бальзак, долго ждавший этот брак, женится в Бердичеве (Белоруссии) и уезжает в Париж, но умирает спустя 6 месяцев (Графиня Эвелина Ганская была полячкой, она выходит замуж за Байрона после женитьбы своего сына и замужества своей дочери, так как она была замужем за старым графом и дожидалась его смерти. Бракосочетание состоялось в марте 1850 года, а Байрон умер в августе того же года и графиня осталась его единственной наследницей).

В 1834 году Бальзак думает о соединении всех своих произведений под одну большую книгу — так, у него рождается мысль о создании «Человеческая комедия».

Причиной этому служит его беседа с одним другом о «Божественной комедии» Данте и Бальзак тоже решает назвать свою книгу «Человеческая комедия». В 1841 году составляет план «Человеческая комедия» и пишет для нее введение. По его словам, он желает писать историю народов Франции и неоднократно твердит, что французское общество является историком, а он — его секретарем.

В одном месте своего Введения он говорит: «Человеческая комедия» должна изображать всю социальное бытие, не пропустив ни одного момента в жизни человека. Здесь не должен быть пропущен ни один тип, ни характер одного какого-нибудь мужчины или женщины, ни одна профессия, ни одна какая-либо форма жизни, ни одна социальная группа, ни одна область Франции, ни молодость, ни старость, ни политика, ни военное дело и ни даже право.

Самое главное — не должна быть пропущена история человеческого сердца, история социальных отношений, здесь должны присутствовать не выдуманные факты, а события, происходящие всегда и повсюду».

Бальзак свое произведение делит на 3 части:

1. «Этюды о нравах» — «Гобсек» (1830), «Тридцатилетняя женщина» (1829–1842), «Полковник Шабер» (1844), «Отец Горио» (1834–35) и пр.

2. «Философские этюды» — «Турский священник» (Le curé de Tours, 1832), «Евгения Гранде» (Eugénie Grandet, 1833), «Утраченные иллюзии» (1837–43) и пр.

3. «Аналитические этюды» — «Шуаны» (1829) и «Страсть в пустыне» (1837).

Гобсек — ростовщик. Он с детства накапливает деньги и богатство несмотря ни на какие обстоятельства.

У него нет никого кроме денег и золота, сам он живет в убогой хижине. Он — человек, навсегда отвернувшийся от счастья, от радостей жизни, по его мнению «Из всех радостей на земле человечеству нужен лишь один и он так нужен людям, что даже стоит бегать за ним — и это есть золото». Несмотря на свою старость, он не расстается с мыслью о накоплении золота, он дает людям займы и берет процентами, банкротство должников радует этого человека.

Гобсек живет в одиночестве, в плохих условиях, в подвале лежат его просроченные продукты, но он не сможет есть их из-за своей жадности. Только иногда он спускается в подвал и немножко наливает себе просроченного пива. Он кладет и оставляет свои золоты в мешке и временами наслаждается их звуком трясая мешком.

В его хижине была есть и маленькая библиотека, но он никогда не читает книг, а только рассматривает бесчисленные векселя, положенные среди книг. Гобсек был вот таким низким, негодным, подлым человеком, он останется таким же до конца своей жизни. Бальзак в этой повести создал обратившего на себя внимание всего Парижа человека паразитного типа. Когда деньги становятся самой главной силой, люди, похожие на Гобсека держат под своей властью всех коммерсантов, министров, аристократов, писателей и артистов. Смеяться над судьбою этих людей, контроль над их жизнью, насильно диктовать им свои условия и стать свидетелем их унижения — вот главная цель людей, похожих на Гобсека.

«Я настолько богат, что могу подкупить совесть министров, даже их любовниц, разве это не считается настоящей властью? Я могу иметь даже самых красивых из женщин, слушать их ласки, разве не это ли настоящее наслаждение?» — говорит Гобсек.

Бальзак не жалеет красок для преувеличения образа Гобсека. Образ Гобсека воплощает в себе характер самого крайнего ростовщика эпохи буржуазии. Гобсек владеет большим умом, он очень рассудительный. В его мировоззрении лежит философия целой эпохи:

«В золоте — говорит Гобсек, — распределена вся сила и мощь человечества».

Писатель в своей повести показывает не только характер Гобсека, но и неравенства в жизни буржуазии, тягелую жизнь, бедность трудящихся.

Самым основным романом в «Людской комедии» Бальзака является произведение «Отец Горио». И в этом романе Бальзак показывает мир денег, жизнь одного семейства в буржуазном обществе, свойство золота убивать в личности все его человеческие качества.

Главные герои романа: отец Горио, две его дочери — Анастаси и Дельфина, бедный студент — юрист Евгений Растиньяк и каторжник Вотрен.

В одной из улиц Парижа, в пансионе мистера Воке живут люди разных профессий, среди них есть и отец Горио, Растиньяк и Вотрен.

Отец Горио раньше работал владельцем вермишельной фабрики, заработал очень много денег и имел огромное богатство. Старик выдает свою дочь Анастаси за графа де Рострога, а Дельфину — за банкира Нюсингена. Он тратит

очень большие деньги для их приданого и после свадьбы дочери растратили его оставшиеся средства. Его зятя не пускают старика в его собственный дом. Отец Горио, обедневший и забытый своими дочерьми, живет тяжелой жизнью в пансионе Воке. Парень по имени Растиньяк, здесь же проживающий, стремится проникнуть в общество высшего сословия Парижа. Взяв деньги, отправленные своей матерью, сестрами и тётёй, и купив себе хорошую одежду, при помощи своей давней родственницы виконтессы де Боссан знакомится с Дельфиной и становится ее любовником. И виконтесса де Боссан, и Дельфина учат его как проникнуть в общество высшего сословия. Каторжник Вотрен тоже дает ему советы для достижения своих целей. Вотрен говорит, что задачей каждого молодого человека является добытие денег любым путем. Он говорит:

— Если вы убьете наследника-сына Тайфера, его наследство на миллионы останутся его единственной дочери Викторине, вы с легкостью женитесь на этой девушке и станете владельцем огромного богатства... Вы что, боитесь? В этом деле нечего бояться, убить человека для меня легко как сплюнуть. Но вы не должны забыть обо мне после того, как завладеете богатством и дадите мне часть этого богатства.

Но Растиньяк не слушается его, так как в то время у него было все хорошо и с дочерью отца Горио Дельфиной. В конце концов отец Горио умирает от болезни, и ни его дочери, ни зятя не приходят для того, чтобы увидеть его в последний раз. Старика хоронят Растиньяк и его друг студент. Бальзак в этом романе мастерски показывает, что для буржуазного общества деньги стоят выше — выше убийства и выше родителя.

Отец Горио любил своих дочерей, но дочери любили своего отца только ради его денег и богатства и отвергаются от него, когда у отца не остается денег. Обе дочери старика были избалованными, щеголеватыми, любили блистать на балах, в театрах и салонах. Для этого надо было много денег и они отнимают у отца все его деньги и когда у отца заканчиваются деньги, бросают его. Их мужья тоже являются эгоистичными, низкими, подлыми лицами.

В романе образ Растиньяка считается особенным и характерным. Он, желая занять свое место в буржуазном обществе, проникается в законы и правила этого общества, приспосабливается им. По происхождению Растиньяк — аристократ (поэтому виконтесса де Боссан является их дальним родственником), но по социальному положению он обедневший. С одной стороны Вотрен, с другой стороны де Боссан «дают уроки», объясняя ему законы буржуа.

Вотрен говорит Растиньяку:

«Сколько будете хладнокровно размышлять, столько и продвинетесь дальше. Будьте жестоким к чужим, вас будут бояться. Относитесь к мужчинам и женщинам как к лошадям почтовой тележки, только тогда вы достигнете своего»

Сходство в словах Вотрена и виконтессы де Боссан удивляют Растиньяка. Если Вотрен говорит открыто и прямо (он тем и отличается от представителей буржуа), то де Боссан говорит скрыто, как бы пряча свои намерения.

Таково и есть «школа» формирования Растиньяка.

Вотрен — типичный образ, выросший в буржуазной сфере. Он беспринципный человек, призывающий к идеологии грабежа и жестокости. Особенности, свойственные представителям буржуа свойственны и ему, но разница в том, что Вотрен может откровенно излагать проступки буржуа, так как другие представители буржуа стараются скрывать свои недостатки. Вотрен — преступник, сбегавший из каторги, которого ищет полиция. Бальзак называет Вотрена «королем каторги». Он торгуется совестью человека и не останавливается перед никаким зверством при необходимости, он сам убивает Гайде.

«Он воплощает в себе все несовершенства общества вместе с его жестокостью» — говорит автор. Так как он является типичным образцом, выросшим в буржуазной сфере, он говорит следующие слова, принадлежащие буржуазии: «Если ты давишь других, сам будешь хорошо жить», «Жизнь — это кухня, если ты хочешь вкусно есть, тебе придется испачкать свои руки, но если ты знаешь, где после этого хорошенько вымыть руки — все, это и есть весь этикет нашего времени», «Плюньте на свои убеждения и идеологии, и если надо, продайте их».

Буржуазное общество поэтому не любит Вотре и преследует его, так как он хорошо разузнал все козни этого общества. Образ Вотрен становится служащим полиции в романе «Блеск и тусклость куртизанки». Таким образом, он откровенно раскрывает буржуазные законы и теперь начинает проявлять их в себе. Из этого Бальзак заключает следующее:

— Между законом и беззаконностью буржуазии не существует принципиальной разницы.

Бальзак, взявший под беспощадную критику, в конце произведения показывает и гибель этого общества в будущем, показывая, как отец Горио, умирая, говорит, что если дочери отвергаются от своих отцов, то и жизнь идет вспять.

А Растиньяк, усваивая жестокие правила этого общества, взбирается на самую высокую ступень и в конце концов становится министром. В заключение надо отметить, что Бальзак в этом романе раскрывает все мерзкие стороны буржуазного мира.

Литература:

1. Бальзак Оноре де. Гобсек: Собр. соч. в 15 томах, т. 3. — М.: Художественная литература, 1952.
2. Бальзак Оноре де. Евгения Гранде: Собр. соч. в 5 томах, т. 4. — М.: Художественная литература, 1952.
3. Бальзак Оноре де. История величия и падения Цезаря Бирото: Собр. соч. в 15 томах, т. 8. — М.: Художественная литература, 1953.
4. Бальзак Оноре де. Шагреновая кожа: Собр. соч. в 15 томах, т. 13. — М.: Художественная литература, 1955.
5. Баум Фрэнк. Удивительный волшебник из страны Оз. — М.: Рипол Классик, 1997.
6. Боборыкин П. Д. Василий Теркин: Соч., т. 3. — М.: Художественная литература, 1993.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Астраханские татары-булгаринцы и их язык

Алексеев Федор Георгиевич, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге

В данной статье рассматривается история возникновения татарской этнической группы смешанного происхождения, проживающей в селе Ново-Булгары Икрянинского района Астраханской области, ключевые особенности её говора и его положение в рамках тюркских идиом региона.

Ключевые слова: Астраханская область, тюркские языки, татарский язык, татары, малые народы

Данная работа — это попытка дать общую характеристику идиому татар села Ново-Булгары и происхождению его носителей. Её можно считать частью проекта по комплексному изучению и описанию идиомов и этнических групп Астраханского региона (см. [1, с. 14]).

В мае 2017 года нами была проведена краткая обзорная экспедиция в село Ново-Булгары Икрянинского района Астраханской области. Это село запаромное, то есть не имеет полноценного автомобильного сообщения с другими населёнными пунктами. Несмотря на относительно изолированное положение и небольшую численность населения (в селе прописано 532 человека, постоянно проживает около 450), этнический состав Ново-Булгар значительно изменился после распада Советского Союза — в селе появились казахи, цыгане, туркмены. По утверждению нашего основного информанта, местного краеведа Шамиля Курбангалиевича Сиражетдинова (1946 г. р.), в селе проживают представители четырнадцати национальностей. Крупнейшей из них по-прежнему остаются татары, которые и основали это село в 1918 году.

На территории Астраханской области проживают как минимум четыре народа, в быту часто называемые татарами — собственно астраханские татары, юртовцы, ногайцы-карагаши и алабугаты [1, с. 16]. Языки последних трёх групп ближе к ногайскому, чем к литературному татарскому или какому-либо его диалекту, что отмечает и Л. Ш. Арсланов, называя в своих работах язык юртовских татар астраханско-ногайским [2]. Интересно, что в «Атласе татарских народных говоров» (см. [5]) сёла этих народов отмечены как татарские, а их идиомы, соответственно, воспринимаются составителями атласа как диалекты татарского языка. Более того, сёла карагашей и юртовцев указаны с меткой «[язык: татарский], диалект: средний, говор: астраханский», хотя эта характеристика верна разве что для нескольких сёл собственно астраханских татар, и то под вопросом. Неудивительно, что на многих лексических картах составители отметили, что в этих сёлах

не используются типичные для татарских диалектов лексемы — на них стоит пометка «другое».

Основавшие это село татары переселились на Нижнюю Волгу из окрестностей Казани в конце XIX века, бежав от голода. Сначала они осели в юртовских сёлах Карагали, Яксатово, Татарская Башмаковка недалеко от Астрахани, где работали батраками [6, с. 11]. В 1917 году шесть переселенческих семей самовольно заняли пустующие земли на левом берегу реки Бахтемир к юго-западу от русского села Комаровка, а в 1918 туда переселилось ещё 136 семей, также незадолго до этого пришедших в окрестности Астрахани с территории современного Татарстана и прилегающих губерний⁸. Другие группы астраханских татар появились в этом регионе на несколько веков раньше, и их язык, культура, образ жизни подверглись крайне значительному влиянию других народов Нижней Волги — ногайских этнических групп, казахов, калмыков, кавказских народов. Таким образом, татары села Ново-Булгары — наиболее «казанские», наиболее «татарстанские» (близкие татарстанским) из всех астраханско-татарских этнических групп. Тем удивительнее, что булгаринский говор вообще не попал в диалектологический атлас татарского языка, хотя, кажется, единственный в Астраханской области имел на это полностью обоснованное с научной точки зрения право.

Ниже приведён пример фразы, записанной нами на булгаринском идиоме, и её перевод на казанский татарский и на юртовский, считаемый нами самостоятельным языком ногайского происхождения, но включаемый составителями татарского диалектологического атласа в астраханский говор среднего диалекта татарского языка. Юртовский пример записан от информанта ААН (1982 г. р.), р. п. Ильинка Икрянинского района Астраханской области. Юртовский — географически ближайший сосед булгаринского идиома среди тюркских

⁸ История села приводится по данным, полученным из интервью с местным историком-краеведом и старожилом Ново-Булгар Ш. К. Сиражетдиновым, а также по материалам из его книги «История села Новые Булгары» (2001).

языков. Как уже было сказано выше, на рубеже XIX и XX веков группа, основавшая затем Ново-Булгары, жила в юртовских селениях и работала на местных жителей. Было бы логично ожидать проявлений юртовского

(ногайского) влияния в речи болгаринцев, однако на данном примере видно, что он практически идентичен казанскому татарскому, тогда как в юртовском примере с ним не совпадает ни одна словоформа.

булг.	bügen	balar	yağa	buy-in-da	uyna-dı-lar
	сегодня	дети.Pl	река	полоса-3SgPoss-Loc	играть-PstDef-Pl
тат.	bügen	bala-lar	ylğa	buy-in-da	uyna-dı-lar
	сегодня	дети-Pl	река	полоса-3SgPoss-Loc	играть-PstDef-Pl
юрт.	bügün	bala-lar	özen	jaglay	öyna-dı
	сегодня	дети-Pl	река	вдоль	играть-Pst
рус.	‘Сегодня дети играли на берегу реки’.				

Нами также были отмечены целые фразы, полностью совпадающие в болгаринском идиоме и казанском татарском: **kiçä min kibetkä bardım** «вчера я ходил в магазин», **bezneñ awılıbızınñ iseme yağa bolğar** «название нашего села — Ново-Булгары».

Как и в большинстве устных говоров, заимствования из русского языка встречаются в болгаринском чаще, чем в литературном татарском. Так, например, в примере **berençe bulıp monda awılğa kilep utırğannar altı semya, altı ğailä** «первыми сюда в село пришли и осели шесть семей» информант использует в потоке речи русское слово *семья*. Это, однако, не говорит о полном замещении этим словом татарского аналога, поскольку дальше говорящий «исправляется» и называет уже татарскую форму с тем же значением. Таким образом, это можно считать частным случаем немотивированного переклечения кодов [4, с. 307].

Несмотря на значительную близость к литературному татарскому языку, болгаринский говор имеет некоторые отличительные особенности, также объясняемые смешанным происхождением первых татар-болгаринцев, их языковыми контактами на Нижней Волге и, наконец, историей дальнейшего заселения Ново-Булгар. Как уже было сказано выше, основная часть болгаринцев — прямые потомки средневожских татар. Следует, однако, отметить, что бегство последних носило стихийный характер и затронуло разные диалектные и субэтнические ареалы. Таким образом, в Ново-Булгарах оказались казанские, пензенские, симбирские татары, носители разных татарских и мишарских идиомов [3, с. 38]. В своей краеведческой работе Ш. К. Сиражетдинов ссылается на устное сообщение лингвиста-тюрколога Л. Ш. Арсланова, утверждающего, что в фонетике болгаринского идиома прослеживаются мишарские черты [6, с. 131], хотя в остальном он ближе к собственно казанскому татарскому. Несмотря на полное отсутствие юртовско-ногайских следов в фонологии и морфологии болгаринского говора, показанное нами в первом примере и подтверждённое массой других диагностических высказываний и текстов, в нём просматривается некоторо-

количество заимствований юртовского происхождения. Большинство таких заимствований относится к хозяйственной и бытовой лексике: **yaulä** «двор», **batraç** «мята», **çil** «делянка». В болгаринском говоре также наблюдается небольшое количество заимствований из калмыцкого языка, принесённых переселенцами из астраханско-татарских сёл Линейное (Кәменни), Курченко (Картузан), Туркменка (Төрөкмән), соседствовавшими с калмыцкими. Жители этих сёл стали второй волной заселения Ново-Булгар, позднее перемешавшись с прибывшими ранее средневожскими татарами. Слова калмыцкого происхождения, отмеченные в болгаринском говоре — **çapur** «цапля», **şur** «соль».

Не будучи специалистами по собственно татарской диалектологии, мы не можем точно отнести булагинский идиом к какому-либо диалекту или говору татарского языка, но это и не кажется нам возможным и целесообразным, учитывая переплетение казанских и мишарских черт в местной речи и дальнейшее влияние других языков Астраханской области. Очевидно, что болгаринский относится к собственно татарскому языку и стоит к его средневожским вариантам куда ближе, чем любые другие тюркские идиомы региона. Это позволяет нам выделить татар-болгаринцев в отдельную (суб) этническую группу как минимум на региональном уровне и маркировать их отдельно от других тюрков на карте народов и идиомов Астраханской области. Говоря о диалектной принадлежности болгаринского говора в рамках системы татарского языка, нам кажется уместным не вносить его в рамки какого-либо конкретного диалекта и поставить особняком как смешанный. Отдельно следует отметить, что мы ещё не проводили полевых исследований в астраханско-татарских сёлах южной части Наримановского района (Линейное, Курченко, Туркменка, Янго-Аскер) и не можем с уверенностью сказать, что идиомы проживающих там групп значительно отличаются от болгаринского и собственно казанского татарского. Эти сёла, однако, были заселены более чем на век раньше Ново-Булгар, так что есть основания рассматривать болгаринский идиом как обособленный.

Литература:

1. Алексеев Ф. Г., Сатанова Д. С. Языки Астраханской области // Малые языки. — 2017. — № 4. — С. 14–18.
2. Арсланов Л. Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. — Бишкек: Кыргызстан, 1997. — С. 506–513.
3. Арсланов Л. Ш., Викторин В. М. Астраханские Ново-Булгары // Идель. Молодёжный журнал Татарстана. — 1989. — № 4. — С. 38.
4. Головкин Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып. 1. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. — С. 298–316.
5. Салимов Ф. И., Рамазанова Д. Б., Пилюгин Г. А., Салимов Р. Ф. Электронная версия атласа татарских народных говоров // Вестник ТГПУ. — 2011. — № 4 (26). — С. 205–210.
6. Сиражетдинов Ш. К. История села Новые Булгары. — Астрахань: Волга, 2001. — 159 с.

Типы и функции эллиптических конструкций в художественном очерке С. Кржижановского «Салыр-Гюль»

Алиева Эльвина Аметовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Эллиптическими называются такие предложения, в которых формально недостающий член не восстанавливается из внешнего контекста или ситуации, а подсказывается внутренним контекстом, то есть наличием членами предложения. «Эллиптические структуры, как особый тип двусоставных предложений, синтаксически настолько устойчивы, распространены и общеупотребительны, что становятся как бы типическими конструкциями, не вызывающими необходимости восполнять, или восстанавливать недостающие члены каким-либо путем. Наибольшее количество эллиптических конструкций падает на предложения с эллипсисом сказуемого» [3]. Эти предложения обычно конструируются из подлежащего и второстепенного члена (чаще всего — дополнения, обстоятельства), который сочетается с глаголами движения, пребывания речи, мысли, активного действия.

А. П. Сковородников в своей работе «Экспрессивные конструкции современного русского литературного языка» выделяет несколько модели эллиптических предложений, в которых опущены глаголы пяти семантических групп: а) бытия, наличия, обнаружения; б) движения; в) восприятия; г) речи, мысли; е) энергического действия. В языке художественной литературы используются также «нестандартные» модели, то есть сокращенные предложения с пропуском единого главного члена односоставных глагольных предложений или сказуемого, выраженного глаголами других семантических групп.

В привлеченном для анализа тексте художественного очерка, С. Кржижановского «Салыр-Гюль» эллиптические конструкции встречаются очень часто. Наибольшей регулярностью употребления отличаются эллиптические предложения с пропуском глагола бытия, обнаружения. Относительно трактовки данного типа структур существует несколько точек зрения. Синтаксическая традиция

в лице А. А. Шахматова, А. М. Пешковского квалифицировала их как двусоставные неполные предложения с эллипсисом глагола бытия. А. М. Пешковский указывал на то, что обстоятельство или дополнение не могут выступать в качестве распространителя подлежащего-существительного, что наличие этих второстепенных членов свидетельствует о пропуске глагола-сказуемого, распространителями которого они являются. Аналогичным образом рассматриваются данные структуры в школьных учебниках.

После введения Н. Ю. Шведовой в научный обиход понятия «детерминант» (свободный распространитель предикативной основы простого предложения) появилась возможность трактовки предложений с препозитивным детерминантом и с эллипсисом глагола бытия как синтаксически расчлененных номинативных предложений (неклассический тип). Аналогичная трактовка представлена в ряде вузовских пособий по синтаксису современного русского языка.

Иную трактовку данным конструкциям дают Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев. Они, в отличие от Н. Ю. Шведовой и Г. А. Золотовой, исходят из представления, что классический тип номинативных предложений, распространенных определениями, «представляет собой эллиптическую конструкцию, образованную из бытийных предложений, обязательно включающих в свою структурную основу словоформу с обстоятельственным или объектным значением, фиксирующую область бытия (или класс бытующих предметов), бытийный глагол или бытующий предмет» [1]. Нулевая форма глагола бытия в таком предложении создает эллиптическое предложение [2].

Вслед за этими учеными мы рассматриваем данную структуру как двусоставное предложение с эллипсисом глагола бытия.

Ознакомление с текстом очерка «Салыр-Поль» убеждает в том, что эти конструкции употребляются в нем достаточно часто (24 случая).

Рассмотрим примеры, где опущены **глаголы бытия**: «*В станционном зале засиженная мухами скука*». [4] Данное предложение строится из подлежащего, распространенного препозитивным определением — причастным оборотом в метафорическом значении, и препозитивного обстоятельства места. Пропущен глагол-сказуемое «царит» / «стоит».

Аналогичные примеры: «*За окном заштрихованный серым карандашом вечера воздух*», «*Вокруг прохлада двусветной кельи*». Данные предложения строятся из подлежащего, именуемого состояние окружающей среды, и препозитивного обстоятельства места, называющего область бытия. Опущен глагол семантической группы бытия, наличия — «стоит», «царит».

Еще примеры: «*Но у подъездной ступени ссутулившийся нищий*»; «*Неподалеку чистильщик сапог*»; «*Через короб седельный мастер*»; «*У перекрестка пригородных улиц чайхана*». В данных предложениях на пропуск глагола-сказуемого указывают грамматические признаки существительных-подлежащих, именуемых лица по роду занятий, помещения, и обстоятельственные локальные детерминанты. Незамещенную позицию может занять любой глагол со значением бытия: «стоит», «пребывает», «находится».

Или: «*Слева и справа фантастические взгорбленные холмы*»; «*Где-то тут под входной аркой Тилля-кари база ОПТЭ*»; «*Рядом тертое из гороха с какими-то кислящими ее примесями зелено-желтое лобно*». Приведенные предложения состоят из подлежащего, именуемого пространственный или рукотворный объект, и препозитивного обстоятельства места, называющего область его бытия.

Реже встречаются конструкции, в которых зависимый от опущенного глагола бытия, наличия второстепенный член (дополнение, обстоятельство) располагается в постпозиции по отношению к подлежащему: «*Ташкент уже позади*»; «*Голод при мне*».

Следующий пример отличается от рассмотренного тем, что эллиптическими структурами являются обе части сложносочиненного предложения закрытой структуры, сопоставительного: «*Только в одном углу настил из рогожи, а посередине какой-то задымленный казан*». Здесь позицию глагола-сказуемого также может занять любой глагол со значением бытия-наличия. О нулевом глаголе бытия сигнализируют подлежащие-существительные с конкретно-предметным значением, именующие покрытие пола, а другое — емкость (котел для приготовления пищи), а также локальные детерминанты, называющие область бытия предметов.

Обстоятельственные локальные детерминанты и согласованные определения, относящиеся к существительному, уточняют в нижеследующем предложении семантику опущенного глагола пребывания: это глагол «лежит»: «*В одном углу, среди всякого хлама, железным меридианом кверху поваленный глобус*». Наличные члены могут свидетельствовать о пропуске

глаголов проявления, возникновения: «*Перед глазами покупателя тинктуры промельки искр, разгорающихся в пламени*».

Во всех рассмотренных примерах второстепенные члены фиксировали область бытия лиц, конкретных предметов. В приведенном ниже примере на пропуск глагола-сказуемого «есть» указывает предложно-именное сочетание «среди них» именуемое «класс бытующих предметов»: «*Среди них и дети*»; «*Среди них глухие с дутаром в руке*».

Второе место по частоте употребления занимают предложения, в которых эллипсису подверглась семантическая группа **глаголов движения** (22 случая). Рассмотрим примеры: «*А счетоводам надо назад*»; «*Пора назад*»; «*Пора и мне назад в город*». В приведенных односоставных безличных предложениях эллиптизирован инфинитив «идти» в значении «двигаться, переступая ногами». О пропуске этой формы глагола сигнализируют распространители предложения — препозитивное дополнение (объект) и постпозитивное обстоятельство места. Правая и левая валентность опущенного глагола — «идти» обусловила наличие в данных структурах названных обязательных второстепенных членов.

Рассмотрим пример, в котором, описывая свои впечатления от посещения восточного базара, автор неожиданно произносит две фразы: «*Довольно. Домой*». В обеих фразах, представляющих собой односоставные неполные предложения (первое — безличное, второе — может соответствовать двусоставному предложению с опущенными подлежащим и сказуемым или односоставному глагольному инфинитивному предложению), опущены глаголы семантической группы движения. Об их пропуске свидетельствует контекст и семантика обстоятельства места «домой». Как видим, не во всех случаях использования эллипсиса глагола движения второстепенные члены однозначно подсказывают структурный тип предложения.

В примере «*Но до города семь километров*» постпозитивное словосочетание «семь километров», выступающее в роли обстоятельства меры пространства, и другое препозитивное предложно-именное сочетание, являющееся обстоятельством места, указывающим на конечный пункт движения, свидетельствуют о пропуске глагола движения, не подсказывая структурную модель предложения (осталось идти / идти / надо идти).

В приведенном ниже предложении опущен не только глагол движения, но и его субъект подлежащее. На пропуск подлежащего указывает контекст предшествующего предложения; семантику опущенного сказуемого подсказывают наличные второстепенные члены. «*Мелкий служащий. Допустим, счетовод. Каждый день от дома до службы и обратно*». Следовательно, это предложение является не только эллиптическим, но и неполным.

В первой части сложносочиненного предложения: «*Руки опрометью по грифам, щеки тюйдючки вздуты, и все свободные рты — в помощь струнам и дереву — поют мелодию*» описывается жестомимические реакции, сопровождающие игру музыканта на восточном инструменте. О пропуске глагола движения «несутся», «летают» в начальной части предложения

свидетельствуют наличные члены: подлежащее «руки» и обстоятельство образа действия «опрометью», которое дополнительно указывает на интенсивность и скорость движения пальцев музыканта.

Еще пример: *«И каждый день счетные костяшки под пальцем — по стержню — от края рамы до рамного края, и обратно»* — в данном предложении второстепенный член предложения *каждый день + от... до...* указывают на однообразную повторяемость движения.

Аналогично и в следующем сложноподчиненном предложении времени: *«Чуть отпуск, я всегда сюда — и качусь, как по миллиарду»* подлежащее и обстоятельство места указывают на пропуск глагола движения «еду», «лечу» и т. д.

По модели двусоставного предложения с эллипсом глагола движения строятся также синтаксически симметричные части бессоюзного сложного предложения закрытой структуры, сопоставительного: *«Я быстро усвоил обыкновение: солнце к зениту — человек к постели»*. Это бессоюзное предложение усложненной конструкции состоит из двух компонентов: предикативной части и БСП минимальной конструкции сопоставительного, обе части которого построены по модели двусоставного эллиптического предложения с опущенным глаголом движения «идет», «клонится». О пропуске данного глагола свидетельствуют приглагольные распространители — косвенные дополнения, указывающие на вертикальный характер движения светила и человека.

Особый случай представляет собой пример: *«Если направо, то за последней дверью Кари, приглашающей в Комстарис, несколько ступенек вниз, а дальше бесступенный наклон улицы, вдоль которой — вперемежечной чередой — зергеры и этикчи ювелиры и сапожники. А если налево... — иду налево»* в первом сложноподчиненном предложении усложненной конструкции четыре предикативные части представлены эллиптическими структурами. В придаточном предложении условия на пропуск инфинитива «идти» указывает союз и обстоятельство места, фиксирующее направление движения. В главной части этого условного предложения, а также в главной и придаточной частях присубстантивно-атрибутивного предложения на пропуск спрягаемого глагола «идет», но уже в переносном значении «следует за чем-то», указывают подлежащее и препозитивные косвенные дополнения «за дверью», «вдоль стены» и обстоятельство места «дальше». Таким образом, три предикативные части этой синтаксически усложненной конструкции представлены двухкомпонентными грамматическими основами с опущенными глаголами движения в прямом и переносном значениях. В последующем за этой конструкцией предложении придаточное условия также представляет собой эллиптическую структуру с пропуском инфинитива «идти» в прямом значении. Главная же часть подверглась усечению, что отражает неожиданность решения субъекта речи. Такое усечение, отражая волю говорящего, служит средством субъективизации повествования, усиливает экспрессию. Кроме того, в приведенном отрывке сознательно обыгрывается то,

что в смежных предложениях эллиптизированный глагол несет прямое/переносное значение.

Среди эллиптических структур, использованных в рассматриваемом произведении, встречается и такая, в которой опущен класс **глаголов речи** (1 случай). Так, в приведенном ниже предложении эллипсису подвергается глагол-сказуемое «поговорим»: *«Лучше о чем-нибудь простом, как полукружье купола или выгиб арки»*. На его пропуск указывает семантически неделимое словосочетание «о чем-нибудь простом», выступающее в роли объекта речи — дополнения, и обстоятельство образа действия, выраженное компаративом. Однако это неполное предложение можно также рассмотреть как восходящее к полной модели безличного предложения *«Лучше поговорить»*.

В тексте «Узбекистанских впечатлений» встречаются также конструкции с эллипсисом других семантических групп глагола. Наиболее активно используются конструкции с эллипсисом глаголов **восприятия** (16 случаев).

Эллипсису в тексте очерка «Салыр-Гюль» могут также подвергаться

слова со значением **слухового** восприятия (8 случаев): *«И здесь перестук молотков, топот копыт, рев звериный и вопль человеческий»*. Препозитивный локальный детерминант «здесь» и однородные подлежащие, которые выражены отглагольными именами существительными, именующими звуки, сопровождающие действие неодушевленных предметов или издаваемые живыми существами, свидетельствуют об эллипсисе слова со значением слухового восприятия, однако не позволяют однозначно заключить, какой частью речи оно является (глаголом «слышится» или кратким прилагательным «слышен»). Еще пример: *«Я готовился уже оторваться от дня — и вдруг сильный, на высокой баритональной ноте — острым звуковым лучом — голос»*. Во второй части приведенного сложносочиненного предложения закрытой структуры, контрастного соединения наблюдается пропуск глагола-сказуемого «послышался». На его пропуск указывает семантика слова «голос» и детерминант «вдруг» — обстоятельство образа действия.

Эллипсису могут также подвергаться слова (глаголы, краткие причастия) со значением **зрительного** восприятия (7 случаев): *«Но что там, за минаретами Шир-Дара?»*; *«И куда ни взглянешь — всюду искусность доведенная до своего предела»*. Наличные члены подсказывают семантику опущенного члена, но не его форму («видишь», «видна»).

Если на пропуск глаголов слухового восприятия указывает семантика подлежащих-существительных, именующих «воспринимаемое слухом физическое явление, порождаемое колебанием частиц воздуха» (голос, крик, вопль и т. д.), то на пропуск глаголов зрительного восприятия — предметная семантика подлежащего и дополнений.

Эллипсису могут также подвергаться глаголы со значением **обонятельного** восприятия (1 случай): *«Дальше пряный запах маленьких пухлых пирожков, начиненных всячиной...»*.

В тексте привлеченного для анализа художественного очерка встречаются также эллиптические структуры, в которых наблюдается **пропуск других семантических классов глаголов**, не создающих смысловой неполноты предложения. К ним относятся:

А) конструкции с пропуском глаголов **обнаружения, появления**: «...*даже и ресницы не дают рефлекса при встрече с мужским взглядом, только на лице чуть-чуть... чувственное выражение*»; «*На смену бровновскому движению чувств — истонченная техника предчувствий; вместо апарципирования — точнее впереди его — антиципация*»;

Б) конструкция с пропуском глагола **«дуть»**: «*В лицо сухой и пряный ветер казахстанской степи*»;

В) конструкция с пропуском глагола **«стоять»**: «*Под Ташкентом ведро яблок — два целковых*»;

Г) конструкции с пропуском глаголов **«поесть», «ответать»**: «*Можно ложечку лобию*»; «*Еще чего-нибудь сладкого и назад — в прохладу хуждры*»; «*Но еще лучше и сытый желудок рхати-джан, что значит «душа сладости*»;

Д) конструкции с пропуском глагола **«написать», «изобразить»**: «...*где-то на огороде у аила Салдам стоит шест, на шесте доска, а на доске: «центр Азии»*»;

Е) конструкции с пропуском глагола **«закрыть»**: «*Но сейчас все двери наглухо*»;

Ж) конструкции с пропуском глагола **«прислонять»**: «*Снимаем ее с петель и верхним концом — к стене дукторона*».

Рассмотрим интересные примеры, в которых наблюдается пропуск нескольких глаголов-сказуемых, относящихся к разным семантическим группам. Например: «*Еще чего-нибудь сладкого и назад, в прохладу хуждры*». В приведенном предложении имеет место пропуск двух сказуемых: одно называет действие приема пищи, другое — движение героя. На эллипсис глагола группы «поесть», «ответать», «покушать» указывает семантика и форма зависимого члена — субстантивированного прилагательного в роли дополнения. О пропуске глагола семантической группы движения «идти», «бежать» свидетельствует обстоятельство места, выраженное наречием, и уточняющее его атрибутивное словосочетание, именуемое конечный пункт движения.

Литература:

1. Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения в русском языке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1976. Том 35, № 3.
2. Арутюнова Н. Д., Ширяев А. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значения.) — М.: Русский язык, 1983. — С. 49.
3. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Часть 2, — Москва: Изд-во МГУ, 1964 — С. 445.
4. Все примеры приведены: Кржижановский С. Записки странника. Салыр-Гюль. В кн: С. Кржижановский. Сказки для вундеркиндов. М., 1991.

Или: «*В Тану — Тувинской республике, где-то на огороде у аила Сагдам, стоит шест, на шесте доска, а на доске: «центр Азии»*». Приведенный пример представляет собой бессоюзное сложное предложение усложненной конструкции закрытой структуры, сопоставительно-распространительное; во второй его части опущен глагол бытия, а в третьей опущен единый главный член «надпись» / «написано». Семантика наличной формы имени существительного именительного падежа и его зависимой словоформы с объектным значением «на доске» подсказывает нам значение опущенного слова.

Еще пример: «*Под Ташкентом ведро яблок — два целковых*». Здесь есть подлежащее — «*ведро яблок*» — выраженное семантически и синтаксически неделимым словосочетанием с количественным значением и два распространителя: один «*под Ташкентом*» является локальным детерминантом, который относится ко всей предикативной основе предложения, а другой — количественно-именное словосочетание «*два целковых*» выступает в роли обстоятельства меры количества. Этот второстепенный член, а именно его семантика и форма подсказывает нам глагол «стоит».

Итак, в тексте художественного очерка «Салыр-Гюль» С. Кржижановского встретилось 87 эллиптических конструкции разных типов. Наиболее часто автор использует конструкции с эллипсисом глаголов бытия. В ходе анализа было замечено, что в тексте рассматриваемого произведения эллипсису часто подвергаются не только двусоставные, но и односоставные предложения. С. Кржижановский использовал, помимо традиционных эллиптических структур, индивидуально-авторские образования.

Употребление эллиптических конструкций служит в очерке «Салыр-Гюль» одним из средств конструирования свободной, раскованной речи повествователя.

Всем им свойственно значение индикатива, настоящего времени, а это создает эффект присутствия наблюдателя, описывающего ситуацию с позиции «здесь и сейчас».

Частое их употребление в художественной речи С. Кржижановского определяется тем, что они сообщают повествованию живость, естественность, непринужденность. Активизируя рему высказывания, они усиливают экспрессивность речи повествователя.

Peculiarities of economic events covering news

Harutyunyan Lusine, PhD in philology, associate Professor, chair of Foreign Languages
Armenian State University of Economics

The present paper examines some peculiarities of the news text structure highlighting economic events. For readers to improve and perfect the reading skills related to understanding economic events it seems to be quite a productive way the approach of «chunking» the news text into several parts according to their level of information relevance. Moreover, economic text processing boosts linguistic mentality and skills to thoroughly analyze the text in combination with its form and content. When doing so, certain peculiarities related to the news text structure should be taken into account.

Keywords: business news, economic events, news text structure, frame-scenario, slots, information processing, reading skills

Арутюнян Лусине Арменовна, кандидат филологических наук, доцент
Армянский государственный экономический университет (г. Ереван)

It is a well-known fact that economic relations are considered to be the basis of any society and its activity and they do to some extent have their peculiar impact on our interests. The development of global economy, the era of world economic relation formation, the influx of economic information generates people's interest in economic news. The choice of the best solution to this or that economic issue increasingly influences the level of development of the society, the stability and the power of the state.

The global processes in the world economy as well as any changes and events in the economy of certain states are covered through a wide range of media such as both print and online press/magazines, journals, newspapers, books/, broadcast media/radio, television, the internet/. Modern mass media make an inextricable part of human life and provide an essential way of being updated on events going on worldwide. Identifying the key peculiarities of events raises the people's awareness of the world events. All means target the mass audience by providing them with access to information, as well as securing its dissemination. Mass media exert a powerful influence on people's opinions. This is the news that informs us about the facts and events of the global economy, shapes our evaluative attitude towards them, prompts the procedures of their characterization and analysis by the individuals as well as by the society as a whole.

Being a linguistic product of previous discourse activity, a news text covering economic events is designed for gaining, processing, preserving and conveying knowledge related to economic domain. Any economic news text is characterized by the information on some economic event and the use of reasonable arguments and facts relevant to it. The interpretation of economic news texts is preconditioned not only by explicitly but also implicitly presented information, which in its turn shapes the system of presupposed meanings of the text.

In the present research, an economic event is defined as any occurrence that takes place in the global economy, as well as in certain countries' economies and involves any situation triggering ups and downs of economy, for instance, the production of new items, the launch of companies, the start of their cooperation, mergers, takeovers, collapses, a sudden fall or increase in the value of securities and so on,

which are evaluated by the society as vital and significant changes in the economic world.

As is known, the structural description of any event is fulfilled based on the information represented by the event constituents. This type of information exists in the form of a scenario which involves data about people and the goals of their activities. The scenario is a means of arranging information and representing it in the form of frames. "A frame is a data-structure for representing a stereotyped situation like being in a certain kind of living room or going to a child's birthday party. Attached to each frame are several kinds of information. Some of this information is about how to use the frame. Some is about what one can expect to happen next. Some is about what to do if these expectations are not confirmed" [1]. Economic events are dynamic phenomena that proceed according to some frame-scenario. The latter contains slots filled with data for an adequate perception of events. A person facing a new situation resorts to his/her memory to choose relevant information for a stereotyped situation. When a situation is not stereotyped and the expectations are not met, the frame can be adapted to coordinate the given data. Within the frame-scenario nuclear (the slots of agent, change, time and place) and alternative (recipient, cause, effect, intention, instrument, predictions, evaluation) parts are identified. The analysis illustrates that for appropriate understanding of economic events besides nuclear slots it is necessary that some alternative slots be activated to provide the reader with relevant information.

T. van Dijk's approach to the structure of news stories revolves around the idea of centrality of cognitive process through which readers comprehend a news story. He observes that a news story is organized around a staged-structure, which he terms "news schemata" which has a "top-down" orientation where the story begins with a headline and a lead summarizing the focal points of the story. This first element is followed by other elements in the news schemata such as Main Event, Consequences, Previous Events, Verbal Reactions, Evaluations, etc. His view is that the structure is oriented towards the experiential meanings of the news text. The story is concerned with "5W" and "an H" (what, where, when, why, who, and how). The ideational meanings here are arranged by the principle that

“the most important and relevant information is put in the most prominent position, both in the text as a whole and in the sentences’ [2].

This organization of news texts accords with what in journalism is commonly known as the principle of an “inverted” pyramid simply because it is an upside-down pyramid with the most important information at the top. The method of inverted pyramid offers a wide range of benefits providing readers with a rapid assessment of the whole article. Starting with the conclusion containing the most relevant key information means that readers can quit reading at any point and still have an overall understanding of the news. Front-loading of each paragraph allows readers to skim the first sentences of every paragraph and get a quick overview of the entire article. In this respect, the editor is able to omit some parts of the material without causing any substantial harm to the content of the news [3; 4].

An economic event highlighting text structure possesses a standard scheme involving a headline, a lead, a main body and a conclusion. Each part has got its peculiar functions, purposes and directions.

The headline of a news text is a thematic message expressed by the title of the article presenting readers with the basic content of the message which evokes readers’ interest to perceive an overall meaning and observe the details of the given information [5]. By producing brief preplanned background information in the form of a headline, the author of the article targets readers’ emotional world, mentality and ways of perception making them follow his views and outlooks. In this respect, the journalist applies a range of manipulative tools to achieve his/her goals.

The lead as a component of the news is a starting point of information serving as a base for further logical coherence of the text whose semantic expansion is realized in the main body. The latter can either grasp readers’ attention to thoroughly read the message and examine its details or it can suppress the desire to do so [6].

The main body is a decisive and explicit part of the news directed to perceive the data, which is expressed in the headline and gradually unfolded in the lead. Its goal is to convey the main message of the news unpacking the main meaning previously designed by the author whose goal, in its turn, is to persuade readers that his/her judgments referring to a certain economic event are true by constantly providing factual material saturated with proofs and evidence.

Finally, the conclusion performs a summarizing function, concluding the results of the entire message and bringing it to its logical end. Besides this, the conclusion can involve forecasts for further developments of economic events depending on some circumstances or it can provide readers with additional information to more comprehensively get an insight into the entire situation.

This structural model is applied to any news text irrelevant of the fact what type of news is highlighted. Let us analyze the structure of the news on an economic event posted on the website www.theguardian.com.

The headline of the text already presents readers with the basic information related to the event. Including in the headline both the cause and the result of the event,

the author of the article provides the whole picture of the situation that the shares of Virgin America airlines rose after it started to seek buyers. By doing so, the journalist extends readers an opportunity to choose between further reading of the text or quitting it.

Virgin America shares soar on reports that airline is seeking buyers.

In the lead the data get more elaborated informing readers about the temporal and spatial details of the event as well as about the founder of the company:

Virgin America shares soared on Wall Street on Wednesday following reports that the airline founded by British entrepreneur Sir Richard Branson is considering selling itself to a third party.

In the first paragraph of the main body, readers are updated on the details about the company’s activity, the information on the shares increase is repeated, this time some figures are also presented/shares were up \$4.10 to \$34.78 at 11.15am, valuing the company at \$1.5bn (£1.05bn)/:

Shares in Virgin America, which was launched by Branson in 2007 and now flies to 21 destinations within the US and Mexico, rose as much as 13% following a Bloomberg report that the company is reaching out to potential buyers. The shares were up \$4.10 to \$34.78 at 11.15am, valuing the company at \$1.5bn (£1.05bn).

Next comes the company’s spokeswoman’s announcement highlighting the airlines’ policy. Some data touching upon the company’s history, image and successful performance of 2014 are also provided:

A Virgin America spokeswoman said: “As a public company, we have a policy of not commenting on any market or media speculation concerning mergers or acquisitions involving Virgin America.”

News of the potential sale comes just a year and a half after the company, which according to Bloomberg is 30.85% owed by Branson’s VX Holdings, floated on the Nasdaq in New York. At the time of the initial public offering (IPO) in November 2014, Virgin America was valued at just over \$1bn.

The budget airline has attempted to differentiate itself from established competitors in the US by giving itself a cheeky and playful image with purple mood lighting and planes named Virgin & Tonic and Jefferson Airplane.

Virgin America made a pre — tax profit of \$61m on sales of \$1.4bn in 2014, according to its annual statement released last month. At the time, Dan Cush, the airline’s president and chief executive, said: “2014 was a remarkable year for Virgin America on every front. We achieved record profitability and significantly strengthened our balance sheet by going public in the second largest airline IPO in history.”

In the conclusive part, the airline’s president shows his appraisal of the company’s achievements, implicitly attracting new investors by mentioning that the company is working on a sound and prosperous basis:

“Both our existing and new investors have shown confidence in our low — cost, high — amenity business model — and we’ve continued to sweep the major travel

awards for both operational excellence and our innovative service.” [7]

Thus, the structure of this news text comes to prove that the principle of an “inverted” pyramid operates also in the news highlighting economic events. Therefore, when reading news texts it might be an effective approach for readers to skim through the headline, the lead and the first sentences

of the main body paragraphs to get an overall idea of the message expressed in the news. This time-effective method will encourage them to grasp the main idea as quickly as possible, and readers will be able to reproduce the content of the news in a couple of words, using key words and relevant information provided in the mentioned parts of the text structure.

References:

1. Minsky M. A. Framework for Representing Knowledge [online resource]: — available on: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/6089> (retrieved on 07.02.2016).
2. Dijk van T. A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
3. Yaros R. “Is it the medium or the message? Structuring complex news to enhance engagement and situational understanding by non-experts” // *Communication Research*, 2006, 33 (4), — P. 285–309.
4. Ytreberg E. Moving out of the Inverted Pyramid: narratives and descriptions in television news // *Journalism studies*, 2 (3). 2001. — P. 357–371.
5. Максютова О. М. О некоторых способах выражения оценки как формы реализации прагматической установки в английском газетном заголовке // *Сб. научных трудов МГПИ им. М. Тореца*. Выпуск 197. М., 1982. — С. 53–65.
6. Москальская О. И. Грамматика текста. М., Высшая школа. 1981.
7. [www.theguardian.com Virgin America shares soar on reports that airline is seeking buyers](http://www.theguardian.com/business/2016/mar/23/virgin-america-shares-soar-reports-airline-seeking-buyers). [online source] — retrieved from <http://www.theguardian.com/business/2016/mar/23/virgin-america-shares-soar-reports-airline-seeking-buyers>

Development of Classical Crossover and major themes in classical crossover music texts

Astafyeva Yuliya Valeryevna, Master of Pedagogical Sciences, Senior teacher;

Mikhailova Tatyana Vladimirovna, Master of the English philology, Senior teacher
Kokshetau State Shokan Ualikhanov University, Kazakhstan

Language reflects the society in which the speaker lives. This is a common notion amongst linguists all over the world. Language is a social phenomenon and different varieties of a language have more or less prestige than others [1]. Music has been a way for people to express themselves for centuries, and language and lyrics are essential in the process of expressing feelings, emotions and opinions through music.

The aim of the article is to dwell upon classical crossover music revealing the essential features of classical crossover music texts.

From the 12th century to the 21st century, music has been vital to everyday life. Whether it is coming from the trumpet playing an old time classical or from the beat boxer rapping his favorite song, the creativity and passion for music starts to flow out of every person who lets it. Music had changed drastically from classical and opera music to pop music and punk rock over the centuries. Classical music, once so popular, became elitist music and there appeared a huge gap between it and modern music. But then The Three Tenors appeared with a performance at the ancient Baths of Caracalla, in Rome, Italy, on 7 July 1990 — the eve of the 1990 FIFA World Cup Final, in which Luciano Pavarotti, José Carreras and Plácido Domingo brought a combination of opera, Neapolitan folksong, musical theatre and pop to a vast television audience [1]. This laid the foundations

for classical crossover as we know it today. This genre has become the “bridge” between the old classic music and music of our time. It is the harmonic fusion of both styles.

The formation of this genre of music proceeded gradually over the past several decades. The classical crossover has step by step overcome elective experiments on the synthesis of classical and modern music, has become widely recognized and truly popular. Music in the style of Classical Crossover is developing rapidly and artists of the classic genre in their turn are expanding the scope of academic music. Classical Crossover as a new genre is actively explored only from the study of music but there is still no linguistic analysis of the style.

When speaking about crossover, we cannot but mention the so-called “Latin explosion” that continued in the late “90s. Among the rising stars there were Ricky Martin, Thalía, Marc Anthony, Enrique Iglesias and Jennifer Lopez.

Collaborations between classical and popular performers have included Sting and Edin Karamazov’s album *Songs from the Labyrinth*. A collaboration between the late Freddie Mercury and Montserrat Caballé resulted in the worldwide hit “Barcelona”.

The term of crossover applied to music that deliberately mixes genres. “Fusion” is a more common term for this phenomenon. Mainly crossover is a musical genre that combines a musical genre that focuses on narrow audience

with modern styles, such as rock, pop and electronics, with the reason for the first one to be popular with a mass audience. Examples include jazz fusion, Celtic fusion worldbeat, etc.

Classical crossover is usually defined as a kind of synthesis, a harmonious combination of elements of classical music and pop, rock, electronic music, jazz. One of the British sites describes classical crossover as a term used to define the works of artists, strongly influenced by classical music, adapting it to the popular sound. In the nineties this trend was also known under the names of classical pop, operatic pop, and neoclassical music.

Having arisen as a result of a compromise between elitist art, which is represented by classical music, and modern mass culture, classical crossover is a remarkable intersection, at first glance unconnected phenomena. A new synthesis combines academic knowledge with the latest musical trends, gives it a special flexibility of development. *"Music is the way! She can't stop or move the beaten paths, otherwise it ceases to be music and becomes a dead sound matter. Music is a journey into the unknown, the path is off-road or off-road music" (a play on words related to the General title of "crossover" type vehicle with all-wheel drive, designed to drive both in the city and on the road). Crossover is the crossing paths, a bridge between genres; the path unbeaten on the road; the genre out of the genre"*, declare the musicians of the famous "Terem-Quartet" [2].

Within the classical recording industry, the term "crossover" is applied particularly to classical artists' recordings of popular repertoire such as Broadway show tunes. Two examples of this are Lesley Garrett's excursions into musical comedy, and also José Carreras's recording West Side Story, as well as Teresa Stratas' recording Showboat. Soprano Eileen Farrell is generally considered to be the first classical singer to have a successful crossover recording with her 1960 album I've Got a Right to Sing the Blues [3].

British soprano Sarah Brightman, called the best-selling soprano of all time, is considered a crossover classical artist, having released albums of classical, folk, pop and musical-theatre music. Brightman dislikes the classical crossover label, though she has said she understands the need to categorize music [4].

Italian pop tenor Andrea Bocelli, who is the biggest-selling singer in the history of classical music has been described as the king of classical crossover.

The television talent shows America's Got Talent and Britain's Got Talent have introduced several popular classical crossover performers, including Paul Potts in 2007, Susan Boyle in 2009, Jackie Evancho in 2010, and Forte Tenors in 2013. Classical crossover performers, including Katherine Jenkins have also often performed on "classical week" of the TV show Dancing with the Stars.

The American group The Piano Guys are implementing a modernized fusion of pop and classical genres.

Flexibly and harmoniously combining musical styles and genres, classical crossover is becoming increasingly popular in the world (classical crossover is included in the list of music nominations of Grammy awards, awarded annually

by the National Academy of recording USA). The magazine "Billboard" has created for it a separate chart [5].

The academic Elements of the sound in combination with the factor of entertainment provide the genre's commercial success among a wide age group, far beyond the scope of adherents of exclusively classical music. This is one of the most important functions of classical crossover — popularization of classical music [1].

It is not surprising that it has the widest audience (from 12 to 60+ years, where the core audience age from 20 to 60 years). The emergence and success of the crossover is associated with many reasons. They are the problems accumulated in the academic art, the desire of musicians to carry the classics to a wider audience, the inexhaustibility of classical music, the desire of musicians to work in other styles, to bring in their music the beauty of the melodies and the depth of content, and many others. The rapid development of mass communications is also one of the reasons for the emergence of classical crossover. Music in the film industry, sound recordings have become the main forms of consumption of the classics. There was no immediacy peculiar to live performance in them. But there were other positive features — coverage of a much wider audience, the ability of various experiments on combining heterogeneous parts in style concerning the musical material, which later formed the basis of classical crossover [6]. It develops a huge musical territory, gaining more fans.

Classical Crossover did, indeed, take root from the Pavarotti situation in the sense that it made people realize that classical music could sell, but the Classical Crossover "sound" did not come from Pavarotti. Classical Crossover artists deliberately combine elements of pop music with classical.

Classical Crossover performers usually use two ways of creating crossover songs. The first way is converting classical pieces into pop songs. Vivaldi's "Winter" from his "Four Seasons" was adapted to "River of Dreams" for Hayley Westenra's album "Pure". The other example of that type of conversion is the famous song "Time to say goodbye", performed by Sarah Brightman and Andrea Bocelli. The translation of the parts of the song from Italian to English was used there.

The other method is converting pop songs into classical pieces; this is usually done by turning original pop vocals into operatic vocals, changing English lyrics to another language (typically Italian) and/or given a classical arrangement. e. g. Sarah Brightman's "Il Mio Cuore Va", originally Celine Dion's "My Heart Will Go On".

Classical Crossover has developed its own standard repertoire, that is to say, a classical crossover artist originated a song, and then others covered it extensively. The most famous example is "Time To Say Goodbye" (Andrea Bocelli and Sarah Brightman) but there are others such as "You Raise Me Up" (Secret Garden/Josh Groban), "Nella Fantasia" (Sarah Brightman), "The Prayer" (Andrea Bocelli) and "Where the Lost Ones Go" (Sissel).

Many singers in Classical Crossover attempt arias.

Classical music and modern classical crossover music differ in many key ways. The most obvious way is their

respective time periods. Classical music is typically considered music made before the 20th century, whereas modern music is music created after the 20th century. Both styles of music are vastly different in other ways, including instrumentation, form, style, etc.

As for classical crossover music, its' songs can be classified into several groups:

Romantic songs and especially the theme of parting are one of the main topics of classical crossover music. Sarah Brightman's song "Away from you" is the best example to show the features of the theme. To show the atmosphere there are such words as "gray, frozen, dim, bleak, lifeless, bare, dry" used in the text. The author suffers from being away from his lover and compares this condition with being almost dead

"... I'm half alive..."

Nothing can satisfy the author, the life literary stops for him

"... There is no music,
There is no sunlight,
The world is gray..."

"... The clocks are frozen..."

However the singer is full of hopes and waits for the reunion, that seems the only thing that matters

"... Until the moment
The door swings open
And you walk through.
Now my world starts to glow
Like a stained-glass window
And what was old and cold
Is warm and new." [6]

The other song by Josh Groban called "Hidden away" conversely is full of passion and merriness. He happily waits to see his lover

"... The sweetest feeling I've got inside
I just can't wait to get lost in your eyes."

The singer compares his lover with the light now is gone, but it will surely come back.

"... how bright you shine...
...when you come back..." [7]

The theme of nature both in positive and negative meanings is also very popular among the classical crossover performers. The trends of Romanticism are often represented in there, the nature phenomena are personalized. There are, for example, the sad view of the last summer rose

"'Tis the last rose of summer,
Left blooming alone;
All her lovely companions are faded and gone;
No flow'r of her kindred,
No rosebud is nigh

To reflect back her blushes,
Or give sigh for sigh." [8]
Or comparison of the moon with the woman
"See her as she flies
Golden sails across the skies
Close enough to touch
But careful if you try
Though she looks as warm as gold
The moon's a harsh mistress
The moon can be so cold..." [7]

The traditional songs are represented by lullabies, children, folk and holiday songs. As it has been said before, the songs of these themes appear in half of the albums of classical crossover style. There are some songs of that topic represented here.

The ancient Welsh folk song, *Ar Hyd y Nos* was first published under that name by Bardd y Brenin (Edward Jones) in *Musical Relicks of the Welsh Bards* (1784). The first English lyrics were possibly written by Amelia Opie and was sung to an English setting, "Here beneath a willow weepeth poor Mary Ann". Those lyrics were eventually replaced by Harold Boulton's now familiar lyrics. The song was performed by Haily Griffiths, Il Vovo, The Tenors and Sara Brightman.

The next song that often appears among classical crossover songs is the "Sweet Polly Oliver". It appeared in Frank Kidson's *Traditional Tunes* in 1891 as the *Pretty Ploughboy*. In 1904 Sharp and Maron identified the tune in Somerset England as *The Lark in the Morn*. It also appeared in *Old Irish Folk Music and Songs* by P.W. Joyce. The song tells the listener the story of a girl, who decided to go on War. She dresses in man's clothes, cuts off her hair and becomes a soldier aiming to follow her husband. There she becomes a nurse and finds her husband mortally injured. And she nurses him back to life. The song is written with "dry" language. There are no expressive means and stylistic devices; the main purpose of the song is not to show the sentimental feelings, but the heroic deeds of a woman ready to follow her love until the death. The song is usually performed by female artists such as Sara Brightman, Hayley Westenra and others.

The results of the investigation strongly support our suggestion that the language of classical crossover has distinguished as an independent genre. Being part of such a large definition of classical music, classical crossover overcame elective experiments on the synthesis of classical music and popular styles and became not only independent, but also popular all over the world.

It is obvious that the study of classical crossover isn't yet done. As a recently appeared style, it is going to change flexibly, giving the new field of study.

References:

1. Danilova G.I. *World Art And Culture. 7–9 class: textbook for General education. Institutions, 13th ed., stereotype.* — Moscow: Drofa, 2011. — 4–32 pp.
2. Terem Quartet [Электронный ресурс]. — URL: https://wiki2.org/en/terem_quartet (дата обращения: 04.06.2017).
3. Crossover music — Wikipedia. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/crossover_music (дата обращения: 04.06.2017).

4. Music World. [Электронный ресурс]. — URL: music-world.org (дата обращения: 04.06.2017).
5. Classical Crossover Albums: Page 1 | Billboard. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.billboard.com/biz/charts/classical-crossover-albums> (дата обращения: 04.06.2017).
6. Away from you — Sarah Brightman | Текст и перевод песни | Слушать онлайн | Lyrsense. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.lyrsense.com/sarah_brightman/away_from_you_ (дата обращения: 04.06.2017).
7. Hidden away — Josh Groban | Текст и перевод песни | Слушать онлайн | Lyrsense. [Электронный ресурс]. — URL: https://en.lyrsense.com/josh_groban/hidden_away_ (дата обращения: 04.06.2017).
8. Music Text. [Электронный ресурс]. — URL: <http://musictext.com.ru> (дата обращения: 04.06.2017).

Значения предлога «на» в предложном падеже и их персидские корреляты

Ахмади Мирейла, кандидат филологических наук, доцент;

Алияри Шорехдели Махбубех, кандидат филологических наук;

Хассанзаде Махдие, аспирант

Университет Тарбиат Модарес (г. Тегеран, Иран)

Предлоги в русском языке используются как средство синтаксического подчинения существительных с другими словами в предложении и словосочетании. Предлоги в русском и персидском языках могут быть однозначными и многозначными. Предлогу «на» в предложном падеже свойственна многозначность. Настоящая работа посвящена рассмотрению 25 значений предлога «на» в предложном падеже и его корреляты в персидском языке. Наше исследование показывает, что эквивалентами предлога «на» в персидском языке чаще всего являются различные простые и сложные предлоги. Иногда значения предлога «на» в предложном падеже выражаются в персидском языке при помощи других частей речи.

Ключевые слова: значение, предлог «на», предложный падеж, русский язык, персидский язык

В русском языке предлог — «это служебная часть речи, используемая как средства синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другими словами в предложении и словосочетании (*дом у дороги, перейти через улицу, первый в классе*). Выражая отношения, предлоги по своему грамматическому значению сопоставимы с падежными окончаниями, поэтому выступают вместе с ними в едином функциональном комплексе, образуя целостную по значению предложно — падежную конструкцию. Не случайно без предложной падежной формы нередко выражает то же грамматическое значение, что и предложно- падежная конструкция». [11, с.348].

В персидском языке, как и в русском языке, среди служебных слов важнейшая роль принадлежит предлогам, осуществляющим подчинительную связь между членами словосочетаний и предложений.

По мнению Ю. А. Рубинчика в персидском языке, где получили распространение аналитические конструкции и отсутствует падежная система, особую роль играют служебные слова. Они различны по семантике и выполняемым функциям. От полнозначных слов их отличает то, что их значение в основном несамостоятельное и предполагает наличие какого-то другого значения, выраженного знаменательным словом. [8, с. 311].

Дехода А. разделяет персидские предлоги на две группы: постоянные и общие. В персидском языке предлоги, которые всегда употребляются в роли предлога, называются *hogufe ezāfeye sābet* «постоянными предлогами», а предлоги, которые могут употребляться и в роли наречия или существительного, называются *hogufe ezāfeye moštarak* «общими предлогами».

Постоянные предлоги: *az* «обычно в значении от или с», *dar* «обычно в значении «в» и «на»» и др.

Общие предлоги: *zib* «под» *ru* «над, на» *piš* «обычно в значении «к» или «у»» *nazdik* «близко, около, к, и т. п.» и др.

Например: *ketāb ruze miz ast* «Книга лежит на столе», здесь слово *ruze* выполняет функцию предлога и предшествует существительным. Но в предложении *pish āmad* «Он подошел поближе» слово «*piš*» не сопровождается существительными и оно выполняет роль наречия». [13, с. 1377].

Предлог «на» в русском языке является простым, неизменяемым и употребляется с винительным и предложным падежами. В данной статье мы только обратим внимание на разные значения предлога «на» в предложном падеже и способы их выражения в персидском языке.

Основная часть

При рассмотрении и сравнении значения предлога «на» в предложном падеже мы использовали четырёхтомный «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой и «Синтаксический словарь» Г. А. Золотова. Мы предлагаем 25 группу значений предлога «на» в предложном падеже и их эквиваленты в персидском языке, которые могут изменяться с точки зрения разных лингвистов.

1. Предлог «на» употребляется «при обозначении предмета, на поверхности (или на верхней, внешней стороне) которого протекает действие или находится, располагается кто-л., что-л.» [10, с. 323]. Данное значение предлога «на» может соответствовать с такими

персидскими сложными предлогами, как»**ruye, bar, bar ruye**».

Он лежит **на** кровати и вечером **на** кресло.

(*U ruye taxt va asrhā bar ruye sandaliye rāhati derāz mikešad.*)

Она писал письмо **на** плотной бумаге.

(*U ruye kāgaze захим name minevešt.*)

Когда *стоишь на горе*, так тебя и тянет лететь.

(*Hengāmi ke bar ruye kuhi miesti, anqadr havase parvāz kardfn mikoni.*)

В этих конструкциях обычно употребляются глаголы бытийного значения: *лежать, стоять, находиться, размещаться и т. п.*

2. Предлог «на» употребляется «при обозначении предмета или лица как поверхности, площади, являющейся местом нахождения, обнаружения чего-нибудь» [10, с. 323]. Данное значение предлога «на» передается в персидском языке часто при помощи предлогов «**ruye, bar, bar ruye, be**».

Миниатюры выполнены в технике живописи **на** фарфоре.

(*Minyatorhā az lahāze fane naqāši bar ruye čini kešide šodeand.*)

Тебе ничего не будет напоминать о содеянном, — отчаянно продолжила Марина, — кроме разве что крошечной царапины **на** носу.

(*Marinā nāomidāne edāme dad: to čizi dar morede kabudihā beyad naхahi āvard magar tanhā xarāše besyar kučak bar ruye bini.*)

Были тяжелые гардины **на** окнах, под цвет мебельной обивки.

(*Ruye panjarehā pardehāye sangin be range ru moblihā budand.*)

3. Предлог «на» употребляется при названий предметов одежды, внешнего оформления. Данное значение предлога «на» передается в персидском языке часто при помощи предлогов, «**ruye, bar**», но иногда употребляется без предлогов или выражается с помощью глаголов.

На нем шляпа и новое пальто.

(*U kolāh va pāltoye jaded bar tan dārad// U kolāh va pāltoye jaded pušide ast.*)

У него **на** ногах туфли. (*U kaš be pā dārad.*)

На ней темные очки. (*U' ynak dudi be čašm dārad// U' ynak dudi zade ast.*)

4. Предлог «на» употребляется «при обозначении лиц, организаций, на которые возложено что-л, которые несут какую-л ответственность, обязанности и т. п.». [10, с. 323]. Данное значение может соответствовать с такими персидскими предлогами, как»**bar ohdeye, ba**».

Это была легкая служба: **на** моей обязанности было снабжать городские библиотеки литературой.

(*In kare sādei bud. Tajhize ketābxāneye šahr bā manāb' bar ohdeye man bud.*)

Все дела **на** ней. (*Hameye karhā bā ust.*) **На** моей обязанности лежала проверка товаров пропусков.

(*Kontrolle javāz bar ohdeye man bud.*)

5. Предлог «на» употребляется «при обозначении **области, сферы**, а также места, пространства и географические понятия (частей света, стран, городов и т. п.),

в которых происходит какое-л действие или проявляется какое-л свойство» [10, с. 323]. Данное значение предлога «на» передается в персидском языке часто при помощи предлога «**dar**».

Призидент выступает **на** съезде.

(*Raisjomhur dar kongre soxanrāni mkonad.*)

Она училась **на** курсах русского языка.

(*U dar dorehaye zabān rusi tahsil mikard.*)

Ира отдыхает **на** Кавказе. (*Ira dar qafqāz esterāhat mikonad.*)

Он настаивал на том, чтобы тётя проводила полгода **на** юге.

(*U pāfešāri kard ke 'meaš šeš mah rā dar jonub bogzarānad.*)

6. Предлог «на» употребляется при обозначении предмета, который мыслится как (*в сочетании с суц. «ум»», «душа»», «сердце»», «совесть» и т. п.*) [10, с. 323] и фон проявления и сосредоточения какого-нибудь душевного состояния. Предлог «на» в этом значении может соответствовать с такими персидскими предлогами, как»**bar, dar**».

На моей душе какая-то тяжесть. (*Dar vojodānam čizi sangini mikonad.*)

А мне так тяжело, такая тоска **на** сердце...

(*En čenan barāyam saxt ast, yek ġami bar delam sangini mikonad.*)

В самом деле, если он умрет, это будет целиком **на** моей совести!

(*Rāstaš agar u bemired in masale bar vojdanе man sangini xahad kard!*)

7. Предлог «на» употребляется «при обозначении промежутка времени, в пределах которого что-нибудь совершается или при указании на срок совершения действия» [Евгеньева, 1983: 323]. данное значение выражается в персидском языке такими предлогами, как»**nazd, dar, hengāme**» или без предлогов.

На моей памяти Москва совершенно преобразилась. (*Dar xātere ye man mosko kamelan tağyir karde bud.*)

Когда сможете переселиться? — Да хоть **на** будущей неделе.

(*key mitavanid naqle makan konid? Hamin hafteye ayande.*)

На утренней заре пастух не гонит коровы.

(*Dar sepidedam čupān gavhār: bečerā nemibārad.*)

8. Предлог «на» употребляется при существительных «с порядковыми числительными, определяющими количество, уровень, расстояние, обозначает момент, когда совершается действие. данное значение выражается в персидском языке такими предлогами, как «**dar**».

На третьем шагу Обломов отрезвился совсем от сна и начал потягиваться, зевая.

(*Dar sevomin qadam āblātof kamelan az xāb bidār šode bud va xamyaze kešān šur' be kešdadne xodaš mikard.*)

Сын ли мой не был удал? Сорок медведей поддел на рогатину — **На** сорок первом сплосал!

(*Āyā pesare man šoja' nabyd?čehel xers ra be dam andaxt. Dar čehel yekomim eštebāh kard!*)

9. Предлог «на» употребляется с отглагольными существительными в устойчивых сочетаниях (на скаку, на бегу, на ходу, на лету) употребляется при обозначении действия, в один из моментов которого что-л совершается [10, с.323] и может соответствовать с таким персидским предлогом, как»**barāye, bā**» или без предлогов.

Искры гаснут **на** лету.

(*Jaraqehā **bā** sorat xamuš mišavand.*)

Конь скакун, скаковой — для скачки, легкий и *скорый на скаку.*

(*asbe tondroye kyrc baraye pareš sabok va **barāye** davidan sari' ast.*)

10. Предлог на употребляется «при обозначении условий, обстановки, при которых совершается действие» [10, с. 323] и может соответствовать с такими персидскими предлогами, как»**dar joloye, dar rāhe, dar huzure**» или без предлогов.

А **на** людях строгое воспитание не позволяет мне показывать своих отрицательных эмоций.

(***Dar hozure** mardom tarbiate saxtgirane be man ejaje nemidahad ke ehsasāte manfi xod ra nešan bedaham.*)

На миру и смерть красна. (пословица)

(***dar rāhe** solh marg niz zibāst. (zarbolmasal)*)

Сын вырос на его глазах.

*Pesar **dar joloye** čašmane u bozorg šod.*

11. Предлог «на» употребляется при обозначении условия, из которых вытекает что-нибудь. данное значение выражается в персидском языке такими предлогами, как»**dar**» или без предлогов.

На безрыбье и рак рыба.

(***Dar** biyabān lenge kafši nemat ast.*)

Вот уважать кого должны мы **на** безлюдье.

(*Vaqtī kasi nist be če kasi bāyad ehterām gozašt.*)

На морозе побелела борода его.

(***Dar** yaxbandān riše u be sefīdi mizad.*)

12. Предлог «на» употребляется «при обозначении лица, предмета, который является средоточием чего-нибудь, объектом проявления какого-нибудь действия, состояния, качества» [2, с.525]. Данное значение может соответствовать с такими персидскими предлогами, как «**dar, be name, bar ohdeye**».

На нем лежала большая ответственность. (*Masuliyate bozorgi **bar ohdeye** u bud.*)

Вся ее любовь сосредоточилась **на** ребенке.

(*Hameye ešqe u **dar** bače motamarez šode bud.*)

На нем числится долг.

(*Vam **be name** u sabt šode ast.*)

13. Предлог «на» употребляется «при обозначении предметов, поддерживающих что-нибудь, являющихся опорой, основанием чего-нибудь» [2, с.525]. Такое значение может соответствовать с такими персидскими предлогами, как»**bā, hamrahe**» или без предлогов.

А вот ты за то и не мальчик, а верченая кукла **на** пружинах, вот ты кто.

(*To ham dar avaz bače nisti, balke arusake fanari hasti, to in hasti.*)

А **на** костылях вы ещё не ходите, коллега?

(*šomā hamkare aziz **bā** čybe zire bağal hanyz rah nemiravid?*)

14. Предлог «на» употребляется «при обозначении предмета, являющегося нижней или внутренней частью чего-л» [10, с. 323].указанное значение может соответствовать с такими персидским предлогом как»**bā**» или без предлогов.

Барышня оделась в голубое шелковое платье, пальто **на** меху — настоящая.

(*Doxtare javan lebāse abrišamiye ābi rang, paltoye puste tabi' i pušide bud.*)

У нее был даже не полушубок, а просто пальто **на** вате.

(*U hatā na paltoye kytāhe pustin balke faqat paltoye panbei dašt.*)

Ботинок должен быть **на** низком широком каблуке и **на** двойной подошве.

(*Putin bāyesti **bā** pāšne pahne kytāh va **bā** kafiye do lāāye bāšad.*)

15. Предлог «на» употребляется «при обозначении орудия действия, причем это орудие одновременно является или поверхностью, или способом проявления действия» [2, с.525].Такое значение может соответствовать с таким персидским предлогом, как»**bā**» или без предлогов.

Теперь он каждый вечер *играл* дома **на** скрипке.

(*Aknun u har šab dar xāne viyolon minavāxt.*)

Он умел здорово плясать, маленько *играл на гармошке.*

(*U mitavānest be xubi beraqsad va kami **bā** gārmon benavāzad.*)

16. Предлог «на» употребляется «при иобозначении средства, способа передвижения» [9, с.324]. Данное значение может соответствовать с такими персидскими предлогами, как»**bā, dar, savār bar**».

Князь по полю *едет на верном коне.*

(*Pādešah dar dašt **savār bar** asbe vafadāraš miravad.*)

Может останавливаться любители *путешествий на лодках.*

(*Dustārāne safar **bā** qayeq mitavānand bemānand.*)

До границы мы поедем в почтовом экипаже или **на** пароходе.

(*Mā tā marz rā bā yek goruhe posti yā **bā** kašti tey mikonim.*)

17. Предлог «на» переносно употребляется «при обозначении предмета, являющегося материалом, способ проявления какого-нибудь действия, предмета, свойства» [2, с.525]. Этот предлог может соответствовать с таким персидским предлогом как»**bā**».

Чеснок нельзя жарить **на** масле, так как он теряет свои ароматные свойства.

(*Sir rā nabāyad **bā** roğan sorx kard, zirā ke xāsīyate buyi xod rā az dast midahad.*)

Чаще всего были вареные макароны, обжаренные **на** маргарине в огромной, полуметрового диаметра сковороде.

(*Ağlabe mavāred macaroni poxte dāštīm ke **bā** kareye vārgārin dar tābeye bozorg bā qotre nim metr poxte šode bud.*)

Вот, а у меня кролик тушится и картошка жарится **на** сале.

(*Amā man ġazaye xarguš daram ke dar hale poxte sodan ast va sibzamini bā donbe sorx mišavad.*)

18. Предлог «на» употребляется «при обозначении чего-нибудь, что входит в состав какого-нибудь вещества или с помощью чего изготовлен какой-нибудь предмет» [2, с.525]. Это значение переводится таким персидским предлогом, как «**bā**» или без предлогов.

Мазь с прополисом готовится **на** вазелине или **на** сливочном масле.

(*Pomade mumdār bā vāzelin yā bā kare sāxte mišavad.*)

Варить варенье можно не только **на** сахаре, но и **на** меде.

(*Morabā rā mitavān natanhā bā šekar balke bā asal ham poxt.*)

19. Предлог «на» употребляется при обозначении языка (языков) как средство осуществления речемыслительного действия и может соответствовать с таким персидским предлогом как «**be**».

С армянами он разговаривает **на** турецком языке.

(*U bā armanihā be zabāne torki sohbat mikonad.*)

Телевизионное вещание ведется **на** 42 языках народов России.

(*Paxše barnāmeje televiziya be 42 zabāne mardome Rusiye paxš mišavad.*)

20. Предлог «на» употребляется при обозначении средства, способа существования предмета. Данное значение может соответствовать с такими персидскими предлогами как «**bā**» или без предлогов.

Долгое время хлеб, испеченный **на** дрожжах, считался большой роскошью.

(*Modathā nāni ke bā xamire torš poxte mišod, ġazāye šahāne mahsub mišod.*)

Оборудование, работающее **на** солнечных батареях.

(*Dastgāhi ke bā bātriye xoršidi kār mikonad.*)

Ты знаешь дом **на** мраморных столбах?

(*To xanei bā sutunhaye marmari mišenāsi?*)

21. Предлог «на» употребляется «при обозначении непосредственную близость к какому-нибудь предмету, преимущественно к орудию действия, пребывание возле него» [2, с.525]. Это значение может соответствовать с такими персидскими предлогами, как «**pošte, dar pošte**».

Сидит один **на** руле. (*Tanhā pošte farmān minešinad.*)

22. Предлог «на» употребляется при указании на возраст как момент совершения действия» [5, с.98]. и переводится на персидский язык предлогом «**dar**».

И тут впервые **на** сороковом году своего бытия отец Василий Фивейский понял глазами, и слухом, и всеми чувствами своими.

(*Va injā barāye avakin bār dar čehelomin sale zendegi pedare Vāsili fiyovski zendegiaš rā bā čašmān va guš va tamātiye ehsāsātaš fahmid.*)

Таким образом, я стал женихом **на** двадцатом году жизни.

(*Bedin tartib man dar bistomin sale zendegiam nāmzad kardam.*)

23. Предлог «на» употребляется «при обозначении пребывания в каком-нибудь состоянии, положении, в какой-нибудь деятельности» [2, с.525]. Данное значение

предлога «на» выражается такими персидскими предлогами как «**dar, tahte, bā, zire**».

Отец был военным и часто сутками пропадал **на** службе.

(*pedar nezāmi bud va aġlab čand šabaneruzi dar hale xedmat bud.*)

Вчера, — говорил Мадьяров, — мне один полковник, он тут **на** излечении.

(*Mādyārof diruz goft: barāye man yek sarhang mānde ke u niz injā tahte darmān ast.*)

Жена находится **на** иждивении у своего мужа.

(*Zan zire takafole šoharaš zendegi mikonad.*)

Это **на** моей ответственности.

(*In bā masuliyate man ast.*)

24. Предлог «на» употребляется при обозначении чего-л, являющегося основанием какую-л действия или указания на причину возникновения эмоций [10, с.324]. Русскому предлогу «*на*» в данном значении в персидском языке может соответствовать предлоги «**az, be xātere**».

Благодарю вас **на** добром слове.

(*Az kalamāte xubetān mamnunam.*)

Не обижайся, любезный, **на** этом полтиннике, а завтра приходи.

(*Azizam az in panjāh kopeki nārāhāt nabāš, fardā dobāre biyā.*)

Он много потерял **на** этом деле.

(*U ġizhāye ziyadi rā be xātere in kar az dast dād.*)

25. Предлог «на» употребляется с глаголом «**жениться**» в значении «*вступить в брак*» и указывает на лицо, с которым вступают в супружеские отношения. Данное значение предлога «на» может соответствовать с таким персидским предлогом, как «**bā**».

Вскоре потом Петр Андреевич женился **на** Ларисе Ивановне.

(*Bezudi Petr Androvič bā Lāricā Ivanovnā ejdevāj kard.*)

Он собирается жениться **на** умной девушке.

(*U qasd dārad bā doxtare 'āqeli ejdevāj konad.*)

Я тебе недостойна, не надо было тебе жениться **на** мне.

(*Man lāyeq to nistam, to nabāyad bā man ejdevāj vi kardi.*)

Заключение

Значения предлогов в русском и персидском языках чаще всего определяется их сочетаемостью с другими словами. Лексическое значение самых предлогов ограничивает сферу их употребления.

Рассматривая и сопоставляя разные значения предлога «на» предложного падежа и их корреляты в персидском языке можно сделать вывод, что данный предлог во-первых заключает в себе много значений, во-вторых эти значения в свою очередь выражаются в персидском языке разными простыми и сложными предлогами (**ruye, bar, bar ruye, bar ohdeye, nazd, dar, hengāme, barāye, bā, dar joloye, dar rāhe, dar huzure, be name, hamrahe, savār bar, be, pošte, dar pošte, tahte, bā, zire, az, be xātere**). Иногда значение данного предлога в персидском языке может выражаться с помощью других частей речи, в том числе глаголов.

Литература:

1. Виноградов В. В., Грамматика русского языка. — М.: Академия наук СССР, 1952. 525 с.
2. Ожегов С. И., Шведева Н. Ю., Толковый словарь русского языка- 4-изд. дополн. — М.: Азбуковник, 2001.
3. Пантелеева Татьяна Александровна, Семантико-грамматическая структура предлога НА1, оформляющего винительный падеж, и предлога НА2, оформляющего предложный падеж, в современном русском языке, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Челябинск, 2006. 98с.
4. Розенталь Д. Э., Современный русский язык. — М.: Высшая школа, 1984.
5. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А., Современный русский язык. — М.: Аспект пресс, 2005.
6. Рубинчик Ю. А., Грамматика современного персидского литературного языка. — М.: Восточная литература, 2001. 311с.
7. Золотова Г. А., Синтаксический словарь. — М.: Наука, 1988. 324 с.
8. Словарь русского языка, под ред. А. П. Евгеньева — М.: Русский язык, 1983. 323 с.
9. Современный русский язык, под ред. Леканта П. А. — М.: Дрофа, 2001. 348 с.
10. Ufchinikova, Furughiyani, Badi, farhang gusi be farsi, entešarat gotenberg, 1996. (Овчиникова И. К., Фуругян Г. А., Бави Ш. М., русско-персидский словарь.: Готенберг, 1996.)
11. Dehkroda, Aliakbar, loġhatname dehroda, jelde 6, 1999.8851с. (Дехода А., Словарь дехода, Том 6, 1999.8851с.)
12. Rahbar, Khalil khatib, dastur zaban farsi (ketabe hurufe ezafe), čape 3, Tehran, 1994. (Рахбар Х., Персидская грамматика (книга предлогов). — Тегеран, 1994.)
13. Lesani, Hosein, karbord huruf ezafe dar zaban rusi, qom, entešarate ebtekarare sokhan, 2011. (Лесани Х., Употребление предлогов в персидском языке. — Гом.: Эбтекаре Сохан, 2011.)

Циркумфиксация существительных в современном русском языке (количественный подход)

Бартков Борис Ильич, доцент;

Чвилева Виктория Юрьевна, ассистент

Дальневосточное отделение Российской академии наук (г. Владивосток)

В статье приводится полный инвентарь циркумфиксальных моделей современного русского языка, а также подсчитанные нами по максимально полным словарям величины таких объективных количественных характеристик, как диахроническая и синхроническая продуктивности, а также модельная и суммарная частотности моделей.

Ключевые слова: циркумфиксальные модели и типы, словообразовательное значение, синхроническая и диахроническая продуктивности, модельная и суммарная частотности

Circumfixation of nouns in modern Russia (quantitative approach)

Bartkov Boris, associate professor;

Chvilyova Victoria, assistant

Far-Eastern branch of the Russian academy of sciences

A complete set of circumfixal models of modern Russian has been made up and such objective characteristics of models as synchronic and diachronic productivity as well as model and summary frequency have been calculated with the largest dictionaries having been used.

Key words: circumfixal models and types, derivational meaning, quantitative approach, synchronic and diachronic productivity, model and summary frequency

В современном русском языке из 145 тыс. слов около 87 % являются производными, т. е. образованными с помощью какого-либо способа словообразования [16], в том числе и префиксально-суффиксального, или циркумфиксального.

В энциклопедии «Языкознание» говорится: «Конфиксы, или циркумфиксы — комбинация из префикса и постфикса, функционирующие совместно (ср. нем. формы страдат. причастия типа *ge-nom-m-en* «взятый» или рус. «за-речь-е», «под-окон-ник»)» [8, с. 59]. Известно,

что словообразовательным значением называют общую сему всех дериватов, образованных по данной модели.

Словообразовательная модель — это все производные данного типа, объединенные одинаковой частеречной принадлежностью производящей основы [2].

Циркумфиксальные модели (и типы) русского языка упоминают многие авторы.

Так, в работе [18] приводится 11 циркумфиксальных дериватов, образованных по 9 моделям, в [6] — 25 примеров циркумфиксальных дериватов, образованных по 13 моделям, в справочнике [14] — 6 примеров, образованных по 5 моделям.

Наиболее полно набор циркумфиксальных моделей представлен в работе [9]. Мы подсчитали, что авторы описали 88 циркумфиксальных моделей и привели 285 примеров.

Однако до последнего времени ничего не было известно о количественных величинах их продуктивности и/или частотности. Поэтому мы решили восполнить этот пробел.

Модели представлены нами в компактном виде и ранжированные по их диахронической продуктивности (Пд), т. е. по полному количеству выявленных дериватов (табл. 1).

Таблица 1. **Диахроническая продуктивность и словообразовательное значение циркумфиксальных моделей**

Модель	Пд	Словообразовательное значение	Примеры дериватов
За- +С+ j (э)	12	Место, пространство, находящееся позади того, что названо ПО	Залесье, загорье, заболотье, запечье Заволжье, Зауралье
На- +С+ -ник	16	Предмет, находящийся на поверхности, названной ПО	Нагрудник, наушник, наколенник, надомник
Пере- +С+ -ок	10	Пространство между тем, что названо ПО, пересечение	Перелесок, перешеек, Пересменок, переулок
По- +С+ -j (э)	11	Пространство, находящееся вблизи того, что названо ПО	Побережье, Полесье, Поволжье, Подунавье
Под- +С+ -ник	9	Предмет, находящийся ниже того, под тем, что названо ПО	Пододяельник, подлокотник, подкаблучник
Под- +С+ -ок	18	Предмет, находящийся ниже того, под тем, что названо ПО	Подбородок, подлесок, Подшерсток, подпечек
Пред- +С+ -j (э)	9	Пространство или время перед тем, что названо ПО	Предгорье, предгорье преддверие, Предкамье
При- +С+ -j (э)	10	Пространство, прилегающее к тому, что названо ПО	Приморье, Приамурье, Приозерье, Приобье
Прочие 80 моделей	189		
Общая сумма	285		
Общее среднее	3,2		
Среднее для 8	12,0		
Среднее для 88	2,4		

Примечание: Пд — это диахроническая продуктивность модели (или) типа, т. е. общее количество циркумфиксальных дериватов.

Хотя всего в работе [9] приведено 88 моделей с их словообразовательным значением и 285 примерами дериватов, но количество примеров различно для разных моделей. Так, по 8 самым продуктивным моделям образовано 34 % всех циркумфиксальных дериватов, что дает в среднем по 12 примеров на модель. На остальные 80 моделей приходится 189 примеров, т. е. в среднем по 2,4 деривата на модель.

Известно, что со временем может изменяться как количество циркумфиксальных дериватов, так и общее количество моделей. Поэтому мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Установить полное количество циркумфиксальных моделей в современном русском языке;
2. Подсчитать их диахроническую и синхроническую продуктивности, а также модельную и суммарную частотности;
3. Описать словообразовательное значение новых циркумфиксальных моделей, буде таковые обнаружатся;

4. Определить стилистическую принадлежность циркумфиксальных моделей.

В качестве источников материала для анализа были использованы следующие крупнейшие в мире словари, из которых циркумфиксальные дериваты извлекали методом сплошной выборки, а именно: [16] объемом в 145 тыс. слов и [13] объемом в 10 тыс. слов; частотность определяли по [17], содержащему 40 тыс. частотных слов, извлеченных из текстовой выборки объемом в 1 млн словоупотреблений; семантику и стилистическую сферу употребления дериватов устанавливали по [15, 13, 11, 12].

Раздел 1. ПО — исконные существительные.

В ходе анализа получены следующие результаты (табл. 2). Установлено, что у современном русском языке имеется 140 циркумфиксальных моделей, так как в дополнение к 88 моделям, имеющимся в работе [9], нами обнаружено 52 новые модели. Кроме того, в дополнение к 285 известным дериватам нами было выявлено 179 новых

циркумфиксальных дериватов. Следовательно, величина средней продуктивности модели возросла с 2,9 до 3,4 деривата на модель.

С учетом новых данных наиболее многочисленными оказались следующие циркумфиксальные модели.

1. Под- +С+ -ник = С* (49 слов), например, подзатыльник, подстаканник, подоконник, подфарник, подблюдник, подсошник и т. д.

2. На- +С+ -ник = С* (36 слов), например, наусник, наспинник, намордник, напильник, накомодник и т. д.

3. Под- +С+ -j (э) = С* (22 слова), например, подоконье, подголовье, подкорье, подзеркалье, подгорье, подперсье и т. д.

4. Под- +С+ -ок = С* (20 слов), например, подсушок, подшерсток, подрамок, подпечек, подбедрок, подголосок и т. д.

5. Со- +С+ -ник = С* (12 слов), например, сотружник, собутыльник, ссоклассник, сокурник, соотечественник и т. д.

6. За- +С+ -ок = С* (11 слов), задворок, загривок, зачелок, зешеек, заклинок, заулок, закрылок и т. д.

Ниже мы продемонстрируем примеры описания наиболее продуктивных циркумфиксальных моделей, включая их словообразовательное значение и стилистику, т. е. сферы употребления дериватов (табл. 2).

Таблица 2. Наиболее продуктивные циркумфиксальные модели и их словообразовательное значение и сферы употребления дериватов

Циркумфиксальная модель	Пд	Словообразовательное значение	Примеры дериватов	Сфера употребления
За-+С+-ок = С*	11	Нечто, находящееся позади того, что названо ПО	Загривок, закрылок, Запечек, заулок, Задворок, загорбок, Зашеек, зачелок. Затишек	Общ. — 1 Обл. — 3 Разг. — 5 Прост — 2
О- +С+ j (э) =С*	9	Нечто, прилегающее к тому, что названо ПО	Оголовье Одонье, окосье, остожье Охлопье, охвостье Очелье, оплечье	Общ. — 1 Обл. — 4 Спец. — 2 Устар. — 2
Под+С+j (э) =С*	22	Пространство, находящееся ниже того, что названо ПО	Подстолье, поножие Поднавесье, подклювье Подголовье, подлавочье Подоконье, подстожье Подклетье, подперсье	Общ. — 5 Разг. — 6 Прост — 2 Обл. — 4 Устар — 5
При- +С+-ник=С*	9	Нечто, расположенное около того, что названо ПО	Привратник Присадник Придверник, придорожник Прицветник, присеменник Приворотник	Общ. — 1 Обл. — 1 Разг. — 2 Спец. — 2 Устар — 1
Со- +С+-ник = С*	12	Группа лиц, объединенных общностью действия или состояния	Сотрудник, соплеменник Сопалатник, совопросник Собутыльник Сопутник	Общ. — 6 Разг. — 4 Прост — 1 Устар — 1

Примечание: «С» — обозначает производящую основу (ПО) существительного; С* — производное слово (дериват); общ. — общеупотребительное; разг. — разговорное; прост. — просторечное; спец. — специальное; обл. — областное; устар. — устаревшее слово.

В дополнение к словообразовательным значениям (СЗ), приводимым для 27 моделей [9], нам удалось впервые сформулировать СЗ для 30 новых циркумфиксальных моделей, каждая из которых дала по 2–4 деривата, например:

— «пространство, находящееся позади того, за тем, что названо ПО»:

за- +С+ -ин (а) = С* (заушина, зашеина);

— «место, куда кладут то, что называет ПО»:

из- +С+ -j (е) = С* (изножье, изголовье);

— «нечто, находящееся поверх того, что названо ПО»:

на- +С+ -ок = С* (наилок, напиллок, нагорбок);

— «нечто, объединяющее в целое то, что названо ПО»:

о- +С+ -иj (э) = С* (оглавление, окомкование);

— «нечто, находящееся около того, что названо ПО»:

около- +С+ -ник = С* (околоплодник, околоцветник);

— «нечто, добавляемое в то, что названо ПО»:

от- +С+ -к (а) = С* (отдушка, отмастка);

— «пространство, находящееся вблизи того, что названо ПО»:

по- +С+ -j (э) = С* (полесье, подворье, поморье, попутье);

— «пространство под тем, что названо ПО»:

под- +С+ -иц (а) = С* (подполица, подызбица).

В целом дериваты описываемой модели с стилистическом плане распределяются следующим образом:

- 1) общепотр. — 167 слов (33,8%), например, нагорье, взморье;
- 2) разг. — 131 слово (26,5%), например, взгорок, зарукавник;
- 3) спец. (в том числе терминов) — 70 слов (14,3%), например, выторфовка;
- 4) обл. — 56 слов (11,3%), например, повечерие, суголовь;
- 5) устар. — 339 слов (7,8%), например, возглавие, наручни;
- 6) прост. — 30 слов (6,1%), например, зашеина, придурок.

Мы используем такие современные количественные характеристики деривационных моделей см. [2], как диахроническая продуктивность (Пд) — по словарям [10,

16], т. е. общее количество дериватов, образованных по данной модели от «Адама» и до наших дней; синхроническая продуктивность (Пс) — по словарю [13], т. е. количество неологизмов, образованных по данной модели а конце XX века; модельную частотность (Чм), т. е. количество разных дериватов, образованных по данной модели и попавших в крупнейший частотный словарь [17]; суммарную частотность (Чс), т. е. суммарную частотность употребления всех слов данной циркумфиксальной модели, попавших в [17] (Табл. 3).

Отметим, что список моделей можно ранжировать по любому из выше-упомянутых количественных характеристик: Пд, Пс, Чм или Чс в зависимости от поставленной цели. Если необходимо отобрать модели, знание которых расширяет ПАССИВНЫЙ словарный запас, то их следует ранжировать по языковой характеристике, например, по величине Пд (Табл. 3).

Таблица 3. Циркумфиксальные модели, ранжированные по диахронической (Пд) продуктивности

Циркумфиксальная модель	Пд	Пс	Чм	Чс
Под- +С+ -ник = С*	49	1	4	7
На- +С+ -ник = С*	36	0	9	16
Под- +С+ -j (э) = С*	22	0	1	7
Пол- +С+ -ок = С*	20	0	4	6
Пред- +С+ — иj (э), — j (э) = С*	12	1	3	13
Со- +С+ -ник = С*	12	1	3	151
За- +С+ -ок = С*	11	0	2	2
За- +С+ -j (э) = С*	11	0	1	2
О- +С+ -j (э) = С*	9	0	1	2
О- +С+ -ок = С*	9	0	2	36
При- +С+ -ник = С*	9	0	1	1
По- +С+ -ник = С*	88	1	22	8
Прочие 128 моделей				
Сумма	472	22	92	857
Среднее	3,37	0,16	0,66	6,12

Если необходимо отобрать циркумфиксальные модели, способствующие расширению АКТИВНОГО словарного

запаса, то их следует ранжировать по речевой характеристике, например, по Чс (табл. 4).

Таблица 4. Циркумфиксальные модели, ранжированные по суммарной (Чс) частотности

Циркумфиксальная модель	Чс	Чм	Пд	Пс
Из- +С+ -иj (э) = С*	230	1	2	0
Со- +С+ -ник = С*	151	3	12	1
У- +С+ -иj (э) = С*	109	1	1	0
О- +С+ -ин (а) = С*	46	2	3	0
На- +С+ -иj (э)	46	1	1	0
О +С+ -ок = С*	36	2	9	0
Со- +С+ -еств (о) = С*	20	1	1	0
Про- +С+ -ок = С*	17	4	6	0
Пере- +С+ -ок = С*	17	2	3	0
На- +С+ -ник = С*	16	9	36	0
Пред- +С+ -иj (э), — j (э) = С*	13	3	12	1
Прочие 129 моделей				
Сумма	857	92	472	22
Среднее	6,12	0,66	3,37	0,16

Как показывает сравнение данных Табл. 3 и 4, ряды циркумфиксов, ранжированные по языковым критериям продуктивности (Пд и Пс) (табл. 3), отличаются от рядов, ранжированных по речевым критериям частотности (Чс и Чм) (табл. 4).

Мы решили проверить существование корреляции между количественными характеристиками циркумфиксальных моделей. Для этого использовали простой в обращении коэффициент знаковый коэффициент Фехнера (см. [3]).

$$I = (w-v) / (w+v) \quad (-1 = < i = < +1)$$

где w — количество превышений величин (+) соответствующей характеристики над средней, v — количество случаев, когда средняя выше (-) соответствующей средней. Если $i=0$, то корреляция (связь) отсутствует; если $i > -1$, то связь между величинами отрицательная (обратно пропорциональная); если $i < +1$, то связь положительная (прямо пропорциональная). Результаты расчетов представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Величины знаковой корреляции Фехнера (i) между диахронической (Пд) и синхронической (Пс) продуктивностью, модельной (Чм) и суммарной (Чс) частотностью циркумфиксальных моделей

Кличетвенные характеристики	Количественные характеристики			
	Пд	Пс	Чм	Чс
Чс	0,82	0,61	0,43	-
Чм	0,43	0,21	-	-
Пс	0,63	-	-	-
Пд	-	-	-	-

Анализ показывает, что максимальная (связь) корреляция существует между Пд и Чс ($i=0,82$). Это означает, что циркумфиксы с высокими Пд (т. е. давшие длинные ряды дериватов) в целом встречаются чаще, и наоборот.

Велика корреляция между Пд и Пс ($i=0,63$). Это означает, что длина ряда дериватов данной модели стимулирует появление неологизмов.

Модельная частотность циркумфикса значительно влияет на суммарную частотность дериватов данной модели, а также на увеличение общего количества дериватов данной модели.

Раздел 2. ПО — заимствованные существительные.

Рассмотрим циркумфиксальные модели, у которых в качестве ПО выступают заимствованные существительные (табл. 6).

Таблица 6. Циркумфиксальные модели, их словообразовательное значение и сферы употребления дериватов

Циркумфиксальная модель	Пд	Словообразовательное значение	Примеры дериватов	Сфера употребления
А- +С+ -иј (а) = С*	5	Отсутствие или ослабление того, что названо ПО	Атония Амимия Атипия Аспермия Аритмия	Медицина
А- +С+ -изм=С*	1	Семант. обособлен	Аполитизм	Политика
А +С+ -ин=С*	1	—«—	Адермин	Медицина
А- +С+ -оз=С*	1	—«—	Авитаминоз	—«—
А- +С+ -ик (а) =С*	1	—«—	Асептика	—«—
Анти- +С+ -ин	1	—«—	Антигриппин	—«—
Анти- +С+ -ик (а)	1	—«—	Антисептика	—«—
Гипер- +С+ -иј (а)	1	—«—	Гипертония	—«—
Ди- +С+ — ик=С*	1	—«—	Диэлектрик	Наука
Интер-+С+ид=С*	1	—«—	Интерметаллид	—«—
Ин+С+ациј (а) =С*	1	—«—	Инкапсуляция	—«—
Пан-+С+ -изм=С*	4	Обозначение идей, названных ПО	Панлогизм Пангерманизм Панарабизм Паносманизм	Политика
Про-+С+ иум=С*	1	Семант. обособлен	Просцениум	Наука
Эв-+С+ -иј (а) =С*	1	—«—	Эвритмия	—«—
Сумма	22			Медицина — 11 слов Наука — 5 слов Политика — 6 слов
Среднее	1,5			

Всего выявлено 15 моделей (в том числе 14 моделей впервые). Анализ стилистической принадлежности дериватов показал, что медицинские термины составляют 52 %, политические и философские — 28 %, специальные (научные) — 20 %.

Для двух циркумфиксальных моделей удалось сформулировать СЗ:

Подсчитаем величины диахронической (Пд) и синхронической (Пс) продуктивности и модельной (Чм) и суммарной (Чс) частотности описываемых моделей (табл. 7).

Таблица 7. Циркумфиксальные модели, ранжированные по диахронической (Пд) продуктивности

Циркумфиксальная модель	Пд	Пс	Чм	Чс
А- +С+ -иј (а) =С*	5	0	0	0
Пан- +С+ -изм =С*	4	0	0	0
Анти- +С+ -ик (а) =С*	1	0	1	2
Гипер- +С+ -иј (а) =С*	1	0	1	3
Прочие 12 моделей	11	0	0	0
Сумма	22	0	2	5
Среднее	1,5	0	0,1	0,3

Анализ количественных характеристик показывает, что наиболее продуктивными являются следующие циркумфиксальные модели: Ф- +С+ -иј (а) = С* (5 дериватов) и Пан- +С+ -изм = С* (4 деривата).

К наиболее частотным моделям относятся следующие: Анти- +С+ -ик (а) = С* и Гипер- +С+ иј (а) = С*.

- «Ослабление или отсутствие того, что названо ПО»: а- +С+ -иј (а) = С* (атипия, аритмия, аспермия, адермия);
- «Обозначение идей, названных ПО»: пан- +С+ -изм = С* (пангерманизм, панлогизм, панарабизм, паносманизм).

Сильная корреляция ($i=0,71$) наблюдается между величинами Пд и Пс. Это означает, что длинные ряды дериватов модели положительно и сильно влияют на появление неологизмов. Оказалось, что модельная и суммарная частотность также сильно и положительно влияют на появление неологизмов описываемой группы циркумфиксальных моделей.

Таблица 8. Величины коэффициента корреляции Фехнера

	Пд	Пс	Чм	Чс
Чс	0,42	0,71	1,00	
Чм	0,42	0,71		
Пс	0,71			
Пд				

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В результате работы установлено следующее:

А. Для моделей с ПО — исконными существительными:

1) существует 140 циркумфиксальных моделей, давших 472 деривата (в том числе нами обнаружено 50 новых моделей, давших 217 дериватов);

2) стилистический анализ сфер употребления циркумфиксальных дериватов с ПО — исконными существительными (472 известных и 22 неологизма) показал следующее распределение:

— общепотр. — 168 слов (34,0 %), разг. — 131 слово (26,5 %), спец. (научные термины) — 70 слов (14,1 %), прост. — 30 слов (6,0 %), обл. — 57 слов (11,5 %), устар. — 39 слов (7,9 %);

3) сильная положительная корреляция обнаружена между некоторыми количественными характеристиками

циркумфиксальных моделей: $i(Пд, Чс) = 0,82$; $i(Пд, Пс) = 0,63$; $i(Чс, Пс) = 0,61$;

4) впервые сформулировано словообразовательное значение у 30 новых циркумфиксальных моделей.

В. Для моделей с ПО — заимствованными существительными:

1) описано 15 циркумфиксальных моделей, давших 22 деривата (в том числе нами выявлено 14 новых моделей, давших 17 дериватов);

5) стилистический анализ сфер употребления дериватов показал следующее: мед. Термины — 11 слов (50,0 %), филос. и полит. термины — 6 слов (22,3 %), специальные (научные) термины — 5 слов (22,7 %);

6) сильная положительная корреляция обнаружена между некоторыми количественными характеристиками моделей: $i(Пд, Пс) = 0,71$; $i(Чм, Пс) = 0,71$; $i(Чс, Пс) = 0,71$.

7) впервые сформулировано СЗ двух новых моделей.

Литература:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 606 с.

2. Бартков Б. И. Количественное представление деривационной подсистемы и экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка (научный стиль и литературная норма) // Особенности словообразования в научном стиле и литературной норме. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. С. 114–163.
3. Бартков Б. И. Корреляционный анализ в дериватологии // Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 3–27.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. Моск. ин-та истории, философии и лит.-ры. 1939. Т. 57. С. 3–54.
5. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973.
7. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высш. шк., 1995.
8. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Аффикс // Языкознание. М.: Больш. Росс. энциклопедия, 1998. С. 59.
9. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словообразование // Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. С. 133–452.
10. Обратный словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. 944 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 940 с.
12. Словарь иностранных слов / Под ред. Н. Ф. Петрова (гл. ред.). М.: Сов. Энциклопедия, 1964. 784.
13. Словарь новых слов русского языка 1950–1980 гг. / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.
14. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1991. 560 с.
15. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.: Наука, 1948–1965.
16. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М.: Наука, 1985. Т. 1–2.
17. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Рус. яз., 1977.
18. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Методы концептуальной лингвистики как средства обучения иностранному языку

Винникова Ольга Михайловна, ассистент

Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II

В статье рассматриваются сложности, возникающие у студентов в миропонимании носителей иностранного языка. Акцентируется внимание на возможности применения методов концептуальной лингвистики для решения данной проблемы.

Ключевые слова: *концепт, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, семантика, понятие, экзemplификация, термин, идея, лингвокультурология*

В условиях современного глобализованного мира владение одним или несколькими иностранными языками является чуть ли не главным условием успешности для все более широкого круга профессионалов. Вместе с тем, все существенней становится разница между «знанием языка» и «владением языком». Конкурентоспособность на рынке труда определяется не хранением в памяти множества иностранных слов и правил грамматики, а практическими коммуникативными навыками.

Успешность человека предопределяется умениями установления контакта, ведения беседы, убеждения, нахождения договоренности. С точки зрения иностранного языка за этими навыками кроются способности адекватного понимания собеседника и нахождения «общего языка». Весьма важным является одинаковое представление, возникающее у людей, в ходе упоминания той или иной языковой единицы.

Еще в 30е годы XX века Й. Л. Вайсбергер заметил, что иностранный язык похож на чужой дом бытия, где каждый народ живет по-своему, что осложняет разговор между «обитателями домов».

За прошедшее столетие огромный путь был пройден учеными, изучающими вопросы когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, были установлены факторы, влияющие на процессы понимания в ходе международного общения. Современная методика обучения иностранным языкам тоже не могла остаться в стороне.

На первый план стали выходить не обучающие цели, а развивающие и воспитательные. Перед каждым преподавателем сегодня стоит задача не только помочь студентам освоить базовую лексику и грамматику и научиться строить предложения, но и приобщить их к культуре другого народа, воспитать уважение к иностранным традициям, обычаям, нравам, помочь в постижении иного миропонимания и приобщить к системе концептов, отличных от родных.

Последняя задача особенно сложна: объяснить мировоззрение другого народа через единицы мышления. Ведь концепт — это не что иное, как «квант знания». Ю. С. Степанов определяет его как сгусток культуры в сознании, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [2, с. 43] В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин видят значение этого термина в принадлежности к сознанию,

детерминированности культурой и «опредмечивании» в языке [1, с. 16] Иными словами, чтобы понимать иностранцев, необходимо вместе с каждым словом запоминать ряд признаков. Характерных для понятия, которое оно называет.

В семантике, науке о значении слов, каждый элемент представляет собой триаду: слово (звуковая и графическая форма) — понятие (класс, характеризующийся определенными признаками) — идея (представления коммуникантов). Произнося фразу, мы передаем сообщения, состоящие из цепочки концептов, подразумеваемая при этом собственное миропонимание. Таким образом, ремарка «На улице высокий дом» одновременно несет сообщение о том, что данный предмет находится в названном месте. А с другой стороны, подразумевает, что в конкретном месте находится один из элементов, принадлежащих к определенному классу вещей («на улице находится не столб, не забор, а то, что мы называем дом»). Этот элемент обладает рядом признаков: это жилое здание, помещение. Если мы возьмем переводить данное предложение на английский язык стоит учитывать многозначность слова и подбирать эквивалент именно к нужному значению.

Очень часто точного соответствия в языках слова не находят, поэтому задача преподавателя — четко определять понятия и нередко задавать ситуационные рамки применения каждого элемента, детально обрисовывать характеристики, составляющие и функции понятий, названных отдельными словами.

Это касается самых простых сфер жизни. На первом курсе студенты неизбежно затрагивают тему образования. На этом этапе весьма важно рассказать о некоторых особенностях системы обучения в зарубежной стране. Чтобы правильно понять, каким термином обозначить педагога, следует изучить основные принципы всей системы.

Например, если речь о Великобритании, стоит начать с того, что дети идут в школу раньше и почти сразу учатся работать самостоятельно. Наши ребята привыкли к формату: учитель рассказал — привел примеры — ответил на вопросы — дал четкое задание — проконтролировал его выполнение — дал правильный ответ — ученик выучил материал. В Англии задача учителя — обозначить определенную проблему и наметить задание. Ученики самостоятельно углубляются в рассмотрение темы, в подбор материала. Вот почему так важно, в каком типе школы обучаться.

В Великобритании 3 типа государственных средних школ. Общие школы — самые распространенные. Грамматические предлагают хорошую подготовку для дальнейшего получения высшего образования в основном по гуманитарным дисциплинам. Современные имеют прикладную направленность и предназначены для тех, кто не хочет продолжать обучение.

Вместе с тем, в Британии намного престижней учиться в частных школах, которые обеспечивают знаниями, достаточными для поступления в Оксфорд и Кембридж. Чтобы студенты правильно поняли, что англичане имеют в виду, когда говорят о «old school tie»

(«галстук старой школы»), нужно помнить о том, что в дорогих известных школах заводят нужные знакомства с возможностью дальнейшего оказания другу помощи в поиске работы.

Такая система находит свое отражение в преподавательских должностях. Конечно, можно про любого человека, обучающего в школе, университете и другом учебном заведении называть «teacher», используя наиболее общий термин. Однако, стоит помнить, что предметника можно назвать «master / mistress».

У преподавателей университетов есть своя система рангов. Низший ранг англичане обозначают термином «lecturer». Так они говорят о том, кто не только читает лекции, но и проводит семинары и консультации. Через несколько лет работы начинающему преподавателю присуждают должность «senior lecturer» — «старший преподаватель». Позже он получает более высокий ранг «reader». Если человек остается на одном месте работы, выше звание он не получит никогда. Звание «professor» присуждается только со сменой работы при наличии определенного опыта, звания.

Не стоит путать при этом лектора с наставником («tutor»), который является именно продуктом британской системы, где ученики много времени занимаются самостоятельным постижением отдельных тем.

В современных британских университетах Оксфорде и Кембридже тьютор выбирается самими студентами, которым в начале года предлагается список курсов, на которые они хотели бы записаться. В начале семестра этот человек разбивает записавшихся студентов на пары или назначает индивидуальные встречи 1–2 раза в неделю. Эти занятия нужны, чтоб обсудить письменные работы по заданным темам и материалам или рецензии на данные работы. Эти работы пишутся с целью научиться выражать свои мысли, доверять собственным суждениям, помогают оценить свои знания.

Совершенно иная система образования в Соединенных Штатах Америки. Если в американских текстах встретится понятие «assistant professor», нельзя переводить его как «ассистент», хотя так же как и в нашей стране этим термином обозначают начинающего преподавателя. В этой должности человек работает 8–9 лет, в ходе которых он читает вводные курсы и проводит практические занятия. Следующий ранг «associate professor» примерно соответствует европейскому званию доцента. Как правило, так называют магистра, работающего над докторской диссертацией, рекомендованного к званию специальной комиссией. Самый высокий ранг — «full professor» — соответствует званию «профессор» в нашей стране.

Подобным образом обстоит дело и с учениками. Словом «student» в английском языке часто обозначают не слушателя высших учебных заведений, а любого ученика. Несмотря на это существует еще и термин «pupil», которым называют школьников и последователей мастеров.

Таким образом, основной задачей преподавателя является — уточнение, объяснение и формирование четкого представления каждого термина у студентов.

Существует несколько методов обучения лингвострановедческим концептам. Самым распространенным является — описание и объяснение. Так, например, говоря о тьютере, лектор может сначала в общих чертах дать описание места, которое данная должность занимает в системе, а затем перечислить основные характеристики рода деятельности, обязанности и специфику. Однако, такой метод весьма затратен по времени. Кроме того, описательный метод может вызвать у студента скуку, что так же поставит его эффективность под вопрос.

Другим часто используемым методом является — экземплификация (приведение примеров). Так про должность «senior lecturer» можно сказать, что это примерно, как наш «старший преподаватель». Этот способ более емкий по времени, однако, менее точный. Учитывая,

что молодые люди часто слышат только часть доносимой информации, они могут неверно истолковать некоторые термины, преподносимые в примерах.

Третьим распространенным методом является контрастирование. Применяя его, педагог должен, напротив, назвать отличительные черты термина. Так слово «student» — не эквивалент русского слова «студент», поскольку имеет более широкую семантику. При этом важна максимальная точность. Стоит четко назвать отличительные черты и пояснить, что именно отлично.

Для достижения лучших результатов в формировании лингвострановедческих умений, стоит сочетать несколько методов в работе. При этом преподаватель должен принимать в расчет эффективность, результативность, затраты времени и прочность навыков.

Литература:

1. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж — ВГУ, 2001.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — 2е изд. — М., 2001.

Слово о категории падежей в немецком и узбекском языках

Ганиходжаева Мунира Нигматовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Падеж есть форма имени, выражающая его отношение к другим словам в составе предложения или словосочетания. Между языками, располагающими падежной системой, есть много общего. Вместе с тем, характер и группировка падежей в каждом языке своеобразны.

Ключевые слова: падежные формы, функции падежей, форма имени, своеобразие

Declension has forms of nouns, which express its relation to other words in the sentence structure or in the combination of words. Among languages prepossessing declensional system, have a lot in common. At the time, the character and the group of declension obtain their own identity in each language.

Key words: Declensional forms, the functions of declension, the forms of Nouns, identity

Преподавателю немецкого языка как иностранного, пожалуй, как никому другому, известно, что такое падеж в глазах обучающихся. Не меньшие трудности приходится преодолевать и преподавателю, когда перед ним ставится задача дать конкретный и вразумительный ответ на все многочисленные «почему», которые закономерно появляются у каждого начинающего изучать немецкий язык.

Очевидно, что дело тут вовсе не в многообразии падежных форм и вариантов окончаний, изменения артикля, употребления предлогов, а в понимании сути механизма функционирования падежей. Так, например, не вполне понятно и вызывает вопрос, особенно у студентов русскоязычных групп: почему после слова “gibtes” употребляется только **Akkusativ**, а не какой-либо другой падеж, почему в соответствующем русском «поздравить с чем-либо» употребляется предлог *zum*, а не *mit*, почему в обороте, соответствующем русскому «благодарить кого-либо» употребляется **Dativ**, а не **Akkusativ**? Почему перед **Nominativ** никогда не бывает предлога, прочие же падежи, как известно, могут

допускать двоякое употребление, почему ряд предлогов употребляется и с **Dativ**, и с **Akkusativ**, а ряд предлогов после себя требуют только **Dativ** или только **Akkusativ**, тем более, если в его родном языке он не сталкивается с употреблением предлогов, как, например, студенты из национальных групп? Почему средний и женский род в **Nominativ** и **Akkusativ** полностью совпадают, а в родном языке (в русском и в узбекском) — нет, а почему мужской род в **Nominativ** не совпадает с **Akkusativ**? Наконец, почему, для чего нужен падеж, да и нужен ли он вообще, если некоторые другие языки без него могут обходиться?

Не имея возможности дать четкие и ясные ответы на эти и подобные им вопросы, мы часто, порою интуитивно, идем по пути поиска наиболее удачных приемов презентации учебного материала и определения очередности его подачи в надежде на то, что изучающий немецкий язык сам сумеет нужным образом обобщить предлагаемый материал, уловить, догадаться, «в чем же тут дело». Путь этот представляется простым и вовсе не лишенным смысла, так как, действительно,

в какой-то мере позволяет учащемуся составить собственное мнение о том или ином употреблении конкретной падежной словоформы, а затем, может быть, и о самом падеже и прочих его значениях. Вместе с тем очевидно, что нет никакой гарантии, будет ли суждение это правильным, адекватным и не станет ли причиной других, более глубоких заблуждений относительно функций падежа, так как демонстрация явлений не всегда может, да и не должна заменять разъяснения сути самих этих явлений. Причина такого положения дел кроется, по-видимому, не столько в несовершенстве нашей методики преподавания языка и не в ограниченности наших знаний об особенностях употреблений конкретных падежных форм, сколько в истолковании этих давно и хорошо известных сведений, т. е. в недоработках в области теоретических исследований категории падежа. Иными словами, современная методика преподавания не имеет в своем распоряжении такого описания падежей, которое позволяло бы преподавателю показать, а учащемуся, в свою очередь, увидеть во всем многообразии падежных употреблений систему — единое целое как в немецком, так и в родном языке, провести между ними параллели, а также выявить различия. Далее мы постарались изложить наше видение вопроса, которое послужило основой предлагаемого ниже подхода к интерпретации падежа в учебных целях.

Категория падежа — это грамматическая категория имени существительного, выражающая отношение обозначаемого им предмета к другим предметам, действиям, признакам. Падежная система немецкого языка имеет ряд общих черт с падежной системой других языков, в том числе, с падежной системой узбекского языка. Но немецкий и узбекские языки, являясь языками различных семейств, имеют и свои, отличающие их друг от друга различия. Эти различия проявляются и в количестве падежей, и в круге значений употребления каждого падежа.

Падеж есть форма имени, выражающая его отношение к другим словам в составе предложения или словосочетания. Например, в узбекском языке: *китоб ётибди, китобнинг мазмуни, китобга илова, китобни портфельга солмоқ* — четыре падежных формы от слова *китоб* выражают различные отношения его к словам *ётибди, мазмун, илова, солмоқ*; в немецком языке: *der Vater steht, der Mantel des Vaters, ich spreche mit dem Vater, ich liebe den Vater*- падежные формы от *der Vater* выражают различные отношения к словам *steht, der Mantel, sprechen, lieben*. Эти отношения могут быть весьма разнообразными, и потому форма каждого падежа может иметь несколько значений. Между языками, располагающими падежной системой, есть много общего. Вместе с тем, характер и группировка падежей в каждом языке своеобразны.

Падежи в немецком языке	Соответствующие падежи в узбекском языке
Nominativ wer? Was? <i>Der Vater, das Hotel</i>	Бош келишик ким? нима? <i>Ота, уй</i>
Genitiv wessen? <i>Des Vaters, des Hotels</i>	Қаратқич келишик Кимнинг? ниманинг? <i>Отанинг, уйнинг</i>
Dativ wem? <i>dem Vater, dem Hotel</i> bei wem? wo? <i>Bei dem Vater, In dem (im) Hotel</i> Woraus? Aus dem Hotel	Жўналиш кимга? нимага? <i>болага, китобга</i> Ўрин-пайт келишлиги кимда? нимада? қаерда? <i>болада, уйда</i> Чиқиш келишлиги кимдан? нимадан? <i>боладан, китобдан</i>
Akkusativ wen? Was? <i>Den Vater, das Hotel</i> wohin? In das (ins) Hotel	Тушум келишиги кимни? нимани? <i>болани, уйни</i> Жўналиш келишиги Қаерга? <i>уйга</i>

Делая анализ приведённой таблицы, мы приходим к некоторым выводам. Если в современном немецком языке четыре падежа, то в современном узбекском языке их шесть.

Невзирая на то, что при работе с **Nominativ** никаких особенных трудностей не возникает, его синтаксические и семантические функции все же должны быть четко обозначены. В представлении о **Nominativ** оказываются тесно взаимосвязанными такие понятия, как: а) подлежащее; б) предмет речи; в) предмет мысли; г) главное действующее лицо, события. Именительный падеж (**Nominativ** в немецком языке и «**Бош келишик**» в узбекском языке) является исходной падежной формой имени существительного; в этой форме имена существительные даются в словарях. Недаром в узбекском

языке именительный падеж называется «**бош келишик**», что означает «главный падеж».

Значение именительного падежа заключается в том, что в этой форме мы употребляем имя существительное, когда называем лица, предметы, понятия или явления: *der Vater-oma, das Fenster-депаза, Die Bildung-таълим, die Zeit-вақт*.

С вышеуказанным значением связано оформление именительным падежом в немецком языке таких членов предложения, как подлежащее и предикатив, а также употребление именительного падежа в назывных предложениях и при обращении в обоих языках.

1. Имя существительное в **Nominativ**, а также в **бош келишик**, выступая в функции подлежащего, называет

предмет или явление, к которому относится высказывание: *Diese Stadt hatte damals Handelsmonopol.*

Қиш жуда қаттиқ келди.

2. Имя существительное в **Nominativ**, а также в **бош келишик**, выступая в функции предикатива, называет тот род или вид предметов и явлений, к которому принадлежит или приравнивается предмет, выраженный подлежащим: *Leipzig ist die Stadt der Bucher.*

Анвар ёшлигида бўшангина бола эди.

3. Имя существительное в **Nominativ**, а также в **бош келишик** употребляется также в назывных предложениях: *Blauer Himmel. Сокин кеча..*

4. Имя существительное в **Nominativ**, а также в **бош келишик** употребляется также при обращении: *Mensch! Wie geht es? Саломат бўлингиз, тақсир!*

Имя существительное в **Genitiv** употребляется в немецком языке:

1. в функции определения, управляемого именем существительным: *Die Hutte stand am Rande der Stadt.* В той же функции употребляется в узбекском языке существительное в **қаратқич келишик**, которое соответствует, как видим по таблице, **Genitiv** немецкого языка: *Кулба шаҳарнинг четида жойлашган.*

Следующие функции **Genitiv** в **бош келишик** узбекского языка отсутствуют:

2. в функции прилагательного дополнения: *Der Kranke bedarf der Ruhe.*

3. в функции дополнения, управляемого прилагательным в предикативной функции: *Wir sind unserer Pflicht bewusst.*

4. в абсолютной форме со значением обстоятельства: *Er versprach, dass er dieser Tage vorbeikommen werde.*

Анализируя таблицу, мы видим, что немецкому **Dativ** в узбекском языке соответствуют **жўналиш келишик**, **ўрин-пайт келишик** и **чиқиш келишик**

Dativ прилагательный выражает косвенное дополнение — лицо или предмет, на которые ориентировано действие, в интересах или в ущерб которым совершается действие. Узбекскому **ўрин-пайт келишлиги** в немецком языке соответствует **Dativ** с предлогом *bei*, а также **Dativ**, отвечающий на вопросы *wo? wann?*

Немецкому **Dativ** с предлогом *aus* в узбекском языке соответствует **чиқиш келишик**.

Немецкому **Akkusativ** в узбекском языке соответствуют, исходя из вопроса, два падежа: **тушум келишик** и **жўналиш келишик**.

Немецкому **Akkusativ** прямого дополнения, действии которого является направленным на непосредственный объект, в узбекском языке соответствует **тушум келишик**. **Akkusativ** прямого дополнения управляется переходными глаголами: *Er liest den Brief mit Interesse. У хатни қизиқиш билан ўқиди.*

Узбекскому **жўналиш келишик** в немецком языке соответствует **Akkusativ**, который отвечает на вопрос *wohin? — куда?*

Как известно, в немецком языке имеются предлоги, которые требуют определённый падеж, а также предлоги, требующие после себя или **Dativ**, или **Akkusativ**. Например, такой нюанс, что в немецком языке существительные с предлогом *mit* употребляются в **Dativ**, однако в узбекском языке нет предлогов и после соответствующего по значению предлогу *mit* «билан» существительное стоит в **бош келишик**, т. к. в узбекском языке отсутствуют предлоги, а *билан* является союзным словом: *das Kind zeichnet mit dem Bleistift. Бола қалам билан расм чизди.*

Рассмотреть предлоги немецкого языка, требующие определённые падежи и соответствующие им падежи в узбекском языке мы не можем в рамках данной статьи и этот вопрос требует особого исследования.

Литература:

1. Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М.: Иностр. литература, 1962.
2. Мельников Г. П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков: Сб. статей. — М.: Изд-во МГУ, 1980.
3. Москальская И. О. «Грамматика немецкого языка», М. 1956, 420 с.
4. Юнг В. «Грамматика немецкого языка», С. — Пб. 1996, 518 с.
5. Шендельс Е. И. «Грамматика немецкого языка» М. 1958, 380 с.
6. <http://www.ruscenter.ru/624.html>

Эволюция «странствующих» сюжетов (сравнительный и структурный анализ древнегерманского героического эпоса)

Ибрагимова Дилшоода Турсунбаевна, кандидат филологических наук, преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Интерес к теме «странствующих» сюжетов и мотивов, засвидетельствованных в эпических произведениях Востока и Запада, обуславливается стремлением изучить способность мотивов «встраиваться» в сюжеты произведений неродственных с генетической точки зрения литератур и их способность эволюционировать в рамках одной национальной эпической литературы.

Ключевые слова: странствующий сюжет, странствующий мотив, повествование, структура, вариант, повествовательная функция, когнитивная функция, действие, трагизм судьбы, трагизм характера, миграция

“Wandering plots” are attested in the epic works of East and West and have as their basis the minimal units of narrative — literary motives. Interest to this topic is conditioned by the desire to study the ability of motives to be “embedded” in the plots of works of non-genetically related literatures and their ability to evolve within the framework of one national epic literature.

Key words: wandering plot, wandering motive, narration, structure, variant, narrative function, cognitive function, action, tragedy of fate, character tragedy, migration

В немецкой литературе «странствующий» сюжет о роковой встрече двух воинов, отца и сына, со смертельным исходом для одного из них представлен в нескольких вариантах. Самыми известными из них являются древнегерманская «Песнь о Хильдебранде» и ее более позднее изложение «Поздняя песнь о Хильдебранде».

В основе данного сюжета лежит мотив единоборства между отцом и сыном. В этом смысле «Поздняя Песнь о Хильдебранде» заслуживает большего внимания, чем она до сих пор удостоивалась. Сравнительный и структурный анализы текстов обеих песен демонстрируют эволюцию литературного мотива от трагического исхода (отец убивает сына) в сторону счастливого воссоединения (сын обретает отца, и семья воссоединяется) в зависимости от общего изменения мировосприятия в литературе, часто являющейся своего рода «индикатором», отражающим настроения в обществе.

«Песнь о Хильдебранде» [2, с. 84] является древнейшим поэтическим свидетельством германских героических произведений на древневерхнегерманском языке. Песнь состоит из 68 аллитерационных строф. Письменная фиксация некогда устного материала была произведена в период с 810 по 840 годы [1, с. 122].

Общий корпус повествования (последовательность действий, большая часть комплекса мотивов) в обеих песнях схожа. Два воина, Хильдебранд и Хадубранд, находятся между двумя войсками и готовятся к бою. Как старший и более мудрый Хильдебранд спрашивает своего соперника о его имени и происхождении. Хадубранд называет свое имя и имя своего отца: Хильдебранд. Он рассказывает о том, что его отец покинул свой дом, оставив жену и ребёнка без наследства и вынужден был сопровождать Теодерика (Дитрих Бернский в немецкой героической поэзии, остготский король Теодерик Великий, 455–526 г.), когда тот подался на восток, спасаясь от преследований Одоакра (Одоакр, западно-римский правитель с 476 г.). Из слов Хадубранда становится ясно, что он не верит в то, что его отец еще жив. Хильдебранд понимает, что перед ним его собственный сын. Он призывает в свидетели бога (*irmingot* строка 30) и говорит Хадубранду, что тот еще никогда не вёл переговоры с более близким родственником. В знак своего расположения к нему Хильдебранд протягивает Хадубранду спиралевидный браслет, сняв его со своей руки. Хадубранд истолковывает попытку примирения со стороны Хильдебранда как хитрость старого гунна, который провёл всю свою жизнь в обмане

и теперь желает проткнуть его своим копьем. Своим недоверием Хадубранд заставляет Хильдебранда сделать выбор между долгом чести и верностью своему роду. В последующем монологе Хильдебранд высказывает горькое сожаление о несчастной судьбе: в то время как за его тридцатилетнюю ссылку смерть ни разу не настигла его, он может пасть от руки собственного сына или же сам стать его убийцей. Начинается бой, его описание занимает шесть строф, состоящих из двух полустиший. Конец песни отсутствует.

Эта незаконченность породила различные размышления и догадки. Общая композиция песни, слова Хильдебранда *wewurt skihit* («Поистине злая ныне вершится судьба») [5, с. 10–14], тот факт, что он считает величайшим позором, быть принятым за трусливого человека, не позволяют говорить о мирном исходе боя. Как полагает большинство исследователей, единоборство закончилось смертью сына от руки отца [1, с. 123; 7, с. 749].

Принято считать, что историческим фоном, который, вероятно, послужил основой песни, предположительно является битва при Равенне. При этом действительные исторические роли Теодерика и Одоакра изменены: Теодерик представлен в «Песне о Хильдебранде» как жертва преследований Одоакра и как изгнанник, который возвращается домой. В действительности же, из исторических источников известно, что Одоакр пал от руки Теодерика. Одним из главных отличий древней «Песни» от других текстов со схожим сюжетом является то, что развитие действия в ней максимально сконцентрировано вокруг его драматической вершины, то есть — вокруг трагического конфликта между воинской честью дружинника и семейными узами отца и сына, в результате которого происходит бой. Несмотря на то, что в «Песне» отсутствуют развернутые описания, большие монологи и диалог ограничивается короткими репликами, образы героев выступают в целом в монументальной законченности.

Текст поздней песни [4, с. 14–20] имеет несколько значимых деталей, которые приводят в итоге к изменению повествовательной структуры древней песни: герцог Абелунг, сопровождающий Хильдебранда, сообщает, что Хильдебранд повстречается на границе к Берну с *jung Herr Alebrant* (с молодым господином Алебрандом) и будет атакован им. Называние имени понимается исследователями как сообщение Хильдебранду о его встречи с сыном. В диалог вступает Дитрих Бернский, предводитель Хильдебранда, и высказывает пожелание, чтобы

Хильдебранд был дружелюбен к Алебранду. Диалог между Хильдебрандом, герцогом Абелунгом и Дитрихом Бернским занимает первые четыре строфы песни. Следующие десять строф по сути являются примирительной концовкой: диалог и *Reizrede* между двумя воинами, короткие комментарии автора, описание боя с примирением, слова благодарности Хильдебранда к богу, что отец и сын остались невредимыми и за возвращение Хильдебранда и Алебранда к герцогине Утэ, матери Алебранда.

Превращение трагического сюжета единоборства в повествование с мирным исходом можно объяснить влиянием церкви: «В средневековье под влиянием христианства произведения с мотивом поиска отца и вооружёнными конфронтациями между отцом и сыном почти всегда заканчиваются узнаванием и примирением. Долг рыцаря быть милосердным, сострадательным и проявлять самообладание по отношению к незнакомому противнику, который воспринимался в принципе не столько отрицательной фигурой, сколько объектом испытания, не допускал трагического исхода» [7, с. 749].

«Поздняя Песнь о Хильдебранде» не является результатом прямолинейного развития древней песни, но всё же вопрос об их различиях является неотложным, так как обе песни обращаются к одному и тому же сюжету. «Позднюю песнь о Хильдебранде» и «Песнь о Хильдебранде» можно сравнивать между собой, но необходимо воспринимать как два разных произведения [9, с. 840–841].

Целесообразно говорить о различиях в области повествовательных и познавательных целей неизвестных авторов двух произведений, а также о повествовательных различиях, которые взаимосвязаны с вышеназванными целями. Л. Вольф считает, что «все действие в «Поздней песне о Хильдебранде» направленно на раскрытие нового основного мотива о происхождении» [9, с. 352]. Хармс добавляет к этому: «тема узнавания является основной в этой сцене [встреча Хильдебранда и Алебранда в «Поздней песне о Хильдебранде]» [8, с. 28]. То есть, узнавание в поздней песне противопоставлено неузнаванию в древней (хотя это неузнавание исходит только со стороны сына). Различные повествовательные цели авторов определяют основной акцент в рассказываемом материале и этим определяют также его формирование и распределение мотивов. Так появление нового мотива золотого кольца как опознавательного знака объясняется стремлением автора оформить сцену узнавания как можно более ясно. Новый, нетрагический исход в «Поздней песне о Хильдебранде» обуславливает согласованность направления всей совокупности действий в ходе повествования на мирную концовку. В то время как в «Песне о Хильдебранде» смерть сына обусловлена неузнаванием им своего отца.

Приведенный анализ позволяет утверждать, что «Поздняя Песнь о Хильдебранде» представляет собой яркий пример перехода германских героических сюжетов к простонародным балладам.

Литература:

1. Altdeutsche Texte. Ausgew. und kommentiert von H. Mettke. — Leipzig 1970.
2. Das Hildebrandslied.//Althochdeutsches Lesebuch. Hrsg. von W. Braune. 15. Aufl. bearb. von E. A. Ebbinghaus. — Tübingen 1969.
3. Jüngerer Hildebrandslied: Deutsche Dichtung des Mittelalters. Bd. I, Von den Anfängen bis zum hohen Mittelalter. Hrsg. von M. Curschmann u. I. Glier. München/Wien 1980.
4. Песнь о Хильдебранде. Перевод Т. Сулина.//Пурищев Б.И. Зарубежная литература средних веков. Изд. 2. — М., 1975.
5. Frenzel E. Motive der Weltliteratur. Ein Lexikon dichtungsgeschichtlicher Längsschnitte. 4., überarb. u. ergänzte Aufl. Taschenausgabe Bd. 301. — Stuttgart, 1992.
6. Harms W. Der Kampf mit dem Freund oder Verwandten in der deutschen Literatur bis um 1300. B 1. — München 1983. — С. 28. Taschenausgabe Bd. 301. — Stuttgart, 1992.
7. Schlosser H. D., Rick. S. Hildebrandslied.//KLL. Bd. 18. — München, 1992.
8. Schützeichel R. Zum Hildebrandslied.//Typologia litterarum. Hrsg. von St. Sonderegger. — Zürich, 1969.
9. Wolff L. Das jüngere Hildebrandslied und seine Vorstufe.//Kleinere Schriften zur altdeutschen Philologie. Hrsg. von Werner Schröder. — Berlin, 1967.

Особенности номинации чайной продукции российских и британских компаний (на материале названий марок и брендов компаний «Орими Трейд», «Май», «Ахмад», «Твайнингс»)

Воробец Татьяна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент;

Лобкова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (г. Омск)

В данной статье рассматриваются общие закономерности и принципы номинации марок чая отечественных и зарубежных компаний, проводится классификация названий и выявляются их национальные особенности.

Ключевые слова: *нейминг, чай, бренд, марка, Ахмад, Твайнингс, Greenfield, TESS, Curtis, Richard*

Нейминг — одно из важных направлений маркетинга, целью которого является «создание и разработка уникального названия компании или бренда, которое будет помогать продвижению продуктов компании на рынок» [13]. Название может оказывать значительное влияние на успешность продаж бренда, марки продукта на потребительском рынке и является «наилучшим активом компании»: «Единственное важнейшее маркетинговое решение, которое только можно принять, касается выбора имени для продукта... Если бы наш бизнес необходимо было разделить, я взял бы себе марки, названия и репутацию, а вам оставил бы кирпичи и бетон — и я был бы абсолютно спокоен за своё будущее» [12]. Для того чтобы название товара реализовывало задачи, возложенные на него, оно должно соответствовать целому ряду требований, способных привлечь внимание потребителя: доступность, запоминаемость, понятность, яркость и т. д. Однако ожидания потребителя во многом сформированы особенностями восприятия информации, мировоззрением, культурой, к которой он принадлежит. Следовательно, лингвopsихологические особенности потребителя, принадлежащего тому или иному рынку, учитываются в процессе нейминга, что особенно ярко проявляется при сопоставлении номинаций брендов и марок компаний, работающих на рынках разных стран, но продвигающих аналогичные продукты.

На отечественном рынке представлено большое количество чайной продукции. Большая часть ее поставляется отечественными компаниями, но некоторые из них пытаются позиционировать себя как производителей международного уровня. Поскольку для многих потребителей эталоном являются британские традиции чаепития, ряд компаний оформляет свою продукцию, ориентируясь на эти стереотипы. Это проявляется не только в том, что названия даны на английском языке (нередко даже без перевода на русский), но и в самих принципах

номинации, основывающихся на представлении отечественного производителя об элитном продукте.

В данной статье мы рассмотрим, насколько принципы создания номинации, используемые российскими компаниями, совпадают с британскими. В качестве материала для анализа мы выбрали бренды Greenfield и TESS компании «Орими Трейд», Curtis и Richard компании «Май», а для сравнения рассмотрим продукцию британской компании «Ахмад», работающей в основном на экспорт, и собственно британской компании «Твайнингс», созданной еще в начале 18 века.

На основе этого материала мы выделим основные группы названий, ориентируясь на характеристики, легшие в основу номинации, сопоставим полученные группы и выявим специфику номинаций, характерную для российского и британского производителя.

Итак, в первую группу попадают названия, содержащие сведения о месте произрастания чая. Заметим также, что нередко то же слово является и названием сорта чая. Такая двойственность позволяет в некоторой степени играть словами, например, название Magic Yunnan можно расшифровать и как описание чая, и как описание местности. Вторая группа включает названия, указывающие на сорт чая. Третья группа названий делает акцент на разнообразных добавках. Четвертая группа объединяет названия, создающие позитивный образ, но не содержащие прямых указаний на состав. Наконец, пятая группа включает названия, связанные с определенным временем суток или периодом в году (в первую очередь это касается Рождества). В каждой группе в свою очередь выделяется несколько подгрупп.

Начнем с рассмотрения брендов Greenfield и TESS компании «Орими Трейд». Для рассматриваемых марок список групп будет почти одинаков, но количество названий в группе может отличаться значительно.

Таблица 1

Орими Трейд	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
1.1.1. Собственно название места	Ceylon (TESS)
1.2.1. Модификация названия места для задачи большей выразительности	Golden Ceylon, Magic Yunnan, Rich Ceylon, Kenyan Sunrise, Yunnan Wonder (Greenfield)
1.2.2. Название, содержащее характеристику сорта (производного от названия места)	Premium Assam, Fine Darjeeling (Greenfield)
2.1.1. Только указание на сорт	Mate Aguante (Greenfield)

Орими Трейд	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
2.2.1. Указание на добавки	Milky Oolong, Creamy Rooibos (Greenfield)
2.3.1. Характеристика чая	Delicate Keemun, Royal Earl Grey, Classic Genmaicha (Greenfield)
2.3.2. Страна-производитель сорта	Japanese Sencha (Greenfield)
2.4. Модификация названия сорта для придания большей выразительности	Earl Grey Secret (TESS) Earl Grey Fantasy (Greenfield)
3.1. Только указание на добавки	Orange, Lime, Thyme, Cherry (TESS) Vanilla Cranberry, Honey Linden, Golden Kiwi (это сорт киви), Chocolate Toffee, Mint & Chocolate (Greenfield)
3.2. Указание на основной компонент	Green Melissa, Green Ginseng (зеленый чай), Ginger Red (шиповник и гибискус) (Greenfield)
3.3.1. Характеристика добавки	Delicious Plum, Rich Camomile, Exotic Asai (Greenfield)
3.3.2. Страна-производитель добавки	Sicilian Citrus (Greenfield)
3.4.1. Модификация названия добавки для придания большей выразительности	Berry Bar, Caramel Charm, Raspberry Fresh (TESS) Jasmine Dream, Lemon Spark, Barberry Garden, Strawberry Gourmet, Blueberry Nights, Mango Delight, Lotus Breeze, Tropical Marvel, Festive Grape, Camomile Meadow, Blueberry Forest, Tropical Sunset (Greenfield)
3.4.2. Использование названия блюда или напитка, некоторые ингредиенты которого присутствуют в составе чая	Limoncini Biscuit, Banana Split (блюдо из нарезанных фруктов), Pina Colada, Strawberry Shake (вид коктейля), Ginger Mojito (TESS) Redberry Crumble (десерт из фруктов под крошкой из муки) (Greenfield)
4.1. Названия, создающие позитивный образ, но не содержащие прямых указаний на состав	Sunrise, Majestic, Pleasure, Goldberry, Style, Flirt, Flame, Cosmopolitan Party, Summer Time (TESS) Forest Dream, Flying Dragon, Spring Melody, Summer Bouquet, Oriental Spirits, Harmony Land (Greenfield)
5.1. Названия, связанные с определенным временем суток или периодом в году	Classic Breakfast, Easter Cheer, Christmas Mystery (Greenfield)
5.2. Новогодне-рождественские линейки с указаниями на добавки	Christmas Nuts, Winter Spices, Holiday Cookies (TESS)
5.3. Новогодне-рождественские линейки, создающие позитивный образ	Wonderful Tradition, Midnight Mystery, Sweet Holidays, Magic Moments, Winter Pleasure (Greenfield)

Рассмотренный материал позволяет сделать ряд выводов. В названиях сортов обеих марок прослеживается желание сделать их более выразительными, а значит, привлекательными для покупателей. Тем не менее, значимая информация об источнике продукции или его составе обычно присутствует. Даже в названиях четвертой группы ее иногда можно вычлениить через ассоциации:

Flying Dragon — китайские драконы — китайский зеленый чай;

Forest Dream — лесные ягоды — малина и черника;

Flirt — чувственность — клубника;

Flame — красный цвет, страсть — гибискус и клубника;

Cosmopolitan Party — стиль, динамика, свежесть — апельсин, клюква, гибискус;

Oriental Spirits — пряности — имбирь и корица.

Слова **sunrise** и **sunset** могут вызывать ассоциации между цветом утреннего или вечернего неба и цветом чая.

Смысловой элемент, воздействующий на эмоции, может положительно характеризовать вкус чая (delicate, fine, delicious, rich), напоминать о традициях (classic, tradition), вызывать ассоциации, связанные с природой, отдыхом на природе (garden, breeze, meadow, forest, fresh) и гармонией (melody, harmony), или просто создавать

позитивное настроение (marvel, magic, secret, wonder, charm, dream, delight, pleasure, cheer, festive).

Заметим также, что, поскольку название сорта Earl Grey происходит от имени собственного, становится возможной игра слов: Earl Grey Secret — это и секрет чая, и секрет графа. Аналогична ситуация с названием Earl Grey Fantasy.

В новогодне-рождественских линейках ключевыми словами, помимо очевидного **Christmas**, являются **winter, holiday, midnight, mystery, magic, wonder, tradition**.

Стоит упомянуть, что первые две группы почти исключительно представлены названиями марки Greenfield. Это легко объясняется тем, что марка TESS ориентирована на массового потребителя, в то время как Greenfield позиционирует себя как поставщик более дорогого чая. Отсюда интерес к нюансам вкуса чая, выращенного в разных местах, в том числе и к редким видам с ярко выраженным национальным колоритом (сенча, генмайча, кимынь, матэ, ройбош).

Заметим, что в праздничной линейке TESS есть указания на добавки, входящие в состав, что сближает эти названия с третьей группой, а названия чая Greenfield создают только приятные ассоциации и праздничное настроение, таким образом, тяготея к четвертой группе.

Далее, опираясь на выделенные выше группы, рассмотрим продукцию компании «Май».

Таблица 2

Май	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
1.1.1. Собственно название места	Ceylon Tea (Curtis)
1.2.1. Модификация названия места для придания большей выразительности	Rich Kenya, Royal Yunnan (Curtis) Royal Ceylon, Royal Kenya Granulated, к ним примыкает Royal British Colony (набор из трех сортов чая — цейлонского, индийского (Ассам) и кенийского) (Richard)
1.2.2. Название, содержащее характеристику сорта (производного от названия места)	Original Ceylon (Curtis)
2.1.1. Только указание на сорт	Gunpowder Green, Earl Grey (Curtis) Lord Grey (Richard)
2.2.1. Указание на добавки	Mango Green Tea, Milk Oolong (Curtis)
2.3.1. Характеристика чая	Original Green (Curtis) Royal Green (Richard)
2.4. Модификация названия сорта для придания большей выразительности	Earl Grey Passion (Curtis)
3.1. Только указание на добавки	Orange Chocolate, Orange & Chocolate, Isabella Grape, Mirabel Plum (сорт сливы), Mango, Summer Berries (Curtis)
3.3.1. Характеристика добавки	Delicate Mango, Light Jasmine (Curtis) Elegant Ginger (Richard)
3.4.1. Модификация названия добавки для придания большей выразительности	Raspberry Dreams, Sunny Lemon, Midnight Flower, Fantasy Berries, Fantasy Fruits, Charming Cherry (Curtis)
3.4.2. Использование названия блюда или напитка, некоторые ингредиенты которого присутствуют в составе чая	Hugo Cocktail, French Truffle, Fresh Mojito, Banana Flambe (вид десерта), Truffle, Tiramisu, Crème Brulee, Creamy Praline, Amaretto Originale, Strawberry Cake (Curtis)
4.1. Названия, создающие позитивный образ, но не содержащие прямых указаний на состав	Bahama Nights, Bountea, Wonderland (Curtis) King's Tea, Royal Love (Richard)
4.2. Названия, создающие позитивный образ и содержащие указания на состав	White Bountea (белый чай) (Curtis)
5.1. Названия, связанные с определенным временем суток или периодом в году	Queen's Breakfast, Five O'clock (Richard)

Названия марки Curtis в целом сопоставимы по принципу номинации с названиями чаев марок Greenfield и TESS. Одно из немногих отличий заключается в разном подходе к использованию географических названий. Если Greenfield указывает реальную страну-производителя, то в названиях марки Curtis географические названия служат для создания определенного образа или атмосферы (Bahama Nights, Bountea, White Bountea).

На их фоне значительно выделяется марка чая Richard, появившаяся на отечественном рынке сравнительно недавно. Эта марка предлагает сравнительно небольшое количество сортов, но нельзя не заметить,

что «принадлежность королевской семье» становится идеей, объединяющей все группы наименований (Royal, King's Queen's). Это вполне согласуется с использованием геральдического льва для оформления коробки, создавая образ цельный, но несколько навязчивый. Единственная «некоролевская» характеристика Elegant поддерживает общую концепцию.

Специфика номинации чайной продукции отечественных компаний наиболее отчетливо проявляется при сопоставлении с названиями компаний британских производителей. В первую очередь обратим внимание на продукцию компании «Ахмад», работающей на экспорт.

Таблица 3

Ахмад	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
1.1.1. Собственно название места	Ceylon Tea, Assam Tea, Darjeeling Tea
1.1.2. Указание на конкретное место, время сбора, категорию чайного листа	Ceylon Tea F. B. O. P.F. high mountain, Ceylon Tea BOP1
1.2.1. Модификация названия места для придания большей выразительности	Yunnan Mist
2.1.1. Только указание на сорт	Earl Grey, Detox, Green Tea

Ахмад	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
2.2.1. Указание на добавки	Milk Oolong, Jasmine Green Tea
2.2.2. Равноправное перечисление основного (выделен жирным) и вспомогательных компонентов травяного чая	Rooibos & Cinnamon, Camomile & Lemongrass, Mixed Berries & Hibiscus, Rosehip, Hibiscus & Cherry
2.3.1. Характеристика чая	Green Tea — Pure, Classic Black Tea
2.3.2. Страна-производитель сорта	Chinese Green Tea
2.4. Модификация названия сорта для придания большей выразительности	Heavenly Oolong, Magic rooibos
3.1. Только указание на добавки	Cardamon Tea, Lemon Tea, Blackcurrant Tea, Strawberry & Kiwi, Raspberry & Pomegranate, Peppermint & Lemon, Lemon & Ginger, Forest berries, Mixed Citrus, Verbena, Wild Strawberry, Peach & Passion Fruit, Strawberry & Cream
3.4.1. Модификация названия добавки для придания большей выразительности	Jasmine Romance, Lemon Vitality, Blueberry Brilliance, Mint Mystique Green Tea, Novel Thyme, Citrus passion, Vanilla Tranquility, Strawberry Sensation, Apple Refresh, Apricot Sunrise, Blackcurrant Burst, Cinnamon Haze, Lemon & Lime Twist, Mango Magic, Raspberry Indulgence, Orange Blossom, Camomile Morning, Summer Thyme, Spring mint, Festive Orange
3.4.2. Использование названия блюда или напитка, некоторые ингредиенты которого присутствуют в составе чая	Mint cocktail, Cherry dessert, Mango Souffle/ Mango & Lychee Soufflé, Pear Strudel/ Pear & Cinnamon Strudel, Sea Buckthorn Candies, Strawberry Mousse, Citrus Sorbet/Citrus Mint Sorbet, Hazelnut Cookie, Chocolate Brownie, Key Lime Pie, Strawberry & Basil Coulis, Strawberry Velvet Cake, Moroccan Orange Slice, Maple Syrup Strawberry Cream
4.1. Названия, создающие позитивный образ, но не содержащие прямых указаний на состав	English Tea No. 1, Royal Blend, Primetime, English Tradition, Spring Flowers
5.1. Названия, связанные с определенным временем суток или периодом в году	English Breakfast, English Afternoon, Evening Tea Decaffeinated, Royal Afternoon
5.2. Новогодне-рождественские линейки с указаниями на добавки	Winter Prune
5.3. Новогодне-рождественские линейки, создающие позитивный образ	Winter Charm, Christmas Tree Balls
6.1. Линейки чая, ориентированные на группу потребителей, осложненные указанием на добавки	Children's Tea With Banana And Caramel, Children's tea with flavour of strawberry and vanilla

Первое, что стоит отметить, — это появление дополнительных групп и подгрупп: 1.1.2. Указание на конкретное место, время сбора, категорию чайного листа; 2.2.2. Равноправное перечисление основного (выделен жирным) и вспомогательных компонентов травяного чая; 6.1. Линейки чая, ориентированные на группу потребителей, осложненные указанием на добавки.

Принципы номинации продукта, ориентированного, в том числе, и на российского покупателя, во многом характерны и для отечественного производителя: метафоричность, образность, экспрессивность, устойчивость ассоциаций, связанных с британской культурой. Однако присутствует и ряд отличий, возможно, на первый взгляд и неочевидных.

Указание на производителя чая (1.1.2.) отличается большей точностью и конкретикой, включая в себя не только название страны, но и место произрастания чая (high mountain), и категорию чайного листа (F.B. O. P.F (Flowery broken orange pekoe), BOP1 (broken orange pekoe)), что предполагает «знающего» потребителя. В то же время резко сокращается количество названий,

в которых производится модификация места произрастания чая для придания большей выразительности (1.2.1.).

При указании на характеристику чая по его сорту (2.3.1.) также можно отметить меньшую экспрессивность и большую прагматичность номинации. Если в таких брендах как Greenfield, TESS или Curtis можно встретить наименования, в которых подчеркивается оригинальность, насыщенность продукта (Original Green, Original Ceylon, Rich Kenya), то для компании «Ахмад» важными становятся такие характеристики как чистота напитка или его функция (Green Tea — Pure, Green Tea Earl Grey, Detox).

В названиях марок чая компании «Ахмад», где указывается только добавка или основной компонент (2.1.2., 3.1.), можно отметить наличие большего процента структур с компонентом «and» по сравнению с другими производителями: Strawberry & Kiwi, Raspberry & Pomegranate, Peppermint & Lemon, Lemon & Ginger. В названиях чая Greenfield и TESS в этих случаях сочетание, состоящее из двух называющих добавки равноправных существительных, объединенных союзом

«and», как правило, заменяется сочетанием с зависимым словом, выполняющим функцию определения при существительном, называющем эту добавку: например Honey Linden вместо Honey & Linden, Vanilla Cranberry вместо возможного Vanilla & Cranberry, что придает названию дополнительную экспрессивность. В названиях чая «Ахмад» подобная выразительность замещается точностью и конкретностью высказывания.

В случае использования названий блюд или напитков, некоторые ингредиенты которого присутствуют в составе чая (3.4.2.), названия чая «Ахмад» чаще ассоциируются с выпечкой, более традиционной в качестве десерта для британской кулинарной традиции: Cherry dessert, Pear Strudel/ Pear & Cinnamon Strudel, Hazelnut Cookie, Chocolate Brownie, Key Lime Pie, Strawberry & Basil Coulis, Strawberry Velvet Cake, Moroccan Orange Slice, Maple Syrup. В то же время чаи марки Greenfield и TESS и Curtis чаще ассоциируются с напитками и фруктовыми/сливочными десертами, экзотическими или характерными для европейской кухни в целом: Hugo Cocktail, French Truffle, Fresh Mojito, Banana Flambe (вид десерта), Truffle, Tiramisu, Crème Brulee, Creamy Praline, Amaretto Originale.

В тех случаях, когда используется прием метафоризации названия добавки (3.4.1.), образный ряд, формируемый названиями продукции рассматриваемых фирм, строится вокруг таких типичных образов, как «тайна», «энергия», «страсть», «мечты», «свежесть» и т.д., однако их реализация в номинациях компании «Ахмад» несколько отличается набором дополнительных признаков, актуализирующих данные образы. Например, «энергия» в названиях чаев Greenfield, TESS и Richard связана с такими образами как солнце, вспышка, искра (Sunny Lemon, Lemon Spark), тогда как в чаях компании «Ахмад» она представлена образами цветения, танца, жизненной силы и т.д. (Strawberry Sensation, Lemon & Lime Twist, Lemon Vitality Orange Blossom). «Очарование» в названиях чаев «Ахмад» раскрывается в более интенсивных образах страсти, интриги (Citrus passion Jasmine Romance) по сравнению с характерными для TESS и Greenfield образами нежности и изысканности (Caramel Charm, Strawberry Gourmet, Mango Delight, Charming Cherry).

Привязка ингредиента к месту произрастания, что свойственно чаю Greenfield и TESS (Camomile Meadow, Blueberry Forest, Barberry Garden) сменяется устанавливаемой взаимосвязью ингредиента и времени у чаев «Ахмад» (Camomile Morning, Summer Thyme, Spring mint). При этом нужно отметить, что в комбинации ингредиент/локус, название ингредиента выступает в качестве определения, тогда как в паре ингредиент/время, добавка чаще является определяемым словом, тем самым вызывая в сознании потребителя больший круг ассоциаций. В некоторых случаях название может отсылать к известным массовому потребителю культурным реалиям (например, «Summer Thyme» является аллюзией на широко известную джазовую композицию «Summer Time»). Таким образом, данная группа названий чаев компании «Ахмад» характеризуется более тонкой образностью, более развернутым ассоциативным рядом, что отражает намерение производителя позиционировать продукцию компании как единицу мировой/европейской культуры.

В то же время, в названиях чаев компании «Ахмад», относящихся к группам 4.1. и 5.1., также основанных на метафоре, создаваемый образ отличается большей лаконичностью и конкретностью и направлен, прежде всего, на установление связи продукта с эталоном, а именно, с британской традицией чаепития (English Tea No. 1, Royal Blend, English Tradition, English Breakfast, English Afternoon, Evening Tea Decaffeinated, Royal Afternoon).

Названия продукции компании «Ахмад» имеют тенденцию к большей точности и полноте по сравнению с марками отечественных производителей. Название, таким образом, является «комплиментом» потребителю, т.к. указание на категорию чайного листа, время и места сбора явно ориентированы на «знатока», а с другой стороны, в этой кажущейся простоте реализуется утилитарное, прагматичное отношение к названию, основная функция которого предоставить потребителю точную и полную информацию о составе продукта и сформировать более устойчивые ассоциации с британской традицией чаепития.

В еще большей степени эти тенденции отражаются в нейминге компании «Твайнингс», занимающей прочные позиции на внутреннем и мировом рынке.

Таблица 4

Твайнингс	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
1.1.1. Собственно название места	Ceylon Tea, Assam, Darjeeling,
1.1.2. Указание на конкретное место и время сбора, категорию чайного листа	2nd Flush Assam GBop Darjeeling Okayti Estate White, Darjeeling Castleton Moonlight Oolong, 2015 Phoobsring Second Flush Darjeeling, Two Seasons Darjeeling
1.2.2. Название, содержащее характеристику сорта (производного от названия места)	Pure Ceylon, Golden Darjeeling, The Mighty Assam, Pure White Tea
2.1.1. Только указание на сорт	Lapsang Souchong, Antler, Earl Grey, Lady Grey, Earl Grey Green Tea, St Clements, Sleep Green Tea Blend (смесь черного и зеленого)
2.1.2. Основной элемент травяного чая	Camomile, Camomile & Spearmint, Ginger, Peppermint, Double Mint

Твайнингс	
Группа и подгруппа	Названия марок чая
2.2.1. Указание на добавки	Apple & Pear Green Tea, Caramelised Apple <Indulgence> Green Tea, Cranberry Green Tea, Ginger Green Tea, Jasmine Green Tea, Lemon Green Tea, Lemon And Honey Green Tea, Mango & Lychee Green Tea, Mint Green Tea, Orange & Lotus Flower Green Tea, Peach & Cherry Blossom Green Tea, Pineapple & Grapefruit Green Tea, Pomegranate Green Tea, Salted Caramel <Indulgence> Green Tea, Sweet Fennel & Lemon Green Tea, Pomegranate White Tea, Nutty Chocolate Flavour Assam, Elderflower & Blossom Flavour Darjeeling
2.2.2. Равноправное перечисление основного (выделен жирным) и вспомогательных компонентов травяного чая	Camomile & Honey, Camomile & Spiced Apple, Lemon & Ginger , Lime & Ginger , Ginger & Rhubarb, Peppermint & Liquorice, Lemon Peel , Lemon Verbena & Milk Thistle, Peppermint , Fennel & Dandelion Root, Rooibos & Peppermint, Redbush Caramel Velvet Flavour Infusion
2.3.1. Характеристика чая	Smoky Lapsang, Spicy Chai, Pure Green (травяные) Calming Camomile, Relaxing Camomile & Spearmint, Warming Camomile & Spiced Apple, Restoring Echinacea & Raspberry, Cleansing Fennel, Livening Ginger & Lime, Intensely Fiery Ginger & Rhubarb, Revitalising Lemon & Ginger, Comforting Liquorice, Harmonising Liquorice & Lemon, Invigorating Peppermint, Rejuvenating Nettle, Energising Peppermint & Nettle, Uplifting Peppermint & Sweet Fennel, Refreshing Rosehip & Apple, Soothing Camomile & Honey, Freshly picked taste of meadow camomile & fennel, Freshly Picked Taste Of Root Ginger, Freshly Picked Taste of Orchard Lemon & Ginger, Freshly Picked Taste of Valley Liquorice & Mint, Intensely Fiery Ginger & Rhubarb, Intensely Raspberry & Dragon Fruit, Spiced Ginger, Intensely Buttermint, Intensely Tropical
2.3.2. Страна-производитель сорта	China White, China Rose (китайский черный чай с лепестками роз)
2.4. Модификация названия сорта для придания большей выразительности	Intensely Beetroot Burst, Turkish Apple Tea, Bollywood Chai Latte, Golden Rooibos and Caramel
3.1. Только указание на добавки	Lemon Tea, Wild Berry Tea, Apple, Cinnamon & Raisin Tea, Four Red Fruits Tea, Moroccan Mint (травяные) Apple & Pear, Blackcurrant & Blueberry, Blueberry & Apple, Cranberry & Raspberry, Mango & Strawberry, Blackcurrant & Blueberry, Cherry and Cinnamon, Cranberry & Blood Orange, Cranberry & Raspberry, Mango & Strawberry, Strawberry & Raspberry, Pomegranate & Raspberry, Lemon Trio
3.4.2. Использование названия блюда или напитка, некоторые ингредиенты которого присутствуют в составе чая	Golden Gingerbread (имбирный пряник) Chai Latte, Gingerbread <Indulgence> Green Tea, Cherry Bakewell (пирог) <Indulgence> Green Tea, Fudge (сливочная помадка, ириска) Melts <Indulgence> Green Tea
5.1. Названия, связанные с определенным временем суток или периодом в году	English Breakfast, English Strong Breakfast, English Afternoon, Everyday, Christmas Chai

Первое, что бросается в глаза, — это невероятное количество предлагаемых сортов чая, в несколько раз превосходящее ассортимент отечественных производителей. Причем для целого ряда популярных сортов производители предлагают варианты с пометками Decaffeinated, Organic или Steamed, что указывает на особенности сбора и обработки чайного листа (например, Earl Grey Decaffeinated, Earl Grey Organic, English Breakfast Decaffeinated, Everyday Decaffeinated, Decaffeinated Pure Green Tea, Organic Calming Camomile, Steamed Green Tea Simply Pure). Мы не стали дублировать их в таблице, поскольку они относятся к тем же подгруппам, что и исходные названия.

В качестве отличительной черты названий, используемых британской чайной компанией, стоит упомянуть их точность и максимальную информативность

в еще большей степени, чем это было у компании «Ахмад». Здесь почти нет элементов, служащих только для придания большей выразительности. Соответственно, названия четвертой группы, не содержащие сведений о составе чая, у данного производителя отсутствуют. Причем половина названий, входящих в подгруппу 2.4. (Turkish Apple Tea, Bollywood Chai Latte), используют географические названия для создания ассоциаций, связанных с национальными традициями чаепития.

Отметим также, что, как и в случае с компанией «Ахмад», для названий сортов чая «Твайнингс» характерно использование структур с компонентом «&» при описании сложного состава (Apple & Pear Green Tea, Peach & Cherry Blossom Green Tea, Mango & Lychee Green Tea, Blueberry & Apple, Cranberry & Raspberry, Mango & Strawberry).

Значительная часть названий, относящихся к подгруппе 2.3.1. (Характеристика чая) также фокусируется не на образной, а на информативной составляющей. Задачей компонента, выполняющего роль определения в сложном названии, является не указание на высокое качество продукта, но сообщение о воздействии данного чая на организм: Calming Camomile, Relaxing Camomile & Spearmint, Warming Camomile & Spiced Apple, Restoring Echinacea & Raspberry и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что названия отечественной продукции в большей степени направлены на создание яркого положительного образа, чем на подробное описание состава чая, в то время

как для британских производителей приоритетной является точность и информативность. Причем у исконно британской компании «Твайнингс» это проявляется более ярко, а компания «Ахмад», работающая на экспорт, учитывает особенности и ожидания зарубежных (в нашем случае российских) потребителей.

Хочется также отметить, что определение English в названии чая встречается чаще в названиях британских компаний, но оно подчеркивает традиционность чаепития для британцев, а не элитарность чая. Тогда как чай Richard компании «Май» всячески акцентирует внимание на ассоциациях с британской королевской семьей.

Литература:

1. Чайная коллекция Curtis//Curtis. URL: <http://curtistea.com> (дата обращения: 12.03.2017).
2. Tea // Twinings. URL: <https://www.twinings.co.uk> (дата обращения: 12.03.2017).
3. Our teas // Ahmad Tea. URL: <http://www.ahmadtea.com> (дата обращения: 12.03.2017).
4. Ассортимент // Ahmad Tea. URL: <http://ahmadtea.ru> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Tea Collection // Richard Royal Tea. URL: <http://richard-tea.com> (дата обращения: 12.03.2017).
6. Чайная коллекция // TESS. URL: <http://www.tesstea.co.uk/ru> (дата обращения: 12.03.2017).
7. Коллекции // Greenfield. URL: <http://www.greenfieldtea.co.uk/ru> (дата обращения: 12.03.2017).
8. Мещерякова Н. В. Роль образных средств в создании текстов социальной рекламы / Н. В. Мещерякова // Филология и лингвистика. — 2010, № 9 — С. 211–214.
9. Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа товаров для животных в рекламном дискурсе / Д. С. Скнарев // Philological Sciences. — 2014, № 11 — С. 2304–2308.
10. Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе и кросскультурный фактор / Д. С. Скнарев // Philological Sciences. — 2013, № 10—3016–3021.
11. Скнарев Д. С. Языковые средства создания образа наручных часов в рекламном дискурсе / Д. С. Скнарев // Philological Sciences. — 2014, № 8—1480–1484.
12. Джек Траут о первых и главных тайнах и универсальных истинах нейминга: соединение имени и выгоды, благозвучность, ассоциативность и другое // Маркетинг: Нейминг [Электронный ресурс]. — URL: http://omsklions.ru/publ/marketing/marketing_nejming (дата обращения: 25.03.2017).
13. Нейминг // 7statey.ru. Маркетинговые исследования рынка [Электронный ресурс]. — URL: http://7statey.ru/marketingovy_analiz/avtorskie_statii/nejming (дата обращения: 25.03.2017).

Употребление сленговой лексики в курсантской среде

Садчикова Яна Викторовна, кандидат педагогических наук, преподаватель;

Василенко Александр Павлович, курсант

Филиал Военной Академии материально-технического обеспечения (г. Пенза)

Данная статья посвящена особенностям употребления военного сленга. В статье дается краткий анализ понятий «сленг» и «военный сленг», а также приводится классификация курсантского сленга. Материалом исследования послужили слова и выражения, используемые курсантами Пензенского филиала Военной Академии материально-технического обеспечения в повседневной службе.

Ключевые слова: сленг, военный жаргон, курсантский сленг

Одной из основных функций языка является коммуникативная функция. Это позволяет говорить о том, что язык не может существовать вне связи с жизнью и обществом. Поскольку социальная среда многогранна и многоаспектна, язык соответственно, развивается и функционирует по-разному в различных общественных слоях и профессиональных группах.

Особого внимания в лингвистике заслуживает изучение сленга, как одного из специфических проявлений языка.

Первое достойное пристального внимания упоминание о военном сленге встречается в классическом словаре вульгарного языка Ф. Гроса «A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue» 1788 года. В третьем издании данного

словаря, опубликованном в 1796 году, насчитывается около 70 единиц, относящихся к военному сленгу.

Однако, первым фундаментальным трудом, посвященным изучению сленга, является монография Э. Партриджа «Slang Today and Yesterday». В своей работе автор дает обзор существующих научных работ, в которых есть упоминания о военном сленге, перечисляет словари, фиксирующие военный сленг, приводит в качестве примеров словарные статьи, при этом давая свою интерпретацию некоторых понятий, описывает и анализирует различия сленга моряков и солдат.

В отечественной филологии, работы, посвященные военному сленгу, не многочисленны. Наиболее фундаментальным исследованием считается исследовательская работа на тему армейского жаргона под названием «Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII—XX веков» В. П. Коровушкина. Данный словарь включает в себя около восьми тысяч слов и интересен, прежде всего тем, что охватывает большую историю российской армии, начиная с русско-турецких войн 1686—1713 годов. В данном труде охарактеризован жаргон военных и военизированных организаций, существовавших в Российской империи, СССР, Российской Федерации вплоть до декабря 1996 года.

В нашей статье, мы обратились к изучению проблемы употребления военного сленга в курсантской среде на примере общения курсантов Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения.

Известно, что термин «сленг», появившийся в английской лексикографии примерно в начале XIX века, использовался для обозначения единиц словарного состава языка, не отвечающих литературным нормам. Ряд лингвистов, изучающих «природу» сленга, отрицают существование сленга как отдельной лексической категории.

В настоящей статье под термином «сленг» авторы понимают лексический слой, находящийся вне пределов литературного языка и обладающий ярко выраженными оценочными, экспрессивными и эмоциональными коннотациями.

Понятие «сленг» смешивается с такими понятиями как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «просторечие». А. Д. Швейцер в работе «Очерк современного английского языка в США» относит военный сленг к «специальному сленгу». Автор полагает, что большинство военных сленгизмов являются эмоционально-окрашенными эквивалентами военных терминов и имеют насмешливую коннотацию. По его мнению, сленгизмы и жаргонизмы охватывают более широкую понятийную сферу, чем официальная уставная терминология, поскольку они отражают все стороны военного быта. А. Д. Швейцер также указывает на возможность перемещения военных жаргонизмов в сленг. В нашей работе, мы разделяем точку зрения А. Д. Швейцера и придерживаемся мнения о тождественности понятий «военный сленг» и «военный жаргон».

Многие лексические единицы и языковые обороты, начавшие свое существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык и стали нормой.

Трудно определить точный период возникновения военного сленга. Можно лишь констатировать, что, как и любой другой вид жаргона, военный сленг отражает общественные явления в каждый исторический период жизни государства.

Советский военный жаргон представляет собой совокупность неологизмов: часть которых образована путем сокращения названий видов, типов, моделей вооружений, воинских званий, воинских должностей, специальностей, других явлений военного быта; часть заимствована из бытового юмора, часть возникла под воздействием явления «дедовщины» и отражает область неуставных взаимоотношений между военнослужащими.

Военный жаргон России различается в зависимости от вида вооруженных сил, родов войск и состава военнослужащих в зависимости от специальностей и формирований в ВС.

Русский военный сленг во многом является своеобразным наследием военного жаргона Российской Империи.

В 2016 году на базе Филиала Военной академии Материально-технического обеспечения (г. Пенза) было проведено исследование с целью изучения сленговой лексики, которую используют курсанты в повседневной службе.

На первом этапе исследования был проведен письменный опрос курсантов, задачей которого был сбор лексических единиц курсантского жаргона.

На втором этапе собранная лексика была проанализирована и разделена на группы.

На третьем, заключительном этапе, происходило общение и интерпретация результатов работы, формулировка основных итогов и выводов.

Сленг, также, как и литературный язык, отражает образ жизни, нравы, привычки и обычаи, той языковой общности, продуктом которой он является. Проведя анализ используемых курсантами в повседневной службе лексических единиц, мы смогли выделить следующие лексико-семантические группы:

1. Отношение между людьми.
2. Физическая деятельность.
3. Человек и окружающий мир.

Изучая лексику курсантского сленга, указанные выше группы можно разделить на ряд более мелких подгрупп. Таким образом, в первой группе можно отметить две подгруппы:

- повседневные взаимоотношения между людьми (например, «немошь» — неспособный на что-л., или в чем-либо; «овощ», «камень», «шкура» — провинившийся; «затупок», «нулице» — глупый, тупой курсант, «красный» — человек, который всех сдает, на всех жалуется, «ще» — ругательство, обозначающее плохого человека (военнослужащего), «пиджак» — обучающийся в гражданском вузе).

— взаимоотношения между различными категориями военнослужащих, в зависимости от звания и занимаемой должности (например, «контрабас» — солдат, проходящий службу по контракту, «слон» — курсант 1 курса, «шланг» — курсант 2 курса, «топор» — курсант 3 курса, «прапор» — прапорщик, «комод» — командир отделения, «замок» — заместитель командира взвода, «полосатый» — сержант, «летеха» — лейтенант, «старлей» — старший лейтенант, «кеп» — капитан, «полкан» — полковник).

Во второй группе можно выделить следующие подгруппы:

— деятельность во время повседневной службы (например, «щемить» — спать (чаще на занятиях), «кайфануть» — лечь в госпиталь, «отыметь» — получить наказание от офицера, «клетка» — место службы или наряд на 4 кафедре, «стоять на фишке» — стоять и следить, чтобы никто не застукал).

— учебная деятельность (например, «словить парашу» — получить двойку).

Третья лексико-семантическая группа достаточно обширна. К ней мы отнесли следующие категории:

— распорядок дня (например, «вечеруха» — вечерняя поверка, «сампо» — самостоятельная подготовка, «казнь» — подведение итогов).

— свободное время (увлечения, увольнения) (например, «увал» — увольнение, «увольняшка» — увольнительная записка, «рассос» — свободное время, легкая работа).

— питание (например, «тошниловка» — столовая, «мазик» — майонез, «баланда» — каша, еда, «ЧПОК» (дословно — чрезвычайная помощь оголодавшим курсантам) — чайная, буфет, «рыжая», «шава», «шавуха» — шаурма, «весло» — ложка, «болт» — перловка с рыбой, «слюнячка» — конфета-леденец).

— одежда и обмундирование (например, «лабутены» — ботинки, «газик» — противогаз, «резина» — РХБЗ, «берцухи» — берцы)

— состояние здоровья (например, «санчуга», «каличка» — сан.часть, «калич» — больно́й, «Сочи», «Дубай», «госпак» — госпиталь, «загаситься» — заболеть).

— части человеческого тела (например, «котелок» — голова).

— бытовое окружение (предметы быта, названия помещений) (например, «тельчик», «тэха», «тапок» — телефон, «тумбарь» — тумбочка, «жига» — зажигалка, «толчовка» — туалетная бумага, «белый дом», «белый лебедь» — туалет, «располага» — казарма, «кубарь» — комната).

— повседневные действия («тирануть» — протереть, «брякнуть» — позвонить, «хавать» — есть, принимать пищу, «срисовать» — увидеть, заметить, «поплыть» — уйти, «шабить» — курить)

Как можем заметить, сленг относится к наименее устойчивым слоям лексики и подвергается постоянному обновлению. На уровне мирового пространства это связано с конкретными историческими периодами. Например, особенно интенсивный рост лексики военного сленга отмечался в период первой и второй мировых войн, когда колоссальное увеличение армии вовлекало в непосредственное соприкосновение с военными реалиями и бытом миллионные народные массы, которые быстро перенимали старые эмоционально-окрашенные элементы и создавали новые. Также этот процесс характерен для периода локальных войн во Вьетнаме, Афганистане, Ираке.

На локальном уровне в качестве причин обогащения и изменения курсантского сленга можем назвать следующие:

— изменение условий и распорядка несения службы в институте за последние десятилетия;

— «обширная география» местожительства обучающихся — в Пензенском филиале Военной академии МТО проходят службу курсанты со всех регионов и республик Российской Федерации, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья;

— появление новых предметов быта и обихода, а также технических средств и вооружения.

Таким образом, проведенный анализ военного сленга на базе Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения показал, что курсантский сленг представляет собой лексический слой языка, употребляемый в неформальном общении в среде военнослужащих для выражения отношения, передачи эмоций и оценки говорящего. Курсантский сленг является достаточно богатым языковым слоем и охватывает все области жизнедеятельности курсантов. Пути его пополнения не имеют принципиальных отличий от аналогичных процессов в литературном языке. Следует лишь отметить, что лексика военного сленга возникает в устной разговорной речи с непосредственным непринужденным живым общением, что и обуславливает ее своеобразие.

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. — М.: Флинта, наука, 2006. — 384 с.
2. Белова, И. В., Павлова Ю. Е. Лексико-семантические особенности военного сленга в американском варианте английского языка. // Вестник. Вып.6. — ЮУрГУ: Лингвистика, 2008. — С. 33–38.
3. Швейцер, А. Д. Очерки современного английского языка в США. — М.: Высшая школа, 1963. — 216 с.
4. Partridge E. Slang Today and Yesterday. — NY: The Macmillan, 1982. — 476 p.

Индоевропейское языкознание сегодня

Тян Наталья Викторовна, преподаватель

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

В статье разбирается одна из проблем в индоевропеистике — прародина индоевропейцев. Одной из последних работ в этой области является работа Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы».

Ключевые слова: индоевропейцы, прародина индоевропейцев

In this article are considered one of the problems in Indo-European linguistics — the Proto-Indo-European homeland. One of the latest works in this area is the work of T.V. Gamkrelidze and V.V. Ivanov “Indo-European and the Indo-Europeans”

Key words: the Indo-European, Proto-Indo-European homeland

Сегодня индоевропейскому языкознанию, по нашему мнению, незаслуженно мало уделяется внимания. Большую популярность по вполне понятным причинам вызывают исследования современных языков. Следует, однако, вспомнить о том, что без исторических и сопоставительных исследований таких языков как санскрит, древнегреческий, латинский и др. не было бы и тех знаний о современных языках, которыми мы обладаем сегодня.

Изучение генетических связей между индоевропейскими языками имеет долгую историю. Сравнительно-историческому языкознанию индоевропейских языков как науке предшествуют исследования классических и других отдельных европейских языков, а также сравнительные грамматики родственных языков (Ламберттен Кате, М. Ломоносов, Я. Гримм) [5, с. 31; 2, с. 261]. При сравнении отдельных языков были выявлены определенные соответствия, благодаря которым стало возможным положение об их генетическом родстве. основоположниками сравнительно-исторического языкознания являются Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм и А. Востоков.

Одной из последних работ в области индоевропеистики является двухтомный труд Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [3]. Данная работа вышла в свет в 1984 году, вызвав большое количество отзывов и критик. В ней представлено обширное исследование «индоевропейской протокультуры». Первый том посвящен общей структуре индоевропейского языка-основы. Особый же интерес представляет собой второй том, который включает в себя семантический словарь общего индоевропейского языка и реконструкцию индоевропейской протокультуры.

Также как А. Мейе и В. Порциг, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. считают, что структура индоевропейского языка была диалектной. Со взглядами Макса Мюллера и Г. Краэ они связывают предположение о существовании некой древнеевропейской общности. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов принадлежат к представителям так называемой «глоттальной теории», направлению современной индоевропеистики, согласно которой язык-основа вместо обычно включаемых в него звонких смычных должен обладать целым рядом глухих глоттализированных.

Прародиной индоевропейских народностей была названа область Передней Азии. Распад индоевропейской

языковой общности предположительно начался с распада анатолийской языковой общности (не позднее, чем в IV тыс. до н. э.). Следующей отделилась греко-армяно-арийская языковая группа (не позднее, чем в III тыс. до н. э.), от которой вскоре отделилась индо-иранская группа. Примерно в III тыс. до н. э. индо-иранская языковая общность распадается, и носители одного из иранских диалектов переселяются на восток (в Центральную Азию), отсюда на север, а затем севернее Каспийского моря через Северный Кавказ в регион Черного моря. Будущие италийские, кельтские, германские, балтийские и славянские языки образовались из общности (условно называемой «древнеевропейские диалекты») в тот период, когда другие индоевропейские языки уже пошли по собственному пути развития [3, с. 938].

Гипотеза Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова вызвала бурные дискуссии. Один из рецензентов — Ф. Каммерцель (лектор семинаров по египтологии и коптологии в Гёттингенском Университете) — представил объемное и довольно подробное обсуждение английской версии этой работы. Ф. Каммерцель согласен не со всеми тезисами ученых, хотя, в общем, признает эту работу как «книгу эпохального значения» [1, с. 265].

С проблемой распада индоевропейской языковой общности и миграциями носителей древних индоевропейских диалектов тесно связана проблема прародины. Так как нельзя, не зная исходного пункта, однозначно определить источник и пути распространения носителей языка к местам их исторического проживания.

Индоевропейской прародиной считали самые различные географические пункты. При этом ученые руководствовались различными аргументами. Обзор проблемы установления индоевропейской прародины и ее датировки представлен в статье Дж. П. Мэллори «Индоевропейские прародины», где каждая гипотеза подвергается критическому анализу [6, с. 61–82]. Дж. П. Мэллори условно делит все гипотезы на четыре модели (регион Балтийского, Черного и Каспийского морей; Анатолия; Центральная Европа (область Балкан) и регион Черного и Каспийского морей). К этим моделям можно добавить, по нашему мнению, и предположение о локализации индоевропейской прародины в районе Средней Азии, сформировавшееся в XIX веке [4, с. 12]. Каждая из представленных гипотез, по мнению

Дж. П. Мэллори, имеет свои сильные и слабые стороны, так что сейчас нельзя однозначно назвать географическую прародину носителей современных индоевропейских языков.

В вопросе о прародине также необходимо учитывать, что распространение индоевропейских языков

происходило не только благодаря миграции их носителей, но и путем заимствования этих языков носителями первоначально других языков.

Таким образом вопрос о прародине предков носителей современных индоевропейских языков требует дальнейшего изучения.

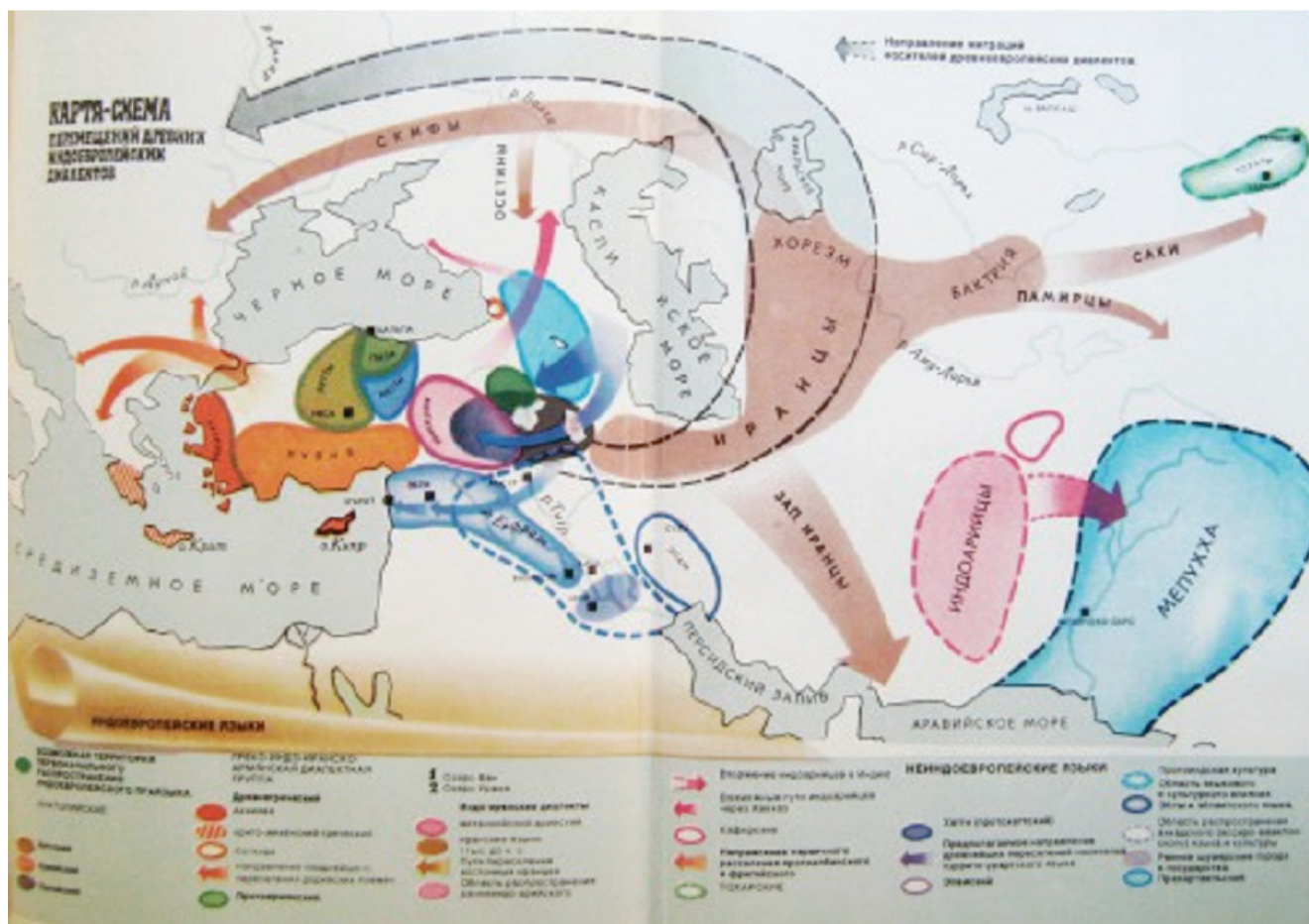


Рис. 1. Миграция носителей древних индоевропейских диалектов (карта из книги Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова). Большой серой стрелкой показано общее направление миграций носителей «древнеевропейских диалектов»

Литература:

1. Kammerzell F. Glottaltheorie, Typologie, Sprachkontakte und Verwandtschaftsmodelle. // Indogermanische Forschungen. — Strassburg, 1999. — № 104. — S. 234–271.
2. Амирова Т. А. и др. Очерк по истории лингвистики. — М.: Наука, 1975.
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 томах. — Тбилиси: Изд. Тбилисского университета, 1984.
4. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. — М.: Наука, 1970, С. 12.
5. Десницкая А. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М., Л.: Изд. Академии наук, 1955.
6. Мэллори, Дж. П. Индоевропейские прародины. // Вестник древней истории. — М., 1997 — № 1 — С. 61–82.

Новый подход к лингвистическому анализу гидронимов Центральной России

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена лингвистическому анализу гидронимов. Предложен метод систематизации гидронимов по значению. Новый подход позволит проследить расселение и миграцию древних племен на территории центральной России, Восточной и Центральной Европы.

Ключевые слова: гидроним, этимология, центральная Россия, балтизмы, названия рек

«Уже давно ономастическая этимология находится в глубоком кризисе», — сокрушался десять лет назад Юрий Откупщиков в своей публикации «Об этимологии гидронима Ловать» [3, с. 215]. Далее мэтр дает направления для поисков: «пока не показано как, по какой модели образовано слово, мы не вправе говорить о том, что оно получило этимологическое объяснение» [3, с. 216].

Сегодня на основе громадной работы, выполненной лингвистами, стоит задача систематизировать и определить модель возникновения гидронимов.

Пока попытки исследователей выявить то или иное значение гидронима создают лишь «хаос» в системе.

Отметим, что река́ — это природный водный поток (водоток), текущий в выработанном им углублении. Очевидно, что в названии гидронима должна содержаться характеристика реки, т. е. потока, при том охватывающая немалый отрезок. Поток — это, прежде всего, движение, которое можно охарактеризовать глаголом. Это, с одной стороны. С другой, — река — это широкий спектр восприятия человеком природного объекта. Например, в Древней Греции это олицетворялось в виде божества. Можно предположить, что кроме характеристики движения потока название должно создавать определенный образ, понятный восприятию древнего человека. Например, Клязьма от *klèizoti* — тащиться, ковылять (кривоногий), «ковылять» создает вполне осязаемый образ и движение неторопливой, извилистой реки.

Получаем формулу гидронима: «корень+формант», в которой «корень» — производная от глагола, характеризующего движение потока и создающего его образ. Схематично это можно выразить следующим видом: река — поток — движение — глагол — (образ) — гидроним.

Каждая из рек имеет не только хозяйственное, но и историческое значение в силу того, что каждое название несет в себе определенную информацию.

Как отмечает Мария Гимбутас в своей книге «Балты. Люди янтарного моря», «на современных картах Белоруссии и России едва ли можно обнаружить балтские следы в названиях рек — сегодня это славянские территории. Однако лингвисты смогли установить, что почти все наименования в верхнем Поднепровье, бесспорно, балтского происхождения» [1, с. 6].

Историческую географию балтской гидронимии расширили в своих работах Ю. В. Откупщиков, В. Н. Топоров, Б. А. Серебренников и другие лингвисты.

В частности, Ю. В. Откупщиков отмечал мнение Б. А. Серебренникова: «...топонимика Волго-Окского междуречья при помощи финно-угорских языков

необъяснима... истоки огромной массы топонимов этого ареала следует искать в балтийских языках» [4, с. 83].

Теперь можем перейти к непосредственному рассмотрению, в качестве примеров, нескольких гидронимов (крупных рек) центральной России. Поскольку в начале была упомянута Ловать, то с нее и начнем.

Ловать, длина 550 км, протекает по территории Витебской, Псковской и Новгородской областей. Можно предположить, что название происходит от *liðvyti* (*liáuti*, *liðvè*) — сбавлять, прекращать, изнурять, что указывает на равнинный, спокойный характер течения. Реки с корнем *лов-* можно встретить в бассейнах Днепра и Оки, *Loviai* — в Литве.

Ока, правый приток Волги, длина 1480 км, протекает по Орловской, Тульской, Калужской, Московской и Рязанской областям. Происхождение можно связать с *akèti* (*akeja*, *eketi*) — боронить, тащить, вспарывать. Стоит отметить, что на старинных картах Ока часто указана, как Осса (в то же время, с латинского *osco* — боронить). Можно сравнить с литовскими (в разных варианциях) *Eketė*, *Akys* [9, с. 37, 100].

Клязьма, левый приток Оки, длина 680 км, протекает по Московской, Владимирской, Ивановской и Нижегородской областям. Корень происходит от *klèizoti* — тащиться, ковылять (кривоногий). Пожалуй, единичный случай использования такой основы, наиболее часто в гидронимах в аналогичном значении выступает *kleivoti* (бассейн Верхнего Днепра — Клева, Клевень, Клевица [5, с. 191], Литва — *Kleiva*, *Kleva* [9, с. 159], Польша — *Klewiec*).

Проня, правый приток Оки, длина 340 км, протекает в Рязанской и Тульской областях. По мнению В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, название реки Проня, которая расположена в бассейне Днепра, имеет балтское происхождение [5, с. 202]. Возможно, к гидрониму имеет отношение *praeiti*, — *na* — неторопливо шагать, прекращать (в значении *liáuti*, которое мы отмечали в Ловати). Распространенный корень *eiti* (*eina*) — идти, двигаться — позволяет Проню сопоставить с литовскими вариантами гидронимов на *Prapė-* и *Priep-*.

Угра, левый приток Оки, длина 400 км, протекает по Смоленской и Калужской областям. Полный тезка российского гидронима находится в Литве — *Ugra* в Рокишкском районе Паневежского уезда. Происхождение можно связать со сложнообразованным *augrièti*, в котором *au-*, по мнению Р. Дерксена, имеет значение «прочь, отсутствие, по, на» [7, 68]. Вторая часть — *grièti* (*grèja*) — скользить, гнать, вить, крутить, охотиться, рыбачить, черпать, нести тяжело.

Мокша, правый приток Оки, длина 656 км, протекает по Мордовии, Пензенской, Нижегородской и Рязанской областям. Корень гидронима можно получить из *mak* (*ó*) *ti*, — *ója*, — *ójo* — брести, рыбачить, качаться, жрать. По мнению Б. А. Серебrenникова, формант —*ша* является «речным» [4, с. 92]. В тоже время, более акцентированное значение могло быть заключено в *maksėti*, *màksi*, — *éjo* — бежать, идти, поглощать, околевать. В какой-то мере к «родственникам» окской Мокши можно отнести литовские — *Makelis*, *Mokia* [9, с. 202, 219]. Кроме того, *maksėti* можно сравнить с *maskėti*, из которого происходит гидроним Москва.

Москва, левый приток Оки, длина 502 км, протекает по Смоленской и Московской областям. В основе гидронима лежит *maskėti* — бодро бежать, бросаться по сторонам, резко падать. Реки Московница, Московка имеются в бассейне Днепра, *Moskawa* — в Польше. Косвенным аналогом могут оказаться литовские *Maskoliukai*, *Maskol* [9, с. 206].

Десна, левый приток Днепра, длина 1130 км, протекает по Смоленской и Брянской областям и Украине. Объяснить название возможно из *dusenti*, — *ēna* (*dusinti*, — *ina*) в значении задыхаться, утомлять, душисть, идти с одышкой. Немалое количество рек с названием Десна (в различных вариациях) можно встретить в Днепроvском и Волго-Окском бассейнах. Столь же многочисленны гидронимы с корнем *dus-* и на территории Литвы [9, с. 98].

Ипуть, левый приток Сожи (бассейн Днепра), длина 437 км, протекает в Смоленской и Брянской областях и Белоруссии. Название может быть сопоставлено с

putėti, — *éja*, — *éjo* = *nỹkti* — слабеть, исчезать. В Литве встречаем несколько вариантов гидронимов Нука [9, с. 230]. Кроме того, возможным аналогом выступает *paũtyti*, — *ija* — идти с трудом, неуклюже, который дал название литовским рекам — *Pautiene*, *Pautupis* [9, с. 250].

Сейм (Семь), левый приток Десны, длина 696 км, протекает в Курской и Брянской областях. Происхождение гидронима можно связать с *sėmti* (*sėmia*, *sėma*, *sėmė*) — лить, черпать, ерошиться, затоплять, выпивать. Возможно сравнение с литовским *Šeme* [9, с. 328]. Также стоит упомянуть протекающую в Нижегородской области реку Сейма, левый приток Оки.

Великая, длина 430 км, протекает в Псковской области. Можно предположить, что основа заключена в *vīlkti* (*veļka*, — *o*) — волочить, тащиться, ползти. Гидронимы с корнем *vīlk-* имеют достаточно широкое распространение в Литве и Польше. Если посмотреть глубже, то в языковом «родстве» с Великой окажутся реки Вологда, Волхов, Волга.

Стоит обратить внимание, даже в нашей небольшой подборке в гидронимах заметны пересечения значений. Взяв больший массив исследуемых объектов, мы будем наблюдать более частые смысловые совпадения в происхождении названий рек.

Предложенная модель позволяет определить значение, например, гидронимов, упомянутых Геродотом в его работе «История» и расположенных в Скифии. Древнегреческие названия заключают в себе характеристику равнинных рек (Борисфенис — обильнотекущий, Истрос — утомленный и так далее), но это тема отдельной публикации.

Литература:

1. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004.
2. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии). М.: Издательство «Наука», 1977.
3. Откупщиков Ю. В. Об этимологии гидронима Ловать (Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. — СПб., 2006. — С. 215–219).
4. Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки. Балто-славянские исследования XVI. Сборник научных трудов. М.: Издательство «Индрик», 2015.
5. Топоров В. Н., Трубаев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Издательство АН СССР, 1962.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прогресс», 1986.
7. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden · Boston, 2015.
8. Pokorný J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern & München, 1959.
9. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. («Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms»). Vilnius, «Mokslas», 1981.
10. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005.
11. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. М.: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005.

Варианты ударения в современном русском языке

Филимонова Елена Борисовна, преподаватель
Урюпинский агропромышленный техникум (Волгоградская обл.)

В статье рассматриваются причины орфоэпических ошибок, связанных с особенностями русского словесного ударения, возникновением вариантов ударения, характеризуется система нормативных помет орфоэпического словаря.

Ключевые слова: орфоэпическая норма, особенности русского ударения, варианты ударения, нормативные пометы словаря

Как известно, главным отличительным качеством литературного языка является его нормативность. Каждая сфера литературного языка имеет свою систему норм, обязательную для всех его носителей (например, лексические, морфологические, синтаксические, орфографические нормы). Если система орфографических норм обеспечивает единое написание, то орфоэпические нормы призваны унифицировать произношение.

Орфоэпическая норма — единственно возможный или предпочитаемый вариант правильного, образцового произношения и правильной постановки ударения.

Произношение, соответствующее орфоэпическим нормам, облегчает, ускоряет процесс общения, характеризует культуру речи говорящего и позволяет судить об образованности и воспитанности человека. Поэтому социальная роль правильного произношения очень велика, особенно в настоящее время в нашем обществе, где устная речь стала средством самого широкого общения в публичных выступлениях и деловом общении.

Снижает культуру устной речи не только неправильное произношение, но и неверное ударение в словах. С ударением связано наибольшее количество ошибок, которые являются следствием нарушения произносительных норм. Сложность заключается в том, что в русском языке нет единого универсального правила постановки ударения. В связи с этим отметим основные особенности русского ударения.

Ударение в русском языке *свободное*, что отличает его от некоторых других языков, в которых ударение закреплено за каким-то определенным слогом [1, с. 85]. Например, в эстонском, латышском, чешском, финском языках ударным всегда бывает первый слог. В польском, грузинском языках — предпоследний, в армянском, французском языках — последний. В русском языке ударение может падать на любой слог, поэтому его называют *разноместным*. Сопоставим ударения в словах: *кóмпас, добýча, докумéнт, медикамéнты*. В этих словах ударение соответственно падает на первый, второй, третий, четвертый слоги. Разноместность его, как отмечает Р.И. Аванесов, делает ударение в русском языке индивидуальным признаком каждого отдельно взятого слова.

Кроме того, ударение в русском языке бывает *подвижным* и *неподвижным*. Если в различных формах слова ударение падает на одну и ту же часть, то такое ударение является неподвижным (*берегú, бережéшь, бережéт, берегúт* — ударение закреплено за окончанием). Ударение, меняющее свое место в разных

формах одного и того же слова, называется подвижным (*пра́в, пра́вы, права́; нача́ть, нача́л, начала́*). Эта особенность и вызывает трудности в постановке ударения во многих словах.

В публичных выступлениях, деловом общении, обиходной речи довольно часто наблюдается отклонение от норм литературного языка. Неверное ударение мешает восприятию смысла. Например, нередко нарушается норма ударения в таких словах, как *валово́й, катало́г, краси́вее, опто́вый, при́нял, приня́ть, ходата́йствовать* и др. Затруднения вызывает постановка ударения в именительном падеже множественного числа существительных *бухгалте́ры, догово́ры, инспектора́, инструкторы, шофе́ры*.

Некоторые ошибаются, считая, что надо говорить *сре́дства* производства, но денежные *средствá*, прошли три кварта́ла, но третий кварта́л этого года. Слова *сре́дства* и *кварта́л* независимо от значения имеют только одно ударение.

Существуют сложности с ударением в самых простых словах из-за того, что многие не знают точно их принадлежности к той или иной части речи [1, с. 86]. Например, прилагательное *развитой* пишется с окончанием — *о́й*, которое и принимает на себя ударение. Это слово имеет несколько значений и употребляется в разных словосочетаниях. Так, в примерах *разви́тая* промышленность, *разви́то́е* сельское хозяйство его значение — «достигший высокой степени развития», а в сочетании *разви́то́й* человек — «духовно зрелый, просвещенный, культурный». Наряду с прилагательным в русском языке имеется причастие — *разви́тый*, образованное от глагола *разви́ть*, имеющее окончание — *ы́й*. Произносится оно с ударением на первом слоге (*ра́звитый*) или на втором (*разви́тый*). Например: *ра́звита́я* нами деятельность, *ра́звитый* лектором вопрос и *разви́тая* веревка, *разви́тый* локон. Как видим, ударение зависит от того, прилагательное это или причастие.

В некоторых словах русского языка ударение может быть *двояким*, то есть ставится то на одном, то на другом слоге. Оба варианта являются правильными, например: одновременно и одновременно, *ке́та* и *кетá*, *мизе́рный* и *ми́зерный*. Сложность в определении места ударения в том или ином слове возрастает, поскольку для некоторых слов существуют варианты ударений.

Итак, для ударения существует понятие *вариативности*, означающее наличие в некоторых словах вариантов ударения, применяемых в разных ситуациях общения.

Чтобы не допустить ошибки в постановке ударения, следует знать не только норму, но и типы вариантов, а также условия, при которых может быть использован тот или иной из них. Для этого рекомендуется пользоваться специальными словарями справочниками. Лучшее всего прибегать к помощи «Орфоэпического словаря русского языка». В нем дается система **нормативных помет** (единая для оценки вариантов произносительных, акцентных и морфологических, которая выглядит следующим образом). [2, с. 251–253]

1. Равноправные варианты.

Они соединяются союзом **и**: ба́ржа и баржа́; бижу-те́рия и бижу́терия; во́лнам и волна́м; до́литый и до-ли́тый; заржа́веть и заржаве́ть; পে́тля и петля́; пицце́рия и пицце́рия. С точки зрения правильности эти варианты одинаковы.

2. Варианты нормы, из которых один признается основным:

1) **помета «допустимо» (доп.)**: а́вгустовский и доп. августо́вский; до́ску и доп. доску́; кулина́рия и доп. кулина́рия; ма́ркетинг и доп. ма́ркетинг; масте́рский и доп. ма́стерски; о́тдал и доп. отдал; о́траслей и доп. отрасле́й; творо́г и доп. твóрог; усугуби́ть и доп. усугу́бить. Первый вариант является предпочтительным, второй оценивается как менее желательный, но все-таки находятся в пределах правильного. Чаще всего используется в разговорной речи.

2) **помета «допустимо устаревшее» (доп. устар.)**: искри́стый и доп. устар. йскристый; металлур-гия́ и доп. устар. металлур́гия; ра́курс и доп. устар. раку́рс; собра́лся и доп. устар. собрался́; ханже́ство и доп. устар. ханжес́тво; ю́ркнуть и доп. устар. юркину́ть. Помета указывает, что оцениваемый ею вариант постепенно утрачивается, а в прошлом он был основным.

Целый ряд вариантов ударения связан с профессиональной сферой употребления. Есть слова, специфическое ударение в которых традиционно и принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Словарь фиксирует эти варианты. Например:

дубля́ж, -а / в профессиональной речи *дубляжа́*

и́скра / в профессиональной речи *искра́*

аммиа́к, -а / у химиков *аммиака́*

шпри́цы мн. -ев / у медиков ед. *шприца́*, мн. -ы́, -о́в

фле́йтовый, -ая, -ое / у музыкантов *флейто́вый*

ко́мпас, -а, мн. -ы́, -о́в / у моряков *компа́с*

Словарь включает в себя также варианты, находящиеся за пределами литературной нормы. Для указания этих вариантов вводятся так называемые **запретительные пометы**:

1) **«не рекомендуется» (не рек.)** — алфа́вит! не рек. — алфа́вит; бала́вать! не рек. бала́вать; остуди́т! не рек. остуди́т, подро́стковый! не рек. подро́стко́вый.

Эта помета может иметь дополнительную характеристику **«устаревшее» (не рек. устар.)**. Варианты, имеющие эту помету, представляют собой бывшую норму. Сегодня они находятся за пределами нормы, например: заве́ртит! не рек. устар. заверти́т; отбукси́ровать! не рек. устар. отбукси́рова́ть; переосмы́сление!

не рек. устар. переосмы́сление; украи́нцы! не рек. устар. украи́нцы.

2) **«неправильно» (неправ.)** — догово́ренность! неправ. догово́ренность, инже́неры! неправ. инже́нера́, ку́хонный! неправ. кухо́нный; отку́порить! неправ. отку-по́рить; ходата́йство! неправ. ходата́йство; ядро́вый! не-прав. ядро́вый.

Всем, чья речь должна быть образцовой, не следует употреблять варианты, имеющие запретительные пометы.

Итак, можно сделать вывод, что возникновение вариантов ударения в современном русском языке — закономерное, объективное явление, отражающее процессы, происходящие в языке, которые поддерживаются речевой практикой. Это явление не зависит от воли и желания отдельных носителей языка. Источники изменения орфоэпических норм различны: живая, разговорная речь; местные говоры; просторечие; профессиональные жаргоны и другие языки.

Варианты норм произношения и ударения отражаются в словарях современного литературного языка: орфоэпических, толковых, словарях ударений, словарях — справочниках, а также в специальных лингвистических исследованиях, например, в книге Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение». Эти словари и справочники помогут избежать нежелательных ошибок в речи, покажут условия употребления того или иного варианта.

Показатели различных нормативных словарей дают основание говорить о трёх степенях нормативности [1, с. 77]:

— **норма 1 степени** — строгая, жесткая, не допускающая вариантов;

— **норма 2 степени** — нейтральная, допускает равнозначные варианты;

— **норма 3 степени** — более подвижная, допускает использование разговорных, а также устаревших форм.

Таким образом, изменению орфоэпических норм предшествует появление их вариантов, которые реально существуют в языке на определенном этапе его развития, активно используются его носителями.

Если старую, первоначальную норму обозначить буквой А, а конкурирующий вариант буквой Б, то соревнование между ними за место в литературном языке проходит в четыре этапа и графически выглядит так [2, с. 45].

На первом этапе господствует единственная форма А, ее вариант Б находится за пределами литературного языка и считается неправильным. На втором этапе вариант Б проникает в литературный язык, считается допустимым (**помета доп.**) и в зависимости от степени его распространения квалифицируется как разговорный (**помета разг.**) по отношению к норме А или равноправный с ней (**помета И**). На третьем этапе старшая норма А теряет свою главенствующую роль, окончательно уступает место младшей норме Б и переходит в разряд устаревших норм. На четвертом этапе Б становится единственной нормой литературного языка.

1 этап Норма - А	2 этап Варианты А - Б	3 этап Варианты Б - А	4 этап Норма - Б
<p>А</p> <p>Б</p> <p><i>непр.</i></p>	<p>→ А</p> <p>→ Б</p> <p><i>доп., разг., и</i></p>	<p>↗ Б</p> <p>↘ А</p> <p><i>устар.</i></p>	<p>→ Б</p>

Следует иметь в виду, что нормы произношения — это не догма, претендующая на неукоснительное выполнение. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы. Здесь уместно вспомнить слова замечательного лингвиста Л. В. Щербы: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее». [1, с. 89]. Тем не менее любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке вариантные

формы (разговорную или профессиональную речь, диалектные отклонения и т. п.), а не произвольное желание говорящего.

Безусловно, каждый человек должен с большим вниманием относиться к чистоте и правильности своей речи, не должен забывать о языковой ответственности: именно с помощью языка передаются культурные и интеллектуальные богатства из поколения в поколение, именно хорошее владение речью дает личности возможность полно реализовать себя в профессии и творчестве; качество языковой среды свидетельствует о духовном здоровье общества.

Литература:

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: учебное пособие для вузов. 9-е изд. — Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 2004. — 544 с. (Серия «Высшее образование»).
2. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи: учебное пособие / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. — Изд. 14-е, стер. — Ростов н/Д.: Феникс, 2013. — 380 с. (Среднее профессиональное образование).
3. Новый орфоэпический словарь русского языка / Сост. Т. Ф. Иванова. — Москва, 2006.
4. Орфоэпический словарь русского языка для школьников / Сост. Михайлова О. А. — Екатеринбург, 2005.

Прецедентный феномен как объект оценки в аксиологических механизмах языковой игры в пьесах Л. С. Петрушевской

Цой Алла Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

В исследованиях, посвященных изучению особенностей современного русского текста, подчеркивается, что для современной художественной литературы, развивающейся в русле постмодернизма, характерно использование языка как материи, посредством которой выражаются основные авторские интенции [1, с. 23; 2].

В связи с этим отмечается, что одной из ярких примет современного художественного текста является языковая игра. Так, И. С. Скоропанова отмечает, что «игра с языком как вторичной и первичной знаковыми системами» оценивается как «родовое свойство постмодернизма», посредством которого осуществляется «ускользание от тоталитаризма языка», расшатывание за строго

закрепленными понятиями значений, приобретение вероятностных характеристик, новых семантических оттенков [2, с. 174]. В. Д. Черняк подчеркивает, что «практика языковых игр постмодернистов» характеризуется не только многообразием, но и принципиальной открытостью и нелинейностью и «обнаруживается в произведениях разных стилей и жанров, распространяясь или на весь текст, или на отдельные его фрагменты, что «форма слова становится объектом особого внимания автора» [3, с. 295].

Указанные принципы, безусловно, входят в художественно-эстетический арсенал Л. С. Петрушевской. Анализ драматургических произведений этого своеобразного писателя показал, что технологией пародирования,

сутью ее художественного творчества является игра с уже созданным. Первоначально эта игра исследователями ее творчества понималась очень просто: как пародирование и художественных средств, и тех стандартных содержательных смыслов, которые находили понимание у читателей. Постепенно в контексте постмодернистской эстетики это явление переосмысливается: игра в творчестве Л. С. Петрушевской не ограничивается приемами копирования, а скорее сближается с глобальной категорией философии XX в. — НОМО LUDENS (термин Й. Хейзинги) — Человеком Играющим. Таким образом, в эволюции постмодернистской эстетики писателя оказалось заложенным противопоставление (различение) двух уровней реализации категории игры: 1) игра как отдельный частный прием; 2) игра как глобальный принцип.

В соответствии с этим в драматургических произведениях Л. С. Петрушевской можно выделить два «полюса» языковой игры:

1. Когда речевые характеристики персонажей (или микротексты), чаще всего

созданные рядом реплик, выявляют авторскую языковую игру. При этом сами персонажи абсолютно это не осознают.

2. Когда сами персонажи прибегают к элементам языковой игры. Это

психологически и эстетически обосновывается тем, что, во-первых, языковая игра является обязательным и актуальным элементом живой разговорной речи; во-вторых, несмотря на довольно распространенное мнение о том, что Л. С. Петрушевская в своих пьесах обращается к «языку улиц» и, по мнению ее «ранних» критиков, даже заполняет сцену мусором вульгарной разговорной речи, на самом деле, как уже отмечалось в ряде исследований [6], язык пьес Л. С. Петрушевской обладает чрезвычайно яркой интертекстуальностью. Иначе говоря, источником языковой игры драматурга является не только живая русская речь, но и, как показали результаты проведенного нами анализа языкового материала, мощные литературные традиции, в том числе и связанные с игрой «чужим словом», с прецедентными феноменами.

В связи с вышесказанным рассмотрим следующие примеры.

Ср.: 1. «ПЕЛЬШЕ. И с тех пор нас не пускали поэтому внутрь. Из-за траура. Но вчера была свадьба, старая королева *Гертруда*, вдова старика *Гамлета*...

ЗОРГЕ. ... мы ее называем *герой труда*, вышла замуж за молодого брата короля, мы его называем *Клавдея*».

(«Гамлет. Нулевое действие»)[4, с. 252]

2. «КОЛОМБИНА. Я, как председатель комиссии по борьбе... по работе с молодыми открываю заседание комиссии. Мы вызвали молодого специалиста *Пьеро*, который обратился в комиссию с заявлением, что он целый год вынужден играть котика с усами, а усы все время воруют. Мы также вызвали на заседание бюро комиссии режиссера *Арлекина Ивановича* с просьбой ответить на это заявление в присутствии всех присутствующих.

АРЛЕКИН. А никого нет! Нет кворума.

КОЛОМБИНА (показывая на зрителей). Это у вас нет, а у нас есть. Что вы можете ответить? Люди ждут!

АРЛЕКИН. Дальнейшее покажет будущее.

КОЛОМБИНА. Вы можете идти, *Пьеро*. Всего наилучшего. Если будет еще что, заходите. (Арлекину.) Остальных гениальных просьба задержаться».

(«Квартира Коломбины»)[5, с. 253–254]

В двух приведенных примерах в основе механизмов языковой игры выступают «прецедентные феномены»: обыгрываются имена известных литературных персонажей и исторических личностей — *Пельше, Зорге, Гертруда, Гамлет, Клавдий, Арлекин, Коломбина, Пьеро*. В результате обыгрывания прецедентных имен, «приращения» к ним современных реалий (Арлекин + Иванович, Коломбина + квартира, Гертруда = герой труда) осложняется субъектный план данных диалогов в связи с особым типом диалогичности, являющегося результатом взаимодействия двух режимов — диалогического и нарративного, обусловленных двумя референтными планами: референцией к внеязыковой ситуации и непосредственно к самой ситуации общения. Это создает предпосылки для взаимодействия и взаимобратимости как субъектных уровней диалога, так и составляющих каждого из этих уровней.

В первом примере обыгрывается имя литературного персонажа *Гертруда* как «герой труда». В результате такой «ложной этимологизации» сталкиваются разновременные стереотипы культурного и бытового сознания в структуре драматургического текста: «Гертруда, вдова старика Гамлета» (средневековая эпоха; пьеса В. Шекспира «Гамлет») — «герой труда» (советская эпоха; официально-деловой стиль). Столкновение разных временных пластов, разных традиционных культурных ценностей и стилей рождает языковую игру, в результате которой возникают новые глубинные смыслы и их оценки.

Рассмотрим более подробно второй пример. Диалогический режим в данном примере представлен на двух уровнях: с одной стороны, на уровне диалога непосредственно персонажей пьесы (*Коломбина, Арлекин Иванович*), с другой стороны — на уровне второго диалога, наслаивающегося на первый, — персонажа (*Коломбина*) и зрителей в зале, о чем свидетельствует ремарка (*показывая на зрителей*). Нарративный режим реализован в тех ассоциациях, которые связаны с именами таких литературных персонажей, как *Коломбина, Пьеро и Арлекин*. Обращенность имен персонажей к указанным аспектам диалогического режима и, одновременно, к нарративному режиму позволяет утверждать, что природа этих номинаций двойственна. Другими словами, уже в рамках этих имен происходит столкновение двух разнотипных ассоциаций, в результате которого возникает ситуация многослойного оценивания. Так, первый уровень оценивания представлен такими компонентами, как ремарка, персонажи пьесы как *объекты оценки (Коломбина и Арлекин Иванович)*, а также имена известных персонажей итальянской комедии дель арте — *Коломбина, Пьеро и Арлекин* как *мерила оценивания*. Субъектами оценивания при этом выступают автор текста и его адресат — читатель. Второй уровень — включает

в себя в качестве *субъекта оценивания* персонаж (Коломбина) и зрителей в зале; *объектом же оценки* выступает непосредственно современный театр с его проблемами, актерами, а также режиссер *Арлекин Иванович*, к которому непосредственно относится заключительная реплика *Коломбины*: «...остальных гениальных просьба задержаться»; а *мерилом оценивания* выступает «*кворум*», подразумевающий наличие достаточно большого количества зрителей в зале. На этом уровне оценивания сталкиваются два стереотипа современного языкового сознания: выхолощенный, протокольный и живой, разговорно-бытовой, что обнажает глубокую авторскую иронию. Третий уровень оценивания включает *субъектов оценивания* — персонажей пьесы (*Коломбина, Арлекин Иванович*), которые попеременно меняются ролями: из *субъектов оценивания* превращаются в *объекты оценки* и наоборот. Наряду с этим персонажи выступают и как *мерила оценивания* современного театра. Проиллюстрируем это еще на одном примере, ср.:

«Пьеро (*капризно*). Я хочу сыграть Гамлета.

Коломбина. Гамлет — это возрастная роль.

От пятидесяти.

Пьеро. А тогда я хочу сыграть Ромео.

Коломбина. Ишь какой! Я играю Джульетту, а он сразу

Ромео! Да я, чтобы пробиться, семнадцать лет ждала эту роль! Нашелся какой Ромео.

Ромео — возрастная роль.

Пьеро (*капризно*) А я хочу Ромео!

Коломбина. Ну давайте порепетируем.

(«Квартира Коломбины») [5, с. 247–248]

Перед нами *ситуация оценки*, которая реализуется на *трех субъектных уровнях*: *первый уровень* — автор текста — адресат/читатель; *второй* — автор/режиссер-постановщик — адресат/зритель; *третий* — автор/персонаж — адресат/персонаж. Перечисленные субъектные уровни являются результатом взаимодействия двух режимов: *речевого* и *нарративного*. Каждый из перечисленных субъектных уровней организуется соотношением обязательных его составляющих. В речевом режиме это *говорящий* (*Пьеро*), его *собеседник* (*Коломбина*) и тот *объект*, о котором идет речь (*роль Гамлета, Ромео и Джульетты*). В нарративном режиме это *автор текста, адресат/читатель* и *сам текст*. Следует отметить, что в данном диалоге наблюдается взаимодействие и принципиальная взаимобратимость составляющих в каждой из названных ситуаций. Так, в речевом режиме говорящий (*Пьеро*) и его собеседник (*Коломбина*) постоянно меняются ролями, а в соответствии с этим *объект диалога* поворачивается разными своими сторонами и по-разному осмысливается. В свою очередь, и в нарративном режиме автор текста может стать *объектом оценки* с точки зрения читателя / зрителя, а *объект оценки* — культурные стереотипы (*Гамлет, Ромео и Джульетта*) — *мерилом оценивания*.

Вместе с тем проиллюстрированная данным примером *ситуация многослойного оценивания* предполагает возможность ее прочтения в терминах воздействия,

включающего *субъекты и объекты воздействия*, которые также могут меняться ролями как в речевом, так и нарративном режимах. Так, *Пьеро*, который, видимо, понимает, что он недостаточно талантлив и поэтому ему не суждено сыграть заметных ролей, хочет получить от *Коломбины* подтверждение обратного, о чем свидетельствуют дважды повторенная ремарка «капризно», усиленная трижды повторенным императивом «хочу». В свою очередь, *Коломбина*, видимо понимая переживания *Пьеро* и то, насколько для него это важно, пытается, в свою очередь, воздействовать на него, переводя каждый раз разговор в иную плоскость (это, в частности, обсуждение возраста актера, его актерского стажа и опыта), тем самым оставляя ему надежду на то, что талантлив и вполне способен сыграть роли такого масштаба.

Следует отметить, что сама ситуация воздействия также *многослойна*. Она прослеживается в структуре приведенного примера, который в смысловом отношении может быть разделен на три фрагмента.

В первом фрагменте диалога актуализируется смысл, лежащий на поверхности, ср.: *Гамлет — это возрастная роль. От пятидесяти* — это при том, что возраст актера должен соответствовать возрасту литературного персонажа, роль которого он исполняет.

Во втором фрагменте понятие «возрастная роль» связывается с тем, что обычно заслуживается, ср.: *Ишь какой! Я играю Джульетту, а он сразу Ромео! Да я, чтобы пробиться семнадцать лет ждала эту роль. Ромео — возрастная роль; Джульетта — престижная роль.*

Третий фрагмент проясняет истинное положение вещей: ни *Пьеро*, ни *Коломбине* не суждено сыграть больших ролей. В последнем фрагменте примера «правда искусства» уступает «правде жизни».

Таким образом, ситуация оценки, включающая *субъектов воздействия*, являющихся одновременно *объектами оценки*, и *объектов воздействия*, вступающих, в свою очередь, одновременно в роли *субъектов оценивания* и *объектов оценки*, реализуется одновременно на трех разных *субъектных уровнях* данного драматургического диалога. В результате такой *взаимобратимости субъекты оценивания, объект оценки, оценка* непосредственно сама и *точка зрения* становятся началом координат «новых оценок», «новых смыслов»: литературные персонажи *Гамлет, Джульетта, Ромео*, а также *Пьеро и Коломбина*, ставшие стереотипами культурного сознания, прецедентными феноменами (первая оценка), предстают как *мерила оценивания* (вторая оценка). Так, диалогический режим «переключается в режим нарративный, авторский».

Таким образом, анализ языкового материала пьес Л. С. Петрушевской позволяет сделать следующие выводы:

— Для Л. С. Петрушевской прецедентный феномен (стереотип, стандарт, типовая ситуация) — это всего лишь оболочка, близкая и обманчивая в своей безликости, за которой скрывается истинная суть личности, ситуации, событий. Прорвать эту оболочку, обнажить неожиданное (правду жизни) — одна из художественных задач писателя.

— Стандарт, клише, с одной стороны, не приемлется Петрушевской; с другой стороны, без него существование пьесы как литературного жанра невозможно, особенно в современном мире, когда клише и стандарты закреплены не только в театре, но и в кино, на телевидении и в целом в роли и речи современного человека.

— Указанное противоречие в эстетике Л. С. Петрушевской разрешается введением в авторскую модель мира многофункционального игрового начала.

Во-первых, игра — эта суть драматургии. Во-вторых, именно игровое начало позволяет, с одной стороны, демонстрировать жесткую сетку стандартов, типовых и обязательных ситуаций, легко включает в себя набор обязательных правил; с другой стороны, именно игра обнажает необычное в обычном, открывает незнакомое в знакомом, предоставляет практически неограниченные возможности проявления творческого начала в условиях следования жестким правилам и стереотипам.

— Стремление к разрушению стандартов и клише, обесмысливающих реальный мир, на уровне собственно диалогических механизмов, находит отражение в том, что диалог как средство коммуникации и обмена информацией превращается в процесс дискommunikации, разрушения и потери информации.

— Все указанные аспекты мировидения и мироконструирования Л. С. Петрушевской не только обусловили и обосновали обращение драматурга к языковой игре как существеннейшей черте её языковой поэтики, но и буквально «вынудили» автора опереться на игровой принцип построения авторской модели мира как одного из общих принципов языковой эстетики, так и как частного приема организации текста.

— Одним из существенных составляющих механизмов языковой игры в пьесах Л. С. Петрушевской является объект оценки, в роли которого выступают прецедентные феномены.

Литература:

1. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Особенности понимания современного русского текста // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. в честь профессора С. Г. Ильенко. — СПб., 1998.
2. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. — СПб., 2001.
3. Черняк В. Д. Языковые процессы в литературе конца столетия // Тимина С. И., Васильев В. Е., Воронина О. Ю. и др. Современная русская литература (1990-е гг. — начало XX в.). — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
4. Петрушевская Л. Измененное время: рассказы и пьесы. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005.
5. Петрушевская Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес. — М.: Искусство, 1989.
6. Тименчик Р. Ты — что? Или Введение в театр Петрушевской // Петрушевская Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес. — М.: Искусство, 1989.

МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Стилистические приемы как средство усиления прагматического эффекта текста (на материале предвыборных выступлений Барака Обамы)

Борисенко Кристина Геннадьевна, магистрант
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

В последнее время особое внимание лингвистов привлекает изучение политического дискурса и жанра предвыборной речи. Об этом свидетельствуют такие работы как, «Анализ политического дискурса: подходы и категории» Т. И. Красновой, «Категория выразительности в президентской коммуникации» и «Фатическая составляющая политической коммуникации (на материале президентского дискурса)» [3], О. В. Спиридовского [4, 5], «Политический слоган как речевой жанр с точки зрения прагмалингвистики» Л. Н. Селиверстовой [3], «Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации» Ж. Баганы и Э. А. Бочаровой и т. п.

Т. И. Краснова в своей статье освещает общие вопросы когнитивно-семантического направления дискурс-анализа, предлагая рассматривать политический дискурс в качестве специфического объекта лингвистических исследований в парадигме когнитивистики и культурологии, отличительной особенностью которой является социально-деятельностная ориентация и ментальная обусловленность процесса идеологического означивания в структурах «политических дискурсов социума». Кроме того, данная парадигма обладает своим категориальным аппаратом, отличающимся от традиционно лингвистического.

В статье О. В. Спиридовского «Категория выразительности в президентской коммуникации» раскрываются языковые способы воплощения категории «выразительность» в президентском дискурсе Соединенных Штатов Америки. Автор на примере синтаксических средств доказывает, что функцией образуемой языковыми способами системы является прежде всего воздействие на избирателя в условиях политических гонок, и только во вторую очередь — собственно придание выразительности сообщению.

Л. Н. Селиверстова рассматривает понятие речевого жанра с точки зрения лингвистической прагматики как единицы дискурса.

В статье Ж. Баганы и Э. А. Бочаровой предвыборный политический дискурс рассматривается как речевой жанр, который является сложным коммуникативным событием

и одновременно — вербальным оформлением этого коммуникативного события, и имеет определенный ролевой и состав участников, отличается публичностью и официальнойностью. В качестве примера предвыборного политического дискурса авторы приводят публичное выступление кандидата на пост президента по случаю его выдвижения одной из партий. Такая речь содержит в себе побуждения и призывы к действиям, отражает убедительную позицию адресанта и отличается особым эмоциональным настроением.

Прагматика (от греч. *πρᾶγμα*, род. п. *πρᾶματος* — дело, действие) — область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Исследованиями в области лингвистической прагматики занимались такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Д. Вандервекен, Х. П. Грайс, Т. А. ван Дейк, В. И. Заботкина, И. М. Кобозева, С. Левинсон, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, И. П. Сусов, Ю. С. РЧ. Столнейкер, Д. Хаймз и др.) В качестве синонимичных понятию «прагматика» в лингвистике употребляются также понятия «прагмалингвистика» и «лингвистическая прагматика». За этими определениями скрывается область лингвистических исследований, объектом которых выступает отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом контексте, в котором взаимодействуют адресат и адресант сообщения. Для характеристики данного отношения имеет большое значение пространственно-временной контекст, в рамках которого происходит речевое взаимодействие, а также, цели и ожидания коммуникантов. В. Дресслер считает, что прагматика текста должна иметь экстралингвистический статус и пишет, что «прагматика вообще не относится к лингвистике». [7] Тем не менее, автором отмечается прагматический смысл отдельных лингвистических элементов. Кроме того, он отмечает взаимосвязь лингвистических признаков и экстралингвистических условий.

Таким образом, под усилением прагматического эффекта текста мы будем понимать повышение воздействия содержания текста на воспринимающего за счет

лингвистических и экстралингвистических средств. В данном случае в качестве такого средства будут выступать стилистические приемы.

Под стилистическими приемами понимается разновидность риторического приема, которая основана на прагматически мотивированном отклонении от языковой нормы, ее стилистически нейтрального варианта или речевой нормы.

К основным стилистическим приемам, распространенным в политическом дискурсе и усиливающим прагматическое воздействие текста, можно отнести метафору, эпитет, гиперболу, повторение, анадиплосис, анафору, антитезу, риторические вопросы и т. д.

Интерпретационно-текстовый анализ публичных речей (25 единиц) Б. Обамы за 2009–2016 гг. позволил нам определить доминантные языковые средства, отображающие его идиостиль. Эти средства можно подразделить на 3 категории: грамматические, лексические и синтаксические.

1. Грамматические особенности в речах бывшего американского президента Б. Обамы воплощаются в употреблении:

- а) личных местоимений;
- б) притяжательных местоимений;
- в) вводных конструкций;
- г) модальных глаголов.

А. Личные местоимения I/we Б. Обама зачастую использует с целью выражения своей любви к Родине. Примером является цитата Б. Обамы: «We remain more than a collection of red states and blue states. We are and forever will be the United States of America» [10].

Б. Притяжательное местоимение our выполняет в публичных речах объединяющую функцию: «Our nation is at war against a far-reaching network of violence and hatred. Our economy is badly weakened. Our health care is too costly, our schools fail too many» [9].

В двух вышеперечисленных примерах мы также видим употребление такого стилистического приема, как анафора. Данные примеры свидетельствуют о стремлении оратора показать свою сопричастность с народом, транслировать им идею о том, что они и он — одно целое, вместе, заодно и т. д. и т. п. В данном случае за счет употребления анафоры усиливается прагматический эффект от сказанного. Повтор в этой ситуации выполняет функцию усиления.

В. В выступлениях президента встречается широкое использование модальных глаголов will, can, need, must наряду с местоимением we. Рассмотрим на примере фрагмента первой инаугурационной речи Б. Обамы: «... And we must be a source of hope to the poor, the sick, the marginalized, the victims of prejudice — not out of mere charity, but because peace in our time requires the constant advance of those principles that our common creed describes: tolerance and opportunity, human dignity and justice». В приведённом выше примере употребление личного местоимения we в сочетании с модальным глаголом must осуществлено с целью выражения значимости американских граждан в решении государственных проблем, их сопричастности ко всем происходящим в стране

событиям. Модальный глагол must, обозначающий категорию долженствования, призван пробудить в слушателях чувство гражданского долга, ощутить себя частью единого целого (родины, государства и т. д.). Примечательно, что в большинстве речей крупных политических деятелей употребляются схожие приемы, направленные на мнимое объединение их и простых граждан. Каждое слово призвано повествовать о том, что политик и народ «плывут в одной лодке», имеют схожие цели и ценности. В этом заключается не только прагматический, но и манипулятивный эффект стилистических приемов.

Г. Вводные слова as you know, obviously, so используются с целью удержания внимания слушателя: «And so, to all the other peoples and governments who are watching today, from the grandest capitals to the small village where my father was born, know that America is a friend of each nation, and every man, woman and child who seeks a future of peace and dignity. And we are ready to lead once more» [8].

2. Лексические особенности в речи Б. Обамы представлены широким использованием такого стилистического приёма, как метафора (tumultuous decades, difficult past), фразеологических единиц («live and learn», «nothing is impossible to a willing heart», «future filled with hope», «I beg to differ», «against the clock», «come into action», «affair of honor», «better untaught than ill taught»), паремий («A government of the people, by the people and for the people»), политических лозунгов («Yes, we can», «Change we can believe in», «Change can happen», «One voice can change the world», «Vote Obama» «Organizing for America», а также обращением к прецедентным феноменам («We are the party of Roosevelt»)[10].

Метафоры в политическом дискурсе прежде всего выполняют функцию сдвига значения с существующего в сторону необходимого выступающему. Обилием метафор характеризуются речи политических деятелей, стремящихся изменить отношение народа к тому или иному явлению, оказать влияние на их мнение. Паремии выполняют в политическом дискурсе когнитивные функции, являясь, с одной стороны, его организующими элементами, с другой — способствуя его интерпретации. Использование фразеологических единиц способствует установлению контакта с аудиторией, способствует формированию эмоционального отношения к выступающему — обилие фразеологизмов как правило свойственно речи харизматических лидеров.

3. Синтаксические особенности речей Б. Обамы заключаются в сложной синтаксической организации предложений. Речь президента организована сложными синтаксическими конструкциями, которые, в свою очередь, обеспечивают понимание адресованной информации.

Обобщая результаты проведенных исследований, мы пришли к выводу, что публичные речи Б. Обамы построены на конвергенции разнообразных риторических средств, широком инструментарии аргументативных приёмов, использовании лексических единиц с эмоционально-экспрессивной и пейоративной коннотацией.

Для речи Б. Обамы характерно частое употребление следующих стилистических приемов:

инверсии, риторического вопроса и повтора (анафоры). Употребление инверсии создаёт стилистический эффект импровизированной речи и акцентирует внимание слушателей на определённом слове или словосочетании. Рассмотрим, каким образом это происходит, на примере фрагмента выступления: «More than citizens of any other country, we are rugged individualists, a self-reliant people with a healthy skepticism of too much government [10].

Общеизвестно в стилистике речи, что в публичных выступлениях риторические вопросы выполняют функцию повышения экспрессивности речи, эмоционального формулирования проблемы, что способствует концентрации на ней внимания слушателя. Рассмотрим употребление риторической фигуры на примере фрагмента речи Б. Обамы: «Up to 50 million Americans have to lose their health insurance in order for us to reduce the deficit. And who are those 50 million Americans? [10].

Одним из средств выразительности в публичных речах политика выступает повтор (обрамление, анадиплосис, эпифора). «We believe and make it sure that everyone should have the opportunity to have a job, that's something we believe in; we believe that no one should get bankrupt when they get sick and that everyone should have access to healthcare, that's something we believe... We believe in foreign policy that... That's what we believe» [10]. Повторы усиливают выразительность речь, придают выступлению Б. Обамы эмоциональность и зрительную впечатлительность.

Усиление прагматического воздействия в предвыборных выступлениях Б. Обамы достигается за счет

привлечения внимания слушателей к нужной информации путем многократного повторения одной и той же фразы, тщательного подбора лексики и лингвистических приемов, а также апелляция к чувствам и эмоциям аудитории. Такая апелляция выступает в выступлениях бывшего президента США в качестве основной аргументации и формируется подбором определенной, нередко стилистически окрашенной, лексики и включением в текст сообщения информации, отображающей систему ценностей аудитории — религиозных, национально-культурных и социальных. Таким образом, Б. Обама предстает в глазах аудитории как личность грамотная, мудрая, красноречивая, способная вызвать у общественности эмоции и привлечь их внимание.

Интерпретационно-текстовый анализ языковой личности Барака Обамы позволяет сделать вывод о том, что публичные речи американского политика построены на конвергенции стилистических приёмов (грамматических, лексических, синтаксических), которые позволяют апеллировать как к сознанию, так и к эмоциональной сфере слушателей, тем самым усиливая прагматический эффект от выступлений. К грамматическим средствам относятся употребление личного и притяжательного местоимений, модальных глаголов и вводных слов. Лексическими средствами формирования идиостиля Б. Обамы выступают метафоры, фразеологические сочетания, паремии, политические лозунги. Синтаксическими средствами организации публичных речей президента служат риторические вопросы, разные виды повторов (обрамление, анадиплосис, эпифора).

Литература:

1. Багана Ж., Бочарова Э. А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predvybornyy-politicheskiy-diskurs-kak-osobaya-sfera-kommunikatsii> (дата обращения: 24.03.2017).
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 350 с.
3. Краснова Т. И. Анализ политического дискурса: подходы и категории. Политическая лингвистика 2 (44) '2013. Спб, 2013
4. Селиверстова Л. Н. Политический слоган как речевой жанр с точки зрения прагмалингвистики // Вестник ТИУиЭ. 2014. № 1 (19). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-slogan-kak-rechevoy-zhanr-s-tochki-zreniya-pragmalingvistiki> (дата обращения: 24.03.2017).
5. Спиридовский О. В. Категория выразительности в президентской коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 168—173.
6. Спиридовский О. В. Фатическая составляющая политической коммуникации (на материале президентского дискурса) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 116—121.
7. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. — Tübingen, 1973, — S. 93.
8. Inaugural Address by President Barack Obama [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>
9. Remarks by the President on Election Night [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/11/07/remarks-president-election-night>
10. Remarks by the President on Fiscal Policy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/04/13/remarks-president-fiscal-policy>

Социокультурное и межкультурное измерение языкового обучения и преподавания

Холжигитова Дилбар Баходир кизи, студент

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Язык как социальное явление впервые был описан Фердинандом Се Соссюром, который утверждал, что предоставление только исторического описания языков (как это было в свое время) не должно быть единственным подходом к этой сложной сущности. Он утверждал, что важную информацию о языке можно получить от его обычных пользователей, которые в большинстве случаев не обладают практически теоретическими знаниями об их родном языке и все же являются компетентными ораторами. Более того, по мнению Соссюра, использование языка отражает современную структуру, которая должна позволить синхронистический анализ языка (язык, используемый в данный момент времени) в дополнение к диахроническому анализу, связанному с прошлыми лингвистическими формами. Социальный аспект использования языка, или речи, был назван условно-досрочным освобождением Соссюром, в то время как базовые знания лингвистической структуры были известны как язык.

Таким образом, развитие межкультурного измерения в преподавании языка предполагает признание того, что целью является: предоставить учащимся межкультурную компетентность, а также лингвистическую компетентность; Подготовить их к взаимодействию с людьми других культур; Чтобы они могли понимать и принимать людей из других культур как индивидов с другими отличительными перспективами, ценностями и поведением; И помочь им увидеть, что такое взаимодействие является обогащающим опытом. Когда два человека разговаривают друг с другом, они не просто разговаривают друг с другом, чтобы обмениваться информацией, они также видят другого как человека и как человека, принадлежащего к определенной социальной группе, например, «работник» и «работодатель», Или «учитель» и «ученик». Это влияет на то, что они говорят, как они говорят, на какой ответ они ожидают и как они интерпретируют ответ. Другими словами, когда люди говорят друг с другом, их социальная идентичность неизбежно является частью социального взаимодействия между ними. В преподавании языка понятие «коммуникативная компетентность» учитывает это, подчеркивая, что изучающие язык должны приобретать не только грамматическую компетентность, но также знание того, что является «соответствующим» языком.

Когда два человека в разговоре из разных стран говорят на языке, который является иностранным / вторым языком для одного из них, или когда они оба говорят на языке, который чуждо им обоим, *lingua franca* они могут остро осознавать Их национальной идентичности. Они знают, что по крайней мере один из них говорит на иностранном языке, а другой слышит их собственный язык, на котором говорят иностранцы. Часто это влияет на то, что они говорят и как они говорят, потому

что они видят другого человека как представителя страны или нации. Тем не менее этот акцент на национальной идентичности и сопутствующий риск зависимости от стереотипов сводит человека от сложного человека к человеку, который рассматривается как представитель страны или «культуры».

Кроме того, это упрощение подкрепляется, если предполагается, что изучение языка предполагает становление как человек из другой страны. Нередко в обучении языку подразумевается подражание носителям языка как в лингвистической компетенции, так и в знании того, что такое «соответствующий» язык, а также в знании о стране и ее «культуре». Понятие «культура» со временем изменилось с упором на литературу, искусство и философию на культуру как на общий образ жизни, но идея подражания носителям языка не изменилась, и поэтому носители языка считаются экспертами, а Модели и учителя, которые являются носителями языка, считаются лучше, чем не-носители. В противоположность этому «межкультурное измерение» в преподавании языка направлено на то, чтобы развить учащихся как межкультурных ораторов или посредников, способных взаимодействовать со сложностью и множественными идентичностями и избегать стереотипов, сопровождающих восприятие кого-либо через одну личность. Он основан на восприятии собеседника как личности, чьи качества должны быть обнаружены, а не как представитель внешне приписываемой идентичности.

Межкультурная коммуникация — это общение на основе уважения личности и равенства прав человека как демократической основы социального взаимодействия. Таким образом, преподавание языков с межкультурным измерением продолжает помогать учащимся приобретать лингвистические компетенции, необходимые для общения в устной и письменной речи, формулировать то, что они хотят говорить / писать правильным и подходящим образом. Но он также развивает их межкультурную компетентность, то есть их способность обеспечивать общее понимание людьми с различной социальной идентичностью и их способность взаимодействовать с людьми как сложными людьми с множественными идентичностями и их собственной индивидуальностью. «Подверженность целевой культуре является абсолютной необходимостью для любого ученика / учителя. Как человек может приобрести компетентность...?» Это вопрос, который задают многие учителя, и если у них нет возможности покинуть свою страну и посетить ту, на которой говорят на целевом языке, они не видят, как они могут учить «целевую культуру». Первый ответ на это — сказать, что главная цель обучения межкультурному измерению — это не передача информации о чужой стране. Межкультурное измерение связано с:

- помочь учащимся понять, как происходит межкультурное взаимодействие,

- как социальные идентичности являются частью всего взаимодействия,
- как их восприятие других людей и других людей влияет на успех общения,
- как они могут узнать для себя больше о людях, с которыми они общаются.

Поэтому учителю не нужно знать все о «целевой культуре». В любом случае это невозможно, и на самом деле существует множество культур, связанных с конкретным языком, например, во многих странах, где французский язык используется в качестве первого языка, и в этих странах много вариаций на убеждениях, ценностях и поведении, которые разделяют люди, в других слова много культур [5]. Поэтому учитель должен попытаться разработать серию мероприятий, чтобы учащиеся могли обсуждать и делать выводы из собственного опыта целевой культуры исключительно в результате того, что они слышали или читали. Учитель может предоставить некоторую фактическую информацию, относящуюся к стилям жизни, существующим в культуре (культурах) и образцах, которым обычно следуют члены этих культур, но важно поощрять сравнительный анализ с собственной культурой учащихся. Например, взгляды иностранцев на страну обучающихся, представленные в путеводителях или в туристических брошюрах, можно сравнить с собственным опытом учащихся и взглядами на их собственную страну; Они быстро обнаружат, что есть разница. Затем их могут попросить подумать, будет ли их восприятие чужой страны такой же, как у самих жителей.

Которые активируют свои схемы и базовые знания о других странах и культурах: учащиеся выполняют роль посетителей в своей собственной стране и встречаются с другими учащимися, действующими как они сами, а не с теми стереотипами, которые ожидают посетители. Такое эмпирическое обучение является мощным средством для развития самосознания, а также восприятия других стран. Учитель может побуждать учащихся становиться более наблюдательными с точки зрения различных тонкостей культурного поведения. Ученики обязательно выйдут из этого опыта, гораздо лучше подготовленного к общению с другими межкультурными ораторами, терпимости к различиям и решения повседневных ситуаций, с которыми они могут столкнуться в чужой стране. В подобной работе нет необходимости учителю быть экспертом в других странах.

Основное внимание уделяется тому, как учащиеся реагируют на чужие и чужие взгляды на себя и как они взаимодействуют с людьми из других культур. Конечно, есть определенная фактическая информация, которая необходима учащимся в других странах, где говорят на целевом языке, но это доступно учителям в справочниках, через Интернет и так далее. Такая информация не зависит от того, были ли вы в этих странах, и фактически, когда вы посещаете другую страну, это не та информация, которую вы приобретаете. В этом отношении вопрос междисциплинарного аспекта концентрируется, чтобы подчеркнуть, что межкультурное образование не должно быть связано только с языком, но может распространяться на обмен информацией / опытом по содержательным предметам в рамках учебного плана.

Поэтому выбор тем для сравнительного изучения частично определяется существующими представлениями учащихся о других странах и культурах, а не какой-то определенной программой, которая должна представлять «правильный» взгляд на другую страну. Это означает, что никакая учебная программа по языковому образованию не должна или могла быть перенесена непосредственно из одной национальной системы в другую. Это особенно верно в отношении культурной учебной программы, которая должна быть установлена в рамках конкретной образовательной системы и, в частности, не должна отражать намерения одной или нескольких целевых культур. Социокультурный подход предлагает «альтернативную парадигму в понимании обучения и обучения» [4]. В социокультурной теории обучения и развития мышление и язык отражают и создаются, устанавливая. Социокультурный подход связывает целевой язык с бытовыми концепциями и контекстом. Бейкер (1993) пишет, что измерение само по себе «не в состоянии полностью охватить различные концептуальные измерения и категоризации... [L] тесты на ангуляцию и измерения вряд ли полностью отражают идею или теоретическую концепцию». Бейкер утверждает, что измерения и тестирование должны быть связаны с богатыми описаниями.

Изменения, кратко описанные выше в теоретической ориентации в исследованиях в области общего образования, иллюстрируют тот путь, который привел к изучению межкультурного языка для восприятия студента в его / ее социально-культурной среде с использованием целого ряда новых методов.

Литература:

1. Форум обучение английскому языку. Июль 2002 года. Том 40. Номер 3, С. 40.
2. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — Москва: Просвещение. 1991. — 323 с.
3. Рогова Г. В. Верещагина И. Н. Методика обучения английскому языку на начальном этапе средней школы. — М: Просвещение. 1988. — 185 с.
4. Richards J. C. Communicative Language Teaching Today. — Cambridge Univ. Press. 2000. — 46 p.
5. <http://www.Bankreferatov.ru>

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Morphological characteristics of numerals in English, Russian and Uzbek languages

Анорбоева Махбуба Собировна, преподаватель
 Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

If we speak about morphological characteristics, the numerals do not undergo any morphological changes, that is, they do not have morphological categories. In this they differ from nouns with numerical meaning. Thus the numerals *ten* (о'н, десять), *hundred* (yuz, сто), *thousand* (ming, тысяча) do not have plural forms: *two hundred and fifty, four thousand people*, etc., whereas the corresponding homonymous nouns *ten* (десяток),

hundred (сотня), *thousand* (тысяча) to *tens, hundreds of people (yuzlab odamlar), thousands of birds (minglab qushlar), etc.*

Numerals combine mostly with nouns and function as their attributes, usually as premodifying attributes. If a noun has several premodifying attributes including a cardinal or an ordinal, these come first, as in: *three tiny green leaves, seven iron men, the second pale little boy*, etc.

The only exception is pronoun determiners, which always begin a series of attributes:

<p style="text-align: center;">in English:</p> <p><i>his second beautiful wife;</i> <i>these four rooms;</i></p> <p>in Uzbek:</p> <p><i>uning ikkinchi go'zal rafiqasi;</i> <i>shu to'rt xonalar;</i></p> <p>in Russian:</p> <p><i>его вторая красивая жена;</i> <i>эти четыре комнаты;</i></p>	<p style="text-align: center;">in English:</p> <p><i>her three little children;</i> <i>every second day, etc.</i></p> <p>in Uzbek:</p> <p><i>uning uch kichik bolalari;</i> <i>har ikkinchi kun.</i></p> <p>in Russian:</p> <p><i>Её трое маленьких детей;</i> <i>Каждый второй день.</i></p>
---	---

If both a cardinal and an ordinal refer to one head-noun the ordinal comes first:

In English: *the first three tall girls, the second two grey dogs*, etc.

In Uzbek: *birinchi uchta bo'yi baland qizlar, ikkinchi ikkita kulrang itlar v. x.k*

In Russian: *первые три девушки, вторые серые собаки*

Nouns premodified by ordinals are used with the definite article only in English: *The first men in the moon, the third month*, etc.

When used with the indefinite article, they lose their numerical meaning and acquire that of a pronoun (another, one more), as

in English: *a second man entered, then a third*

in Russian: *вошел еще один человек, потом еще* in Uzbek: *bir kishi kirdi, keyin yana (boshqasi)*

Postmodifying numerals combine with a limited number of nouns. Postmodifying cardinals are combinable with some nouns denoting items of certain sets of things: *pages, paragraphs, chapters, parts of books, acts and scenes of*

plays, lessons in textbooks, apartments and rooms, buses or trams (means of transport), grammatical terms, etc.;

In such cases the cardinals have a numbering meaning and thus differ semantically from the ordinals which have an enumerating meaning. Enumeration indicates the order of a thing in a certain succession of things, while numbering indicates a number constantly attached to a thing either in a certain succession or in a certain set of things. Thus, *the first room* (enumeration) is not necessarily *room one* (numbering), etc. Compare: *the first room I looked into was room five, (men qaragan birinchi xona beshinchi xona edi) or the second page that he read was page twenty-three (u o'qigan ikkinchi sahifa yigirma uchinchi bet edi)*, etc.

Postmodifying ordinals occur in combinations with certain proper names, mostly those denoting the members of well-known dynasties: *King Henry VIII — King Henry the Eighth, (Qirol Genrix VIII — Qirol Genrix sakkizinchi), Peter I — Peter the First*, etc. (Pyotr I — Pyotr birinchi)

As head-words modified by other words numerals are combinable with:

1) prepositional phrases: *the first of May, one of the men, two of them (birinchi May, kishilardan biri, ularning ikkisi)*, etc. If we translate these prepositional phrases into Uzbek, we use not prepositions, but case suffixes like -ni, -ning, -ga, -da, -dan etc.

2) pronouns: *every three days, all seven, each fifth, (har uch kun, yettovi, har beshinchisi yoki beshtadan biri)* etc.

3) adjectives: *the best three of them, the last two weeks, etc. (uchtasidan eng yaxshisi, oxirgi ikki hafta)*

4) particles: *just five days ago, only two, only three books, he is nearly sixty*, etc. (*besh kun oldin holos, faqatgina ikki, faqat uch kitoblar, u deyarli oltmishda v. x.k*)

The numeral *first* may combine with the particle *very*: *the very first of them. (ulardan (ning) eng birinchisi)*

When they have the function of subject or predicative the numerals are combinable with link verbs, generally the verb to be:

<i>ten were present, o'ntasi bor edi</i>	<i>we are seven, biz yettitamiz</i>
<i>the first was my father, birinchisi mening dadam edi</i>	<i>she is the second, u ikkinchisi</i>

Occasionally they are combinable with some other link verbs:

<i>two seemed enough, ikkita etarli tuyulardi,</i>	<i>the third appeared to be wounded, uchinchisi yaralangan ko'rinardi</i>
--	---

References:

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языка. — М.: Физматлит, 2005.
2. Башкирцева О.А. Когнитивная основа семантической структуры слова: дис..... канд. филол. наук. — Красноярск, 2011.
3. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики, 2004.
4. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко- лексикологического исследования / Вопросы языкознания, № 1, 1995.

Проблемы использования эквивалентов при переводе текстов

Зулфикорова Азизахон Баходир кизи, студент
 Гулистанский государственный университет (Узбекистан)

Теория перевода в Узбекистане имеет глубокие корни. Ещё в тридцатые годы двадцатого столетия С. Хусайн, М. Даврон, М. Салье, С. Сиддик успешно разрабатывали проблемы теории перевода. Так С. Хусайн ввёл в теорию перевода понятие «переводящий язык» и предлагал переводчикам в области художественного перевода переводить так, «что если Руставели был узбеком и создал свою поэму «Витязь в тигровой шкуре» на узбекском, то написал бы её именно так». То есть он требует от переводчиков осознания того, что дух оригинала произведений должен быть полностью передан в переводе не только с его достоинствами, но и вместе с его ошибками и недостатками. С. Сиддик тоже в своих исследованиях склоняется к мысли, что при переводе особо важен творческий подход, который требует больших знаний, огромной любви к своей работе и кропотливости, не допускающей вольностей в переводе. Мы знаем, что художественный перевод-это творческая работа, которая имеет свои правила. В переводе большую преграду создают эквиваленты и их использование с условием, чтобы не было искажения текста оригинала. Норма эквивалентности перевода предусматривает большую общность содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими

нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода [1, с. 126].

В узбекском языке слово «опа» общепринято означает «старшая сестра», но в народе такое же обращение может быть и к родной матери, и просто к женщине старшей по возрасту, не имеющей какого-либо родства к обращаемому. Но при переводе на английский язык «опа» переводится как «sister», то есть как сестра. В этом переводе даже нельзя определить о старшей сестре или о сестрёнке идёт речь. А обращение «Лола опа» может означать не обращение к родной сестре, как «sister Lola», а просто обращение к старшей по возрасту. Поэтому применяются дополнительные слова, чтобы передать точность образа. Слово «юлдуз», означающее «звезда» употребляется в узбекском языке ещё как женское имя. Предложение «Юлдузлар кеч чикди» дословно переводится как «Звёзды появились поздно» — «Stars appeared later», но может означать, что «девушки по имени Юлдуз вышли поздно (откуда-то)» — «Girls named Yulduz came late». Если не изучить полностью весь переводимый текст, то это может привести к неточному, а иной раз ошибочному переводу. Если нужно перевести узбекскую идиому «оқ йўл» её словарным подобием, то мы бы имели

перевод «белая дорога» на русском языке или «white way» на английском, что не передаёт правильное выражение идиомы, которая означает «доброго пути» — «Bon voyage». Идиома «қўз тегди» дословно означает «глаз задел», что не передаёт правильного значения, которое в правильном контексте означает «сглазили» — «jinxed». Опять же найти правильное слово при переводе на английский язык доставляет неудобства при переводе текста. Значит в этом случае мы должны искать не дословный перевод, а слово, передающее точное содержание идиомы.

Такая же проблема возникает при переводе текстов стихотворений и газелей великих поэтов. Вот строки из газели Машраба:

Неча кундур бу кўнгул муштоки дийдор эрур,
Ўргулай, эй дилбари ширин забоним, қайдасан.
Ташналабдур Машрабинг, бўлди юраки ҳам кабоб,
Фурқатингда, эй менинг ороми жоним, қайдасан.

Дословный перевод:

Уж сколько дней, пылая сердцем,
Зову тебя: вернись, приди!
Кружиться буду над тобою,
Как мотылёк, о где же ты,
Обуглилась душа Машраба и сердце стало шашлыком
Страшна разлука, как пустыня... я изнемог... О где же ты.

Здесь мы наблюдаем ошибку при переводе идиомы «юрагим кабоб бўлди». Естественно, чтобы создать эквивалентность текста мы не должны отходить от первоначального текста, но это не должно заканчиваться полным абсурдом при переводе. Теперь представим как это будет звучать при переводе на английский язык, если мы не будем придерживаться правила правильной передачи содержания текста. «Heart became kebab» — дословный перевод не только не передаёт состояния поэта, но и доводит содержание газели до комического состояния. Сама строка «обуглилась душа Машраба» в этом переводе поясняет сложившуюся ситуацию.

Литература:

1. Комиссаров И. Н. Современное переводоведение. М., 2001.
2. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода. М., 2008.

О стандартах, используемых при переводе научно-технической литературы и документации

Паршина Татьяна Вячеславовна, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Перевод научно-технической литературы и документации осуществляется в строгом соответствии с требованиями стандартов, нормативных и справочных источников.

Ключевые слова: перевод научно-технической литературы и документации, стандарты, международное обозначение, русское обозначение, термин, понятие, эквивалент на английском языке

Перевод научно-технической литературы и документации осуществляется в строгом соответствии

Теперь перейдём к анализу перевода 18-й сонеты Вильяма Шекспира.

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate.
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date.

В тексте дословный перевод «грубый ветер» заменяем на «бурю» и это звучит более лиричнее при переводе. Перевод этой сонеты более удачен у С. Маршака.

Сравню ли с летним днём твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
и так недолговечно лето наше!

Кроме этого при переводе с узбекского на английский возникают препятствия в условиях применения чисто национальных слов и терминов, не употребляемых в других языках. Например, «андиша қилмоқ» не имеет прямого эквивалента, полностью передающем суть словосочетания. Это словосочетание связано с менталитетом народа, чтобы правильно выразить его, нужно сначала изучить культуру народа. Трудность перевода состоит ещё в том, что такое слово нельзя перевести даже одним предложением, так как оно содержит в себе многие понятия, связанные именно с ментальностью народа. То есть, отказываясь в данном случае от дословного перевода, мы опять прибегаем к литературному, как к переводу, который передаёт мысли подлинника в форме правильной литературной речи [2, с. 33]. Отказ от формальной, дословной точности позволяет передать поэтический элемент текста и доносит эмоциональное состояние.

В интересах точности передачи смысла, может возникнуть необходимость переставления или замены отдельных слов и выражений на другие, подобные по смыслу. Опять же мы не должны забывать о ясности, сжатости и литературности перевода, как основных требований качественного перевода. Также, при переводе обязательно изучение условий жизни и быта, ментальности народа, с языка которого производится перевод.

с требованиями стандартов, нормативных и справочных источников, которые представляют собой

нормативно-технические документы, необходимые для обеспечения высокого качества перевода и упорядочения процесса перевода [1]. В качестве примера можно привести Систему стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу (далее — СИБИД). СИБИД объединяет в себе общетехнические и организационно-методические стандарты, регламентирующие правила предоставления данных, описания документов, функционирования библиотечных фондов, оформления печатных и электронных изданий. Стандарты системы СИБИД являются межгосударственными, то есть применяются странами Содружества Независимых Государств и имеют обозначение ГОСТ.

Рассмотрим некоторые межгосударственные ГОСТы и ГОСТы Российской Федерации.

При оформлении перевода решающими являются требования ГОСТ Р6.30–2003 «Унифицированные системы документации, Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов», 2003 года (далее — ГОСТ Р6.30–2003) [2]. ГОСТ Р6.30–2003 устанавливает

состав реквизитов документов, требования к оформлению документов, требования к бланкам документов; приводит образцы документов и справочную информацию. В частности, устанавливаются два стандартных формата бланков документов — А4 (210 x 297 мм) и А5 (148 x 210 мм). Каждый лист документа, оформленный как на бланке, так и без него, должен иметь поля не менее:

- 20 мм — левое;
- 10 мм — правое;
- 20 мм — верхнее;
- 20 мм — нижнее.

Бланки документов следует изготавливать на белой бумаге или бумаге светлых тонов.

Единицы физических величин в переводе и их международные и русские обозначения должны соответствовать ГОСТ 8.417–2002, который устанавливает единицы физических величин: наименования, обозначения, определения и правила применения этих единиц [3]. Например, основные единицы СИ (выдержка) (См. Таблицу 1), примеры производных единиц СИ (выдержка) (См. таблицу 2), пример правила написания обозначения единиц

Таблица 1. Основные единицы СИ (выдержка)

Величина		Единица			Определение
Наименование	Размерность	Наименование	Обозначение		
			международное	русское	
Длина	L	метр	m	м	Метр есть длина пути, проходимого светом в вакууме за интервал времени 1/299792458 с [XVII ГКМВ (1983 г.), Резолюция 1]

Международная система единиц (международное сокращенное наименование — SI, в русской

транскрипции — СИ) принята в 1960 г. XI Генеральной конференцией по мерам и весам.

Таблица 2. Примеры производных единиц СИ, наименования и обозначения которых образованы с использованием наименований и обозначений основных единиц СИ (выдержка)

Величина		Единица		
Наименование	Размерность	Наименование	Обозначение	
			международное	русское
Площадь	L ²	квадратный метр	m ²	м ²
Объем, вместимость	L ³	кубический метр	m ³	м ³

Пример правила написания обозначения единиц

или 5°45'28,8".

или 5°45'28",8.

При наличии десятичной дроби в числовом значении величины обозначение единицы помещают за всеми цифрами.

Применяемые в науке, технике и производстве термины и определения основных понятий в области видов, методов и показателей технического обслуживания и ремонта изделий регламентируются, в частности, ГОСТ 18322–78 [4]. Например, общие понятия (выдержка) (См. таблицу 3).

Правильно:

423,06 м; 423,06 м
5,758° или 5°45,48'

Неправильно:

423 м 0,6; 423 м, 06
5°758 или 5°45',48

Таблица 3

Термин	Определение
Техническое обслуживание	Комплекс операций или операция по поддержанию работоспособности или исправности изделия при использовании по назначению, ожидании, хранении и транспортировании.
Ремонт	Комплекс операций по восстановлению исправности или работоспособности изделий и восстановлению ресурсов изделий или их составных частей.

ГОСТ 7.32–2001 устанавливает общие требования к структуре и правилам оформления научных и технических отчетов [5]. Стандарт распространяется на отчеты о фундаментальных, поисковых, прикладных научно-исследовательских работах по всем областям науки и техники, выполняемых научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями, высшими учебными заведениями, научно-производственными и производственными объединениями, промышленными предприятиями, акционерными обществами и другими организациями. В стандарте подробно расписывается порядок написания формул и уравнений. Так, уравнения и формулы следует выделять из текста в отдельную строку. Выше и ниже каждой формулы или уравнения должно быть оставлено не менее одной свободной строки. Если уравнение не умещается в одну строку, то оно должно быть перенесено после знака равенства (=) или после знаков плюс (+), минус (-), умножения (x), деления (:) или других математических знаков, причем знак в начале следующей строки повторяют. При переносе формулы на знаке, символизирующем операцию умножения, применяют знак «X». Пояснение значений символов и числовых коэффициентов следует приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы в отчете следует нумеровать порядковой нумерацией в пределах всего отчета арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке.

Пример

$$A = a: b, \quad (1)$$

$$B = c: e. \quad (2)$$

Одну формулу обозначают — (1).

ГОСТ 2.105–95 устанавливает общие требования к выполнению текстовых документов на изделия машиностроения, приборостроения и строительства (далее — стандарт) [6]. В частности, стандарт определяет выполнение подлинников текстовых документов (технические условия, паспорта, расчеты, пояснительные записки, инструкции, спецификации, ведомости, таблицы и т. п.) одним из следующих способов:

машинописным, при этом следует выполнять требования ГОСТ 13.1.002. Шрифт пишущей машинки должен быть четким, высотой не менее 2,5 мм, лента только черного цвета (полужирная);

рукописным — чертежным шрифтом по ГОСТ 2.304 с высотой букв и цифр не менее 2,5 мм. Цифры и буквы необходимо писать четко черной тушью;

с применением печатающих и графических устройств вывода ЭВМ (ГОСТ 2.004);

на электронных носителях данных.

Если документ не имеет подразделов, то нумерация пунктов в нем должна быть в пределах каждого раздела и номер пункта должен состоять из номеров раздела и пункта, разделенных точкой. В конце номера пункта точка не ставится,

например:

1 Типы и основные размеры

1.1

1.2} Нумерация пунктов первого раздела документа

1.3

2 Технические требования

2.1

2.2} Нумерация пунктов второго раздела документа

2.3

Если документ имеет подразделы, то нумерация пунктов должна быть в пределах подраздела и номер пункта должен состоять из номеров раздела, подраздела и пункта, разделенных точками,

например:

3 Методы испытаний

3.1 Аппараты, материалы и реактивы

3.1.1

3.1.2} Нумерация пунктов первого подраздела третьего

3.1.3 раздела документа

3.2 Подготовка к испытанию

3.2.1

3.2.2} Нумерация пунктов второго подраздела третьего

3.2.3 раздела документа

В соответствии со стандартом в документах должны применяться научно-технические термины, обозначения и определения, установленные соответствующими стандартами, а при их отсутствии — общепринятые в научно-технической литературе.

Термины и определения, применяемые в различных областях науки и техники, устанавливаются рекомендациями по стандартизации, в частности, рекомендациями по стандартизации «Информационные технологии. Основные термины и определения в области технической защиты информации. Р 50.1.053–2005», утвержденными приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации от 6 апреля 2005 года № 77-ст. (далее — рекомендации по стандартизации).

Термины, установленные рекомендациями по стандартизации, рекомендуются для использования во всех видах документации и литературы по вопросам технической защиты информации при применении информационных технологий, входящих в сферу работ по стандартизации и (или) использующих результаты этих работ. Каждый термин имеет свое понятие и эквивалент на английском языке. Например, (См. таблицу 4),

Таблица 4

<p>3.1.4. БЕЗОПАСНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ [ДАННЫХ]: состояние защищенности информации [данных], при котором обеспечиваются ее [их] конфиденциальность, доступность и целостность. Примечание — Безопасность информации [данных] определяется отсутствием недопустимого риска, связанного с утечкой информации по техническим каналам, несанкционированными и непреднамеренными воздействиями на данные и (или) на другие ресурсы автоматизированной информационной системы, используемые при применении информационной технологии.</p>	<p>information [data] security</p>
--	------------------------------------

3.1.8. ЦЕЛОСТНОСТЬ (ИНФОРМАЦИИ [РЕСУРСОВ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ]): состояние информации [ресурсов автоматизированной информационной системы], при котором ее [их] изменение осуществляется только преднамеренно субъектами, имеющими на него право.	integrity
3.2.4. УТЕЧКА (ИНФОРМАЦИИ) ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ КАНАЛУ: неконтролируемое распространение информации от носителя защищаемой информации через физическую среду до технического средства, осуществляющего перехват информации.	leakage

Таким образом, следование требованиям ГОСТов позволяет переводчику надлежащим образом оформлять перевод, правильно обозначать физические величины,

прописывать формулы, выполнять текстовые документы, использовать термины и их эквиваленты на английском языке соответствующие определенной предметной области.

Литература:

1. Паршина Т. В. Вопросы формирования специальной составляющей переводческой компетенции студентов-переводчиков в высшем учебном заведении посредством учебной дисциплины «Технический перевод»: научно-исследовательская работа/Т. В. Паршина. — Казань: Изд-во «Бук», 2017. — 142 с.
2. Государственный стандарт Российской Федерации. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. Unified systems of documentation. Unified system of managerial documentation. Requirements for presentation of documents. ГОСТ Р 6.30—2003, принят и введен в действие постановлением Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 3.03.2003 № 65-ст.
3. Межгосударственный стандарт. Государственная система обеспечения единства измерений. Единицы величин. State system for ensuring the uniformity of measurements. Units of quantities. ГОСТ 8.417—2002, введен в действие постановлением Госстандарта Российской Федерации от 4.02.2003 № 38-ст.
4. Государственный стандарт Союза ССР Система технического обслуживания и ремонта техники. Термины и определения» (утв. Постановлением Госстандарта СССР от 15.11.1978 N 2986) (вместе с «Пояснениями к некоторым терминам»). ГОСТ 18322—78. (СТ СЭВ 5151—85).
5. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления». ГОСТ 7.32—2001. (введен Постановлением Госстандарта России от 04.09.2001 N 367-ст).
6. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Общие требования к текстовым документам» ГОСТ 2.105—95. (введен Постановлением Госстандарта от 08.08.1995 № 426).
7. Рекомендации по стандартизации «Информационные технологии. Основные термины и определения в области технической защиты информации. Р 50.1.053—2005», утвержденные приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации от 6 апреля 2005 года № 77-ст.

Phraseologisms expressing intellectual abilities of the man in English, Russian and Uzbek languages

Тоштемиров Элёр Нуралиевич, преподаватель;

Абдужабборова Шохиста Адилжоновна, преподаватель

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

The concepts of mind, intelligence, wit are the abilities of the man to think and control his or her attitude to the reality. These concepts considerably expand the possibilities of the man in cognition everything that surrounds him. Intelligence reflects a degree that reached a certain age, a degree of cognitive development of personality in the degree of mastering mental skills and serves humane to master different kinds of activities successfully adopted in environment.

Intellectual abilities of humane are determined as readiness to effective mastering of different knowledge and skills and represent individual characteristics reflecting how much people can process the information of different type.

Almost all modes of human life, for example peoples' birth and death, features of their characters, ages, appearance, intellectual activities, professional qualities find reflexion in phraseology of any language. Leaning basically on proper representation about human reasons, the people also have created the evaluations of this phenomenon. And, certainly, all these found their reflexion in language: there was a considerable quantity of the lexical and phraseological units expressing mental ability of the person.

Positive, negative and neutral components of phraseological meaning in which basis lie condemnation, approval or absence of strongly pronounced approval or condemnation as ascertaining of socially settled evaluation

of any phenomenon are distinguished. We will give following examples:

- positive meaning: with one's head screwed on (right, the rightway, properly) — ақлли, ақли расо, зехни баланд (ўткир);
- negative meaning: one has a screw (a cog, a slate, a tile) loose; one is off his rocker; one is not quite there; one has got apartments to let; one has bats in one's belfry; one is a little wanting; nobody home — узок ўйлайдиган, дарров тушуна қолмайдиган, калтафаҳм (зехни паст) одам.
- neutral meaning: open one's mind — to gather one's thoughts.

On the analysis of an investigated material we can distinguish following criteria of the evaluation, enabling to characterise this or that phraseological unit as having positive, negative or neutral evaluating sense.

The first criterion, undoubtedly, are the features of presence/absence of intelligence and mental abilities of the person: *Eng.* have eyes to see, *Russ.* голова на плечах, *Uzb.* aqli joyida; *Eng.* not to have got a brain in one's head, *Russ.* винтика не хватает, дурак дураком, *Uzb.* g'irt ahmoq.

Mental activity of the person is also usually evaluated from a view of its presence/absence: *Eng.* have all one's buttons on, *Russ.* котелок варит, шевелить мозгами, *Uzb.* aqlini ishlatmoq; *Eng.* have one's head examined, *Russ.* каша в голове, голова трухой набита, *Uzb.* miyasi g'ovlagan.

In English language intellectual activity of the person is also evaluated from the point of view of efficiency/inefficiency of its use: be firing on all cylinders, be quick off the mark, be going around in circles.

The analysis of phraseological units, expressing mental abilities of the person, shows that the neutral evaluation consists of the phraseological units expressing intellectual processes, but not specifying in speed or depth of their

behaviour, or simply supposing existence of certain mental abilities of the person: *Eng.* turn of mind, collect one's thought, *Russ.* приходиться на ум, вертится в голове, серое вещество, жить своим умом, *Uzb.* miyasiga kelmoq, miyasida aylanib yurmoq.

The positive phraseological units express such features, as power of observation, wisdom, insight, ingenuity, wit, mind, for example: *Eng.* have and quick wit, *Russ.* ходячая энциклопедия, остёр на язык, кладезь премудрости, ума палата, *Uzb.* koni aql, ma'lumoti keng.

Accordingly, in a zone of the negative phraseologisms there are the phraseological units expressing such features as nonsense, limitation, dullness, for example: *Eng.* an one-track mind, a wooden head, *Russ.* дубина стоеросовая, мякинная голова, мозги набекрень, как с луны свалился, *Uzb.* alqi past, kallavaram, dumbul.

Phraseological units expressing talent, endowments, creativity have the highest level of mental abilities: *Eng.* be the brains behind smth, think outside the box, *Russ.* семи пядей во лбу, на голову выше, *Uzb.* aqli raso, boshqalardan bir pog'ona yuqori turmoq.

The negative evaluation can be found in the phraseological units reflecting total absence of mind, mental activity, limitation, and also behaviour, acts, condition: *Eng.* be gone in the upper storey, *Russ.* медный лоб, не видеть дальше своего носа, *Uzb.* kallavaram, qovoqbosh, befahm.

In a zone of positivity there are the phraseological units reflecting such features, as prudence, sensible mind and mental activity: *Eng.* be of sound mind, *Russ.* быть в здравом (трезвом) рассудке, *Uzb.* aqli joyida bo'lmoq. The lack of intelligence, slow speed of mental processes or total absence of normal mental activity of the person often associates with illness (temporary or permanent): *Eng.* be out of one's senses, *Russ.* лишаться рассудка, сходиться с ума, мозги набекрень, белены объелся, *Uzb.* aqldan ozmoq, jinni bo'lmoq.

Reference:

1. Волосевич С. П. Замена компонентов фразеологических единиц в аспекте номинации и коммуникации (на материале современного английского языка): Автореф. Дис... канд. филол. наук. — М., 1989.
2. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М., 1978.
3. Смит Л. П. Фразеология английского языка / Пер. с англ. А. Р. Игнатъева. — М., 1959.

Some reflections on the phraseological synonyms in English

Туланбаева Шахноза Шавкатбековна, преподаватель;

Исмоилова Барнохон Валижон кизи, студент

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

Interest in phraseology has grown considerably over the last twenty years or so. The term "phraseology" was introduced by Charles Bally who studied French Stylistics and regarded phraseology as a part of this science. Since his book "Precis de stylistique" (1905) was published and translated into various languages, a lot of research on phraseological units has been conducted.

In the Russian school of thoughts Academician V. Vinogradov described Phraseology in his book "The Russian Language" (1974). He was the first to work out the classification of Russian phraseological units, which gave rise to extensive investigation of phraseology in other languages. After that phraseological units were studied from the point of view of their semantics, structure, and

complexity. Kunin (1970) wrote, “a phraseological unit is a stable combination of words with a fully or partially figurative meaning”.

Since that time much has been done in the field of phraseology. The sole scholarly society for the furtherance of research in phraseology, the European Society of Phraseology “Europhras” was founded at the end of the twentieth century to coordinate the investigations of scientists from different countries and even continents. Each year international conferences are held which are devoted to the problems of phraseology.

It is well-known that synonyms can be defined as two or more words of the same language, belonging to the same part of speech and possessing one or more identical or nearly identical denotational meanings, interchangeable at least in some contexts, without any alteration on the denotational meaning, but differing in the morphemic composition, phonemic shape, shades of meaning, connotations, affective value, style, valency and idiomatic use.

Absolute phraseological synonyms are very rare in the language. E.g.: *be in the secret* — *be in the secret*; *keep under lock and key* — *keep under watch and ward*; *take advantage of something* — *seize advantage of something*; *tell a lie* — *lie in one’s throat* — *spin a lie* — *lie one’s head off* — *tell a story* — *lie out of the whole cloth* — *spin a yarn* — *tell an untruth*.

In the course of time absolute synonyms come to have either a different shade of meaning or different usage. If two words exactly coincide in meaning and use the natural tendency is for one of them to change its meaning or drop out of the language.

Phraseological synonyms differ from each other in shades of meaning.

Synonyms of this kind are very numerous in the English language. In such synonyms we can easily find the general and the particular. Thus all the synonyms express the concept in all its many-sided variety and completeness.

Not all phraseological synonyms are of the same kind. We can distinguish between those which are very close in their meanings (*for ever* — *for good (and all)* — *for keeps*; *go to bed* — *go to roost* — *hit the high* — *hit the sack*) synonyms which differ in meaning considerably.

Among verbs we find phraseological synonyms which differ in the manner of the action expressed by the verb: *give somebody a surprise* (the synonymic dominant — surprise somebody), *make somebody open his eyes* (extremely astonish somebody), *make somebody sit up* (very surprise somebody, wow), *take somebody’s breath away* (unpleasantly surprise somebody).

GIVE SOMEBODY A SURPRISE.

“Well, so there you are, Gulley” she said. “Fancy. You did give me a surprise. And I was just in a twitter lest you might say something to Byles.” (Durell L.)

MAKE SOMEBODY OPEN HIS EYES.

A: “Isn’t it splendid? I have not only come out top of the list but I’ve got the largest scholarship as well.” (Jones L.)

B: “Magnificent! That’ll make your family open their eyes, won’t it! They always used to regard you as the dunce!”

MAKE SOMEBODY SIT UP.

A: “Have you got a lawyer?”

B: “Not yet.”

A: “I’ll send you mine. He’ll make them sit up!” (Galsworthy J.)

TAKE SOMEBODY’S BREATH AWAY.

The unexpected news of this fresh piece of munificence has taken our breath away. (Ogilvie V.)

Synonyms can differ in the degree of a given quality, in the intensity of the

action performed or the intensity of the emotions: *rain cats and dogs* — *rain in buckets* — *rain in torrents* — *rain like hell* — *rain pitchforks*

Synonyms can differ in the volume of the concept they express: *keep silence* — *hold one’s gab* — *hold one’s jaw* — *hold |shut (up) |one’s noise* — *hold one’s peace* — *hold one’s tongue* — *hold one’s whist* — *keep one’s breath* — *keep one’s face|head shut* — *keep one’s moth* — *keep one’s tongue between one’s teeth* — *keep one’s yap shut |shut one’s yap|.*

Phraseological synonyms can replace each other in some combinations but are not interchangeable in others. *Use* and *benefit* are synonyms in such expressions as *public use*, *public benefit* whereas they are no longer synonyms and cannot replace each other in expressions like *I have no use for such books*, or *He was given the benefit of the doubt*.

References:

1. Kunin, Alexandr. 1984. English-Russian phraseological dictionary. Moscow: Russky Yazyk.
2. Kunin, Alexandr. 1996. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. Moscow: Vysshaya shkola, Dubna: Izdatel “sky tsentr “Fenix”.
3. Kamenetskayte.1971. Sinonimi v angliyskoy frazeologii. Moscow.

Problems of grammatical and conceptual meaning in the structure of language

Тургунова Эркиной Эргашевна, преподаватель;

Халимова Мухайё Мухаммедовна, преподаватель

Андижанский государственный университет имени З.М. Бабура (Узбекистан)

As it is known, that the language is a relation of communication among people. People always need to communicate with each other everywhere and every time. We have to take into a consideration that there are different features between languages in the structure of phonetics, in grammar and in vocabulary. These parts of language is related with each other and makes the whole language and its system. As we know, a word is the main part of a language and in some languages it is an independent part of it. It is an independent unit when it has its own grammatical and conceptual structure. We can not refuse the role of a word in language. If we give a definition to the word, it is a single distinct meaningful element of speech or writing used with others (or sometimes alone) to form a sentence and typically shown with a space on either side when written or printed or one of the units of speech or writing that native speakers of a language usually regard as the smallest isolable meaningful element of the language, although linguists would analyse these further into morphemes.

According to the written structure the word is the combination of letters. But it is based on structural, grammatical and conceptual features too. Another definition of the word is more based on its lexical, semantical and grammatical features. The word is divided according to its structure and meaning. If the word consists of one morpheme it does not divided into another parts, head, stem, suffix, etc. But the most of words can be divided into several parts and they are organized with the relation of different morphemes. For example, headline, railway, sunflower, etc. The stem of these words has an independent meaning. When we speak about the word, we have to take into consideration that meaning is connected with an idea and they begin to relate with one another.

Relationship is a logical category, and it has lexical meaning, but the word is another category which is connected with the structure of a language. The meaning between the word and relationship, its lexical meanings differentiated with other features, too. Relationship (concern, term) is expressed not only by word but another parts of a language, especially with phraseological units or idioms, too, the ministry of finance, expression of interest, extension of thanks, shift the blame on smb, etc.

To express the attitude is related only independent words, especially such words that has nominative meaning. The words which has no nominative meaning (pronouns), or non independent words (auxiliary words, interjections) can not expressed concern (meaning), but they have their own meaning too like oh, yes, no, high, wow, etc. These words express feeling, and hope or astonish.

The smallest part of the language a morpheme expresses the stem and suffixes, independent words

have another syntactical features as a sentence: Winter. Cold. Darkness.

As we have mentioned, word is a unit which has a structure and meaning. It is learned by the following types:

- 1) according to the phonological features, we learn its phonemic system and the structure of stress;
- 2) according to the morphological feature, we analyse and learn the structure of morpheme;
- 3) according to the lexical point of view, we have to pay attention that a word is a unit of name (nomination), or the feature how to name;
- 4) according to the semantic feature, we learn different meanings of a word;

According to the 1st and the 2nd phonological and morphological features, we learn the structure and according to the 3rd and the 4th features it is learned lexical and semantic features. Besides this the word has original and figurative meaning. Also it has monosemantic and polysemantic features, according to their semantic features (synonyms, homonyms, antonyms, paronyms) too. For example, little and big, good and bad, high and low (in Uzbek some words like оқ-қора, катта-кичик, яхши-ёмон, баланд-паст, узун-қиска are antonymic words, the words like гўзал, чиройли, жозибали, мафтункор, ёқимтой; юз, бет, чехра, ораз, турк, башара are synonymic words). We know that homonyms are one of a group of words pronounced or spelt in the same way but have different meanings and origins (e. g., pole I and pole II).

In its place, phrasal verbs and idioms have structural and conceptual meaning too. We may take the following examples for them:

In English: fed up with-lose patience, in Uzbek: Тоқати тоқ бўлмоқ-сабр косаси тўлмоқ, in Russian: сытый по горло — чаша терпения переполнилась;

in English: to like- to be fond of to love, in Uzbek: яхши кўрмоқ-кўнгил бермоқ, in Russian: нравиться — любить кого-, чего-л;

We have to keep in mind that the word has grammatical and logical meaning too. These meanings are differentiated with each other. Logical meaning is a term, which has its own meaning, and grammatical meaning is its structure. For example, a book: a) it is a thing; b) it is a common noun, countable, singular form.

(a school, a shop, a bread, a market, a car, a lecture, a newspaper, a street, etc)

We always use the words in different meanings. Words are connected with each other in order to make a sentence and express the certain informations. In its place, sentences make a text. Text consists of sentences which gives an information about something.

References:

1. Нурманов А., Махмудов Н., Собиров А., Юсупова Ш. Ҳозирги ўзбек тили. — Тошкент: «Илм зиё», 2005
2. Шоабдурахмонов Ш. Асқарова М. Ҳозирги замон ўзбек адабий тили. — Тошкент, 1986
3. Турсунов У., Мухторов Ж., Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. — Тошкент, 1975

О проблемах перевода эвфемизмов с немецкого языка на узбекский язык

Шамуратова Гулистан Юлдашевна, преподаватель

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

В данной статье рассматриваются и анализируются проблемы в переводе эвфемизмов с немецкого на узбекский язык посредством изучения и сопоставления некоторых произведений представителей немецкой классической литературы и их перевода на узбекский язык.

Ключевые слова: эвфемизм, перифраза, трансформация, перевод, дезэвфемизация, эвфемизация

This article considers and analyzes the problems of translating the euphemisms from German into Uzbek language by review and comparison of the works of several representatives of the German classic literature and their translated version into Uzbek language.

Key words: euphemism, paraphrase, transformation, translation, dysphemism, euphemizing

Понятие и термин «эвфемизм» восходит к греческому языку, где он «обозначал манеру хорошего говорения или выражения».

Под эвфемизмом понимается перифраза, целью которой является изложение нечто неприятного более приятным, нечто невежливого более вежливым, нечто страшного более безобидным [5, с. 107]. Другими словами, эвфемизмы — это слова и выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые предоставляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, или слишком резкими. Например, для выражения понятийной области «schwangersein» (т. е. быть беременной) в немецком языке часто употребляются выражения in «Umständensein», «gutter Hoffnungsein, ein Kinder warten» и т. д. понятие рожать (gebären) обозначается (в Aktive) с помощью таких эвфемизмов как «ein Kind zur Weltbringen, Mutterwerden» и т. д.

Исходя из разной грамматической направленности эвфемизмы подразделяются в специальной литературе на:

1. Иронические эвфемизмы. Например, Freundin вместо Geliebte;
2. Чистые эвфемизмы или эвфемизмы приличия. Например, Anstand euphemismen, stark, vollblank вместо dick;
3. Эвфемизмы вежливости (Höflichkeit euphemismen);
4. Пропагандистические эвфемизмы (propagandistische Euphemismen).

Как известно, многие произведения немецкой литературы переведены на узбекский язык путем опосредованного и прямого перевода. Для иллюстрации особенностей воссоздания немецких перифраз в узбекском языке мы выбрали произведения классиков немецкой литературы

И. В. Гете (Страдания юного Вертера), Г. Гейне (Германия, Зимняя сказка), Г. Манна (Вернопопанный), А. Зегеро (Мертвые остаются молодыми), а кже сказки братьев Гримм. Следовательно, исследованию подвергаются тексты — лирические, эпические и фольклорные, что должно обеспечить адекватность вытекающих из анализа определенных выводов. Из вышеуказанных произведений отобрали путем сплошной выборки 174 перифраз. Из них абсолютное большинство 129 единиц эвфемистического характера, 32 — литоты, 11 — гиперболы и три примера для иронии. Из этого количественного анализа можно делать вывод, что самый распространенный вид перифраз — это эвфемизмы.

Итак, в количественном отношении из 129 эвфемизмов получилось следующая картина основных способов перевода эвфемизмов:

1. Сохранение эвфемизмов оригинала в переводе — 44 случаев;
2. Исчезновение или потеря эвфемизмов — 8 случаев;
3. Превращение эвфемизма в другие стилистические явления при переводе — 1 случай;
4. Замена эвфемизма оригинала другой его разновидностью в тексте перевода — 14 случаев
5. Появление эвфемизмов в переводе, отсутствующих в оригинале — 61 случаев.

Само собой разумеется, что все перечисленное количество переводных вариантов в рамках одного раздела иллюстрировать и анализировать не представляется возможным. Поэтому в дальнейшем попытаемся коротко анализировать способы перевода эвфемизмов.

В одном из эпизодов, посвященных описанию встречи двух подруг — Марии и Эммы в романе «Die Toten bleiben jung» А. Зегерс употребляет эвфемизм, связанной с беременностью героини:

«Die sah das Mädchen an, dass es ein Kind erwartete, bevor es selbst davon sprach» [4, с. 67].

В данном примере даже в авторской речи употребляется более возвышенная лексика- ein Kinder warten чем нейтральное слово «schwanger». Обращаясь к переводу данного эпизода, осуществленного через язык посредник, констатируем, что узбекскому переводчику удалось адекватно воссоздать эвфемизм оригинала с помощью его эквивалента «иккикат бўлмоқ» в узбекском языке. Ср.: «Мария Эмми ўзайтмасданок унинг иккикатлигини пайқади» [7, с. 72].

Следует лишь отметить, что узбекский вариант «иккикат бўлмоқ» обладает большей, наглядной образностью чем ein Kinder warten.

В другом же эпизоде автор дает синоним этого эвфемизма с помощью выражения «schwersein». Например: «Marie war schwer und müde» [4, с. 76].

В переводе воссоздана адекватная картина с помощью эвфемизма «огирлашиб қолмоқ». Ср.: «Мария ҳийла огирлашиб қолди. Бунинг устига чарчаган эди» [7, с. 80].

На примере других произведений можно встретить другие синонимы данного эвфемизма. Так, например, выражается понятие умереть в романе Г. Манна «Der Untertan»:

«Trotzdem tat Herr Hessling bei Diedrichs Ankunft gerade die letzten Atemzüge» [3, с. 39].

Переводчику, великолепному мастеру слова М. Осиму удалось адекватно воссоздать образ умеряющего Геслинга:

«Шунга қарамай Дитрих уйига етиб келганда жаноб Геслинг ростдан ҳам сўнгги нафасини олаётган эди» [9, с. 38].

Другой пример эвфемистического словоупотребления мы находим в тексте сказки братьев Гримм «Spindel, Weberschiffchen und Nadel» где описывается последние мгновения жизни старушки:

«Darauf schloss sie die Augen...» [7, с. 694].

В переводе добавлено слово «абადий», т. е. вечно. Ср.: «шундайдеб у кўзларини абადий юмибди» [6, с. 179].

Но в переводах не всегда удается адекватно воссоздать перефразы, в частности, эвфемизмы. Так, например, в поэмы «Германия. Зимняя сказка» Г. Гейне давая характеристику различным людям тогдашней Германии, пишет:

«Der Schelling wärgansein Cenece,
Und käme in solchen Konflikt um
Zu unserem Cornelius sagten wir:
Cacatum non est Pictum» [2, с. 33]

Сравним перевод:

«Шунда Шеллинг Сенека бўлиб
Қон йўқотиб ўларди демак.

«Cacatum non est Pictum!»

Корнелиус тингларди бешак». [8, с. 85]

В данном случае речь идет о так называемой деэвфемизации или потери эвфемизма «unkommen» что продиктовано, видимо законами поэтического перевода. Деэвфемизация возможна также при переводе прозаического текста, где она свидетельствует о невнимательности переводчика.

Практика перевода показывает что при переводе эвфемизмы иногда превращаются в другие стилистические явления. Так, например, описывая внешность фрау Гёппель, один персонаж спрашивает другого: «Wie gefällt ihnen denn die Göppel? Netter Käfer, was?» [3, с. 35].

Перевод: «Фрейлейн Гёппель сизга ёқдими!? Бир қошиқ сув билан ютиб юборгудек-а?» [9, с. 18].

В данном случае метафорическая перифраза оригинала превратилась в переводе в традиционное сравнение узбекского языка. Подобное «превращение» однако, отнюдь не уходило качество перевода.

Данный количественный и качественный анализ показывает, что в литературных произведениях и в их переводах больше всего используется эвфемистический вид перефразы. Главной же задачей переводчика является понимание и толкование текста, и когда нужно использовать в какой-то части приёмы перефразы.

Литература:

1. Brüder Grimm. Die Märchen der Brüder Grimm. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1961.
2. Heine H. Deutschland. Ein Wintermärchen. Leipzig: Philipp Reclam, 1966.
3. Mann H. Der Untertan. Berlin: Aufbau-Verlag, 1960.
4. Segers A. Die Märchen der Brüder Grimm. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1980.
5. Анатолев А. И. Стилистика европейских языков и особенности перевода. Санкт-Петербург: Алма Пресс, 2008.
6. Ака-ука Гримм эртақлари. Т., Чўлпон, 1990 (Перевод с немецкого на узбекский Х. Рахимова).
7. Бархаёт ўлиқлар, Ўзадабийнашр. Т., 1962 (Перевод с русского на узбекский Х. Рuzматова).
8. Германия. Қиш эртаги. Т., 1974. (Перевод с русского на узбекский А. Шер).
9. Содик фуқаро. Қофуп Қулом нашриёти. Т., 1970 (Перевод с русского на узбекский М. Осим).

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Международный научный журнал

№ 2 (06) / 2017

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Айрян З. Г.

Ахметова М. Н.

Досманбетова З. Р.

Иванова Ю. В.

Игнатова М. А.

Ткаченко И. Г.

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Майер О. В.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)

Арошидзе П. Л. (Грузия)

Атаев З. В. (Россия)

Бидова Б. Б. (Россия)

Борисов В. В. (Украина)

Велковска Г. Ц. (Болгария)

Гайич Т. (Сербия)

Данатаров А. (Туркменистан)

Данилов А. М. (Россия)

Демидов А. А. (Россия)

Досманбетова З. Р. (Казахстан)

Ешиев А. М. (Кыргызстан)

Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)

Игисинов Н. С. (Казахстан)

Кадыров К. Б. (Узбекистан)

Кайгородов И. Б. (Бразилия)

Каленский А. В. (Россия)

Козырева О. А. (Россия)

Колпак Е. П. (Россия)

Курпаяниди К. И. (Узбекистан)

Куташов В. А. (Россия)

Лю Цзюань (Китай)

Малес Л. В. (Украина)

Нагервадзе М. А. (Грузия)

Прокопьев Н. Я. (Россия)

Прокофьева М. А. (Казахстан)

Рахматуллин Р. Ю. (Россия)

Ребезов М. Б. (Россия)

Сорока Ю. Г. (Украина)

Узаков Г. Н. (Узбекистан)

Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)

Хоссейни А. (Иран)

Шарипов А. К. (Казахстан)

Шуклина З. Н. (Россия)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2412-4028

Подписано в печать 05.07.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25